

К. МАРКС

НИЦЕТА ФИЛОСОФИИ

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

БИБЛИОТЕКА МАРКСИСТА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. РЯЗАНОВА
ВЫПУСК XII—XIII

К. МАРКС

НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1928 * ЛЕНИНГРАД

О Т П Е Ч А Т А Н О
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГИЗа.
Москва, Пятницкая, 71.
Главлит № 90888. И. 1.
Гиз № 19919. Тир. 10000.
Зак. № 2243.

BÜCHEREI
LESERKREIS
FÜR SOZIALPOLITIK
FRANKFURT A. M.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ.

Если Энгельс в своем предисловии к «Нищете философии» утверждает, что Маркс написал эту книгу зимой 1846—47 г., то мы можем теперь установить эту дату более точно. Книга Прудона вышла в свет 15 октября 1846 г. Маркс, как это видно из письма его к Анненкову от 28 декабря 1846 г., получил ее только в середине декабря. Написанное под свежим впечатлением наспех прочитанной работы Прудона, письмо Маркса—мы даем его в приложении—дает первый набросок «Нищеты философии», который в то же время является прекрасным резюме, в сжатой форме повторяющим основные идеи, развитые Марксом в полемике против Прудона.

Возможно, что только после этого письма у Маркса возник план ответить Прудону особым памфлетом. О своем намерении он сообщил Энгельсу. К сожалению, это письмо пропало. Нам известен только ответ Энгельса.

«Очень хорошо, что ты пишешь по-французски против Прудона. Надо надеяться, что, когда получится это письмо, брошюра будет уже закончена. Само собою разумеется, что ты можешь заимствовать из нашей работы все, что тебе угодно. Я также думаю, что прудоновская ассоциация сводится к плану Брэя. Я совершенно забыл доброго Брэя».

Маркс закончил свою книгу только в середине июня 1847 г. «Наша работа», о которой пишет Энгельс, это — «Немецкая идеология», для которой они тогда тщетно искали издателя. Наряду с этой работой, в которой Маркс и

Энгельс подвергли критике взгляды немецких философов и истинных социалистов, Маркс готовил к печати и критику буржуазной политической экономии. Вместе с «Наемным трудом и капиталом» и «Речью о свободе торговли» ответ Маркса Прудону дает нам возможность составить себе точное представление об основных принципах экономической системы Маркса, как она сложилась накануне революции 1848 г. Мы видим, что Маркс уже выработал к этому времени свою принципиальную точку зрения, с которой он подвергает критике буржуазную политическую экономию, что он уяснил себе метод исследования, но он еще далеко не успел осветить с этой точки зрения главные пружины действительного механизма капиталистического способа производства, исследовать важнейшие экономические категории буржуазного общества.

Но именно поэтому «Нищета философии» является прекрасным введением в изучение «Капитала». Она показывает нам, какую основательную философскую и историческую работу проделал Маркс, чтобы приступить к теоретическому исследованию капиталистических отношений производства, в той их форме, которую они приняли, в результате долгого исторического процесса, ко второй половине XIX столетия.

В «Нищете философии» Маркс впервые формулирует принципы материалистического понимания истории, ставит и исследует вопрос о зависимости между развитием способа производства и борьбой классов, как движущей причиной исторического процесса, набрасывает первый очерк последовательной смены различных фаз развития капитализма (первоначальное накопление, капиталистическая кооперация, мануфактура, крупная машинная индустрия.) В «Нищете философии» Маркс впервые применяет диалектический метод к исследованию экономических явлений, вскрывая исторический, преходящий характер всех экономических категорий.

В «Нищете философии» Маркс впервые ставит рабочее движение в связь с развитием капиталистического производства и показывает, каким образом сам механизм развития капиталистического общества вызывает к жизни движение рабочих масс. Маркс показывает, как профессиональное движение рабочих становится основным классоввязующим фактором, как в непрерывной и упорной борьбе рабочих против капиталистов сплывающаяся рабочая масса превращается мало-по-малу из класса по отношению к другим в класс для себя, пока в очередь дня не ставится вопрос об уничтожении вместе с капиталистическим обществом всякого антагонизма классов и его официального выражения — государства.

В архиве немецкой социалдемократии сохранился экземпляр «Нищеты философии» с собственноручными пометками Маркса. Когда в 1884 г. был предпринят немецкий перевод, — он сделан К. Каутским и Э. Бернштейном, — Энгельс внес, на основании пометок Маркса, в немецкий текст ряд поправок. Такие же изменения сделаны были после во втором французском издании.

Все исправления и дополнения, сделанные по указаниям Энгельса, особо отмечены нами в примечаниях. Кроме того, мы использовали рукописную заметку Энгельса, фотокопия которой имеется в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса; в ней дан перечень желательных исправлений. За некоторыми несущественными исключениями, которые оговорены нами в примечаниях, они внесены в немецкое и французское издания.

В основу русского издания положен старый перевод В. Засулич, отредактированный Г. Плехановым. Правда, этот перевод сделан не с оригинала, а с немецкого перевода, но он тщательно сверен нами с французским подлинником 1847 г. Пришлось внести значительные исправления, представлявшие собой необходимые, чтобы более точно и ясно передать мысли

Маркса. Расхождения в тексте различных изданий «Нищеты философии» отмечены, как уже сказано, в особых примечаниях внизу текста.

В конце книги читатель найдет ряд пояснений, дающих необходимые сведения о различных лицах и событиях, упоминаемых Марксом.

Перевод редактирован И. Рубиным и мною. Примечания составлены Евгенией Гурвич и Н. Палатниковым.

Д. Рязанов.

Апрель, 1928 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА

к первому немецкому изданию

Предлагаемое произведение было написано зимою 1846/47 г., когда для Маркса вполне уже выяснились, в основных чертах, его новые исторические и экономические воззрения*. Появление прудоновской «Системы экономических противоречий, или философии нищеты» дало ему повод развить эти воззрения, противопоставляя их воззрениям человека, которому предстояло занять с тех пор самое видное место среди французских социалистов той эпохи. С того времени, когда они в Париже часто проводили целые ночи за обсуждением экономических вопросов, их пути расходились все дальше и дальше; новое произведение Прудона¹ доказало, что между ним и Марксом уже образовалась непроходимая пропасть, которую невозможно было игнорировать, и Маркс в своем ответе констатировал этот окончательный разрыв.

Общее мнение Маркса о Прудоне читатель найдет в следующей ниже статье, появившейся в 16, 17 и 18 №№ берлинского «Социал-демократа»² 1865 г. Эта статья была единственной, написанной Марксом для названного издания; обнаружившаяся вслед затем попытка фон-Швейцера³ придать

* Во втором французском издании «Нищеты философии» (1896 г.) в данном месте помещено следующее «примечание издателя: «Нищета философии», написанная на французском языке, появилась в 1847 г. в Париже (в издании А. Frank, 69 rue Richelieu) и Брюсселе (в издании С. Vogler, 2 petite rue de la Madeleine); она была переведена на немецкий язык Бернштейном и Карлом Каутским и в 1885 г. появилась в издании германской социал-демократической партии с предисловием Энгельса. Экземпляр Маркса, вместе с другими его книгами, был передан его дочерью, Лаурою Лафарг и Элеонорою Эвелинг, германской социал-демократической партии с тем, чтобы эти книги, вместе с книгами Энгельса, положили начало партийной библиотеке; в экземпляре Маркса имеются некоторые исправления, сделанные рукою автора и воспроизведенные в настоящем издании».

журналу феодальное и правительственное направление вскоре вынудила нас гласно отказаться от сотрудничества.

Для Германии именно в настоящий момент предлагаемое произведение имеет значение, совершенно не предвиденное самим Марксом. Мог ли он знать, что, побивая Прудона, он попадет в кумира современных карьеристов, Родбертуса ⁴, во время не известного ему даже по имени?

Здесь не место распространяться об отношениях между Марксом и Родбертусом; случай поговорить об этом не замедлит, конечно, представиться. Теперь замечу только, что когда Родбертус обвиняет Маркса, что тот его «ограбил» и «в своем «Капитале» прекрасно воспользовался, не цитируя», его произведением «Zur Erkenntnis», то в этих обвинениях он позволяет себе увлечься до клеветы, объяснимой лишь раздражительностью непризнанного гения и его замечательным незнанием всего, совершающегося вне Пруссии, в особенности же социалистической и экономической литературы чужих стран. Ни эти жалобы, ни вышеупомянутое произведение никогда не попадались на глаза Марксу; из сочинений Родбертуса он был знаком только с его тремя «Социальными письмами», да и то ни в каком случае не раньше 1858—1859 гг.

С большим основанием утверждает Родбертус в упомянутых письмах, что прудоновская «конституированная (установленная) стоимость» открыта им до Прудона; но тут же он снова впадает в заблуждение, приписывая себе честь первого открытия. Как бы там ни было, критика Прудона распространяется, таким образом, и на Родбертуса, что вынуждает меня сказать несколько слов об его книге «Zur Erkenntnis unserer staatswirthschaftlichen Zustände», 1842 г., насколько это «основное» произведение, кроме заключающегося в нем (опять-таки бессознательно) вейтлинговского коммунизма ⁵, является предвосхищением прудоновских открытий.

Поскольку теории современного социализма вытекают из буржуазной политической экономии, все они, без различия направлений и почти без исключения, примыкают к теории стоимости Рикардо. На первых же страницах своих «Основ политической экономии», обнародованных в 1817 году, Рикардо провозглашает следующие два положения: 1) что стоимость всякого товара определяется единственно и исключи-

тельно количеством труда, необходимого на его производство, и 2) что продукт совокупного общественного труда делится между тремя классами: землевладельцами (рента), капиталистами (прибыль) и рабочими (заработная плата). Из этих двух положений в Англии уже с 1821 года делались социалистические выводы, и притом иногда с такою последовательностью и решительностью, что ныне почти совершенно забытая и в значительной мере вновь открытая лишь Марксом английская социалистическая литература того времени оставалась непревзойденной до самого появления «Капитала». Но об этом в другой раз. Итак, когда в 1842 году Родбертус сделал, в свою очередь, социалистические выводы из вышеупомянутых законов, для немца они составляли несомненно весьма значительный шаг вперед, но прорваться за новое открытие они могли разве только в Германии. Насколько не ново было подобное применение теории Рикардо⁶, доказано Марксом по отношению к Прудону, страдавшему тем же самомнением.

«Кто хоть сколько-нибудь знаком с развитием политической экономии в Англии, — говорит Маркс, — тот не может не знать, что почти все социалисты этой страны делали в разное время уравнительные (т. е. социалистические) выводы из теории Рикардо. Мы могли бы указать Прудону на «Политическую экономию» Гопкинса, 1822 г.⁷; Виллиама Томпсона⁸: «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth, most conducive to Human Happiness», 1827 г., Т. Р. Эдмондса⁹: «Practical, Moral and Political Economy», 1828 г., и проч., и проч., и проч., еще четыре страницы таких и проч., и проч., и проч. Приведем слова только одного английского коммуниста Брэя¹⁰ из его интересного труда «Labour's Wrongs and Labour's Remedy, Leeds 1839». И одних приведенных далее Марксом цитат из Брэя достаточно для устранения значительной части претензий Родбертуса на приоритет.

В то время Маркс еще ни разу не посещал читальной залы Британского музея. Кроме книг парижской и брюссельской библиотек и моих книг и выписок, он просмотрел только те книги, которые удалось достать в Манчестере во время нашей совместной шестинедельной поездки в Англию летом 1845 года. Следовательно, в 40-х годах литература, о которой идет речь, вовсе не была еще так недоступна, как

в настоящее время. И если она все-таки осталась неизвестной Родбертусу, то единственно благодаря его прусской провинциальной ограниченности. Он был истинным основателем специфически прусского социализма, и теперь за ним признано, наконец, это достоинство.

А тем временем Родбертуса не оставляли в покое даже в его любезной Пруссии. В 1859 году появилась в Берлине книга Маркса «Zur Kritik der politischen Oekonomie» («К критике политической экономии»). Там в числе других возражений экономистов против Рикардо приводилось следующее, второе по счету (стр. 40):

«Если меновая стоимость продукта равна содержащемуся в нем рабочему времени, то меновая стоимость рабочего дня равна его продукту. Иначе говоря, заработная плата должна быть равна продукту труда, а это противоречит действительности». Маркс делает к этому следующее примечание: «Это сделанное со стороны экономистов возражение против Рикардо было подхвачено лютом социалистами. Признавая теоретическую правильность формулы, они учили практику в противоречии с теорией и предлагали буржуазному обществу осуществить на практике воображаемые следствия из его теоретических принципов. Таким образом, по крайней мере, английские социалисты обратили формулу меновой стоимости Рикардо против политической экономии». В том же примечании Маркс ссылается на свою книгу «Ниццета философии», которая в то время была еще повсюду в продаже.

Родбертус имел, следовательно, полную возможность узнать, были ли действительно новы открытия, сделанные им в 1842 г. Вместо того он продолжает постоянно возвещать о них и считает их до такой степени единственными в своем роде, что ему и в голову не приходит, что Маркс мог сделать выводы из Рикардо с такою же самостоятельностью, как это сделал сам Родбертус. Где там! Маркс «ограбил» его, — его, которому тот же самый Маркс предоставлял все удобства для проверки того факта, что эти заключения, по крайней мере в той необработанной форме, которую они сохраняют еще и у Родбертуса, были задолго до них обоих высказаны в Англии!

Простейшее социалистическое применение теории Рикардо есть именно вышеизложенное. Во многих случаях оно

повело к более правильному пониманию происхождения и природы прибавочной стоимости по сравнению с Рикардо,—в числе других экономистов сюда нужно отнести и Родбертуса. Но, не говоря уже о том, что все достигнутое им в этой области было по меньшей мере так же хорошо выражено до него, он, подобно своим предшественникам, не исследует содержания экономических категорий: труд, капитал, стоимость и проч., а без всяких рассуждений принимает их в той необработанной и привязанной лишь к внешним проявлениям форме, в какой он нашел их у экономистов. Этим он не только отрезывает себе всякую возможность дальнейшего развития — в противоположность Марксу, впервые сделавшему нечто из законов, о которых твердят вот уже 64 года, — но открывает еще себе, как увидим ниже, прямой путь в утопию.

Тот вывод из теории Рикардо, что рабочим, как единственным действительным производителям, принадлежит весь общественный продукт их труда, ведет прямо к коммунизму. Но, как намекает и Маркс в вышеприведенных строках, с экономической точки зрения этот вывод формально ложен, так как является простым приложением морали к политической экономии. По законам буржуазной экономики большая часть продуктов не принадлежит производшим их рабочим. Когда мы говорим: это несправедливо, этого не должно быть, — то такие приговоры не касаются политической экономии. Мы выражаем ими простое противоречие нашего нравственного чувства с данным экономическим фактом. Поэтому Маркс никогда не брал ничего подобного за основу своих коммунистических требований, а опирался на неизбежное, с каждым днем все яснее и яснее совершающееся на наших глазах крушение капиталистического способа производства; говоря, что прибавочная стоимость состоит из неоплаченного труда, он просто констатирует факт. Но формально ложное в области экономии может зато оказаться истинным с точки зрения всемирной истории. Если нравственное сознание массы объявляет несправедливым тот или другой экономический факт, как это было когда-то с рабством или с крепостным трудом, то это доказывает, что данный факт отжил уже свое время, что появились новые экономические факты, в силу которых он становится невыносимым и должен рушиться. Под формально ошибочным с экономи-

ческой точки зрения положением может, следовательно, скрываться очень верное экономическое содержание. Подробнее говорить о значении и истории теории прибавочной стоимости здесь было бы неуместно.

Из теории стоимости Рикардо могли быть и были действительно сделаны еще другие выводы. Стоимость товаров определяется потребным на их производство трудом. А между тем, в нашем испорченном мире товары продаются то выше, то ниже своей стоимости, и причина этого явления кроется не в одних только колебаниях конкуренции.

Подобно тому, как цены товаров имеют тенденцию сводиться посредством спроса и предложения к их трудовой стоимости, точно так же норма прибыли имеет тенденцию устанавливаться для всех капиталистов на одном и том же уровне. Но норма прибыли высчитывается по отношению ко всей сумме капитала, вложенного в промышленное предприятие. А так как в двух различных отраслях производства, при годовом продукте, воплощающем равное количество труда, а следовательно, и равные стоимости, и при одинаковой высоте заработной платы, затраченный капитал может быть и часто бывает в одной из отраслей вдвое или втрое больше, чем в другой, то отсюда вытекает открытое еще самим Рикардо противоречие между его законом стоимости и законом равной нормы прибыли. Если продукты обеих отраслей производства будут продаваться по их стоимости, то норма прибыли будет различная; при равной же норме прибыли продукты обеих отраслей производства не всегда могут продаваться по их стоимости. Мы имеем здесь, следовательно, антиномию, противоречие двух экономических законов, на практике разрешаемое, по мнению Рикардо (гл. 1, отделы 4 и 5), обыкновенно в пользу нормы прибыли и в ущерб стоимости.

Но, несмотря на свои зловещие свойства, определение стоимости Рикардо имеет одну сторону, привлекательную для сердца каждого порядочного буржуа. Оно с непреодолимой силой взывает к его чувству справедливости. Справедливость и равенство прав — вот главные устои, на которых буржуа восемнадцатого и девятнадцатого столетий желал бы воздвигнуть свое общественное здание на развалинах феодальных несправедливостей, неравенства и привилегий. Определение же стоимости товаров трудом и совершающийся на

основании этого мерил стоимости свободный обмен продуктов труда между равноправными товаровладельцами — это и есть, по замечанию Маркса, та реальная основа, на которой покоится вся совокупность политической, юридической и философской идеологии современной буржуазии. Ее лучшие чувства должны глубоко оскорбляться испорченностью такого мира, где на словах труд признается мерилом стоимости товаров, на деле же этот основной закон справедливости, повидимому, ежеминутно нарушается самым бесцеремонным образом. И именно мелкий буржуа, видящий, как конкуренция крупного производства и машин ежедневно все более и более обесценивает его честный труд (исполняемый, впрочем, его учениками и подмастерьями), — именно этот-то мелкий производитель и должен всего сильнее вздыхать о таком обществе, где продукты обменивались бы, наконец, вполне и без всяких исключений по их трудовой стоимости. Другими словами, он должен вздыхать о таком обществе, где действовал бы исключительно и с полной силой лишь один из законов товарного производства, но были бы устроены те условия, при которых он только и может действовать, а именно: остальные законы товарного, а затем капиталистического производства.

Как глубоко проникла эта утопия в мысли современных мелких буржуа — по положению или по воззрениям, — доказывается тем, что уже в 1831 году она была систематически развита Джоном Грэм¹¹ в Англии, в тридцатых годах испытывалась там на практике и распространялась в теории; провозглашалась в качестве самоновейшей истины в 1842 году Родбертусом в Германии, в 1846 году Прудоном во Франции; затем, в 1871 году, Родбертус еще раз возвестил ее как решение социального вопроса и вместе с тем как свое социальное завещание, а теперь, в 1884 году, эта же утопия находит себе приверженцев в той группе людей, которая старается эксплуатировать прусский государственный социализм, прикрываясь именем Родбертуса.

Сделанная Марксом критика этой утопии настолько исчерпывает все возражения как против Прудона, так и против Грэя*, что я могу ограничиться здесь лишь несколь-

* Энгельс имеет в виду критические замечания Маркса против Грэя в «К критике политической экономии». — П р и м. р е д.

кими замечаниями о специально родбертусовской форме ее обоснования и изложения.

Как было уже сказано, Робертус принимает ходячие определения экономических понятий как раз в той форме, в какой они достались ему от экономистов. Он не делает ни малейшей попытки к исследованию этих понятий. Стоимость для него есть «то значение, которое имеет данная вещь по отношению к другим вещам в том случае, когда мы рассматриваем это отношение в количественном смысле, а самое значение вещи принимаем за мерило». Это, выражаясь мягко, в высшей степени бессодержательное определение может еще в лучшем случае дать нам некоторое представление о том, какой внешний вид имеет стоимость, но не говорит абсолютно ни слова о том, что такое она есть на самом деле. А так как этим ограничивается все, что Родбертус мог сказать нам о стоимости, то вполне понятно, что он ищет мерило стоимости, лежащее вне ее самой.

На целых тридцати страницах Родбертус, — с тою абстрактною силою мышления, которая вызывает бесконечное удивление г. Адольфа Вагнера¹², — самым беспорядочным образом смешивает потребительную стоимость с меновою, а в результате этого исследования оказывается, что действительного мерила стоимости не существует, и мы должны довольствоваться его суррогатом. Таким суррогатным мерилом мог бы служить труд, но лишь в том случае, если бы продукты равного количества труда всегда обменивались на продукты равного же количества труда, независимо от вопроса о том, «представляет ли такое условие уже существующий факт или может быть достигнуто лишь путем известных мероприятий». Стоимость и труд остаются, следовательно, без всякой реальной связи, хотя первая глава целиком была посвящена объяснению и доказательству того, что товары «стоят труда», и только труда.

Понятие о труде опять-таки, без дальнейших рассуждений, принимается Родбертусом в той самой форме, какую ему придали экономисты. Мало того. Хотя Родбертус и указывает в двух словах на различие в интенсивности труда, тем не менее труд характеризуется им в самых общих выражениях как нечто, «имеющее стоимость» и, следовательно, являющееся мерилом стоимости, независимо от вопроса о том, совершается ли он при средних, нормальных

общественных условиях или нет. Тратят ли производители десять дней или только один день труда на производство продукта, который может быть изготовлен в один день; работают ли они лучшими или худшими орудиями, употребляя ли свое рабочее время на производство общественно-необходимых или никому не нужных предметов, изготовляющих общественным потребностям — обо всем этом нет и речи. Труд есть труд, и продукты равного количества труда должны обмениваться одни на другие. В других вопросах Родбертус всегда готов, кстати и некстати, становиться на точку зрения целой нации и с высоты этого общенационального наблюдательного пункта рассматривать отношения отдельных производителей; но на этот раз он самым тщательным образом избегает общественной точки зрения. И избегает он ее именно потому, что с первых же строк своей книги направляется прямехонько к утопии рабочих денег, а всякое исследование свойств труда, как создающего стоимость, воздвигло бы на его пути непроходимые преграды. Инстинкт оказался на этот раз значительно сильнее абстрактной мысли Родбертуса, открыть которую, заметим мимоходом, может только человек, отличающийся весьма конкретной бедностью мысли.

Переход к утопии совершается затем в одно мгновение. «Мероприятия», обеспечивающие правильный и постоянный обмен товаров по их трудовой стоимости, не представляют никаких затруднений. Другие утописты того же направления, от Грэя до Прудона, мучились над изобретением общественных учреждений, ведущих к этой цели. Они пытались, по крайней мере, решать экономические вопросы на экономической же почве, путем действий самих обменивающихся товаровладельцев. У Родбертуса дело решается гораздо проще. Как добрый пруссак, он апеллирует к государству, и реформа декретируется правительством.

Таким образом благополучно «конституируется» стоимость, но ни в каком случае не право Родбертуса считаться первым изобретателем этого конституирования. Наоборот, и Грэю, и Брэю, и многим другим приходили те же мысли, те же благочестивые пожелания таких мероприятий, при которых продукты обменивались бы при всех обстоятельствах, постоянно и неизменно, по их трудовой стоимости, и,

задолго до Родбертуса, они уже наговорились о них до пресыщения.

Конституировавши стоимость, по крайней мере (Родбертус скромн), одной части продуктов, государство выпускает свои бумажные рабочие деньги и ссужает ими промышленных капиталистов, которые выдают их в уплату рабочим, а эти последние покупают на полученные рабочие деньги продукты, возвращая, таким образом, бумажные деньги к их исходному пункту. Как восхитительно все это устривается, мы должны услышать от самого Родбертуса.

«Что касается второго условия, то действительное присутствие в обращении обозначенных на билетах стоимостей достигается тем, что только лица, действительно доставившие продукты, получают билеты с точным обозначением количества труда, потраченного на изготовление этих продуктов. Кто доставил продукт 2-х дней труда, тот получает билет, на котором обозначено: 2 дня. Точным соблюдением этого правила при эмиссии билетов и будет несомненно достигнуто это второе условие. Так как стоимость продуктов всегда совпадает, по нашему предположению, с количеством труда, потраченного на их изготовление, а это количество измеряется по масштабу обычных подразделений времени, то каждый, представивший продукт 2-х дней труда и получивший расписку в 2-х днях, имеет свидетельство, или ассигновку, на стоимость не большую и не меньшую той, которую он действительно представил. И так как, далее, только тот получает подобное свидетельство, кто действительно отдал в обращение свой продукт, то несомненно также, что отмеченная в расписке стоимость имеется в наличности для удовлетворения потребностей общества. Какой бы широкий круг ни охватывало разделение труда, во всяком случае, при строгом соблюдении этого правила, сумма наличных стоимостей должна быть в точности равна сумме стоимости, засвидетельствованной на квитанциях. А так как сумма засвидетельствованных стоимостей есть, вместе с тем, сумма выданных ассигновок, то и последняя сумма необходимо должна совпадать с количеством наличных стоимостей; таким образом, все требования будут удовлетворены, и ликвидация совершится правильно» (стр. 166, 167).

Если до сих пор Родбертус имел несчастье вечно запаздывать со своими новыми открытиями, то на этот раз за ним нельзя не признать некоторой оригинальности. Еще никто из его конкурентов не отваживался выставлять в такой детски-наивной, наглядной, можно сказать, истинно померанской форме всю нелепость утопии рабочих денег. Так как под каждую расписку получается, видите ли, соответствующий по стоимости предмет, и так как ни один из этих предметов не выдается потребителю без пред'явления им соответствующей расписки, то сумма расписок должна постоянно покрываться суммой стоимостей продуктов; в результате не оказывается ни малейшего остатка, счет верен до последней секунды труда, и ни один поседевший над цифрами счетовод государственного казначейства не откроет в нем ни малейшей ошибки. Чего же вам более?

В современном капиталистическом обществе каждый промышленный капиталист по своему усмотрению производит как и что и сколько хочет. Но общественный спрос остается для него неизвестной величиной как относительно качества и рода требуемых предметов, так и относительно их количества. То, что сегодня не могло быть доставлено на рынок в требуемом количестве, может завтра же появиться в количестве, далеко превышающем спрос. Тем не менее, так или иначе, хорошо или худо, спрос в конце концов удовлетворяется, и производство направляется в общем и целом на требуемые предметы. Каким же путем разрешается это противоречие? Путем конкуренции. А каким образом достигает этого разрешения конкуренция? Она просто-напросто заставляет продавать ниже их трудовой стоимости все те товары, которые по своему роду или количеству не соответствуют в данный момент общественному спросу; этим окольным путем она дает производителям почувствовать, что их продукты или вообще не нужны, или доставлены в ненужном, излишнем количестве. Отсюда вытекают два вывода:

Во-первых, постоянные отклонения цены товаров от их стоимости составляют необходимое условие, при котором и посредством которого только и может проявляться сама стоимость товаров. Только постоянными колебаниями конкуренции, а вместе с нею товарных цен, осуществляется свойственный товарному производству закон стоимости и

становится действительностью определение стоимости общественно-необходимым рабочим временем. И если цена, эта форма проявления стоимости, бывает обыкновенно несколько не похожа на самую стоимость, то последняя делит в этом случае судьбу большей части общественных отношений. Король тоже выглядит иначе, чем монархия, которую он представляет. Если вы хотите установить определение стоимости рабочим временем в обществе обменивающихся товаропроизводителей и воображаете, что к этой цели можно прийти, запрещая конкуренции осуществлять определение стоимости посредством давления на цены, т. е. устраняя единственный путь, которым оно вообще может быть достигнуто, — то этим вы только доказываете, что усвоили себе, по крайней мере в этой области, обычное презрение утопистов к экономическим законам.

Во-вторых, в обществе обменивающихся товаропроизводителей конкуренция, приводя в действие свойственный товарному производству закон стоимости, тем самым вносит в общественное производство единственную, возможную при данных обстоятельствах, организацию и порядок. Только посредством обесценения или дороговизны продуктов отдельные производители узнают на собственной шкуре, сколько и чего нужно или не нужно обществу. Между тем, именно к уничтожению этого-то единственного регулятора и стремится та утопия, одним из защитников которой является Родбертус. И если мы спросим теперь, чем же гарантируется производство продуктов в количестве, не большем и не меньшем необходимого? Кто поручится нам, что мы не будем нуждаться в хлебе и мясе, задыхаясь под грудами свекловичного сахара и утопая в картофельной водке; что спасет нас от недостатка в штанах, для прикрытия нашей наготы, при чрезмерном изобилии в пуговицах для этих отсутствующих штанов? — то в ответ на эти вопросы Родбертус с торжеством укажет нам на свой знаменитый расчет, из которого видно, что за каждый излишний фунт сахара, за каждую непроданную бочку водки, за каждую пуговицу для несуществующих штанов выдана правильная расписка, и поэтому «все требования будут удовлетворены, и ликвидация совершится правильно». Кто этому не верит, тот пусть обратится к счетоводу государственного казначейства, г-ну X. в Померании. Он проверял

счет, нашел его правильным и, как человек, еще ни разу в недочете по кассе не уличенный, заслуживает полного доверия.

Заметьте теперь наивность, с которою Родбертус думает, посредством своей утопии, устранить торговые и промышленные кризисы. Когда товарное производство достигает размеров мирового рынка, то равновесие между единичными, руководящимися своим частным расчетом, производителями и рынком, более или менее не известным для них со стороны качества и количества его спроса, устанавливается всемирной бурей торгового кризиса *. Помешать конкуренции посредством повышения и понижения цен указывать на состояние мирового рынка—значит совершенно завязать глаза единичным производителям. Изменить товарное производство в том смысле, чтобы производители совсем ничего не могли знать о состоянии рынка, для которого они производят, значит придумать такой остроумный способ лечения общества от кризисов, которому мог бы позавидовать сам доктор Эйзенбарт.

Теперь понятно, почему Родбертус определяет стоимость товара просто «трудом», принимая во внимание разве лишь различные степени интенсивности труда. Если бы он исследовал, как и отчего труд создает и тем самым определяет и измеряет стоимости, он пришел бы к общественно-необходимому труду, — необходимому для отдельного продукта как по отношению к другим продуктам того же рода, так и по отношению к совокупному общественному спросу. Это привело бы его к вопросу о том, каким образом производство единичных товаропроизводителей приспосабливается к совокупному общественному спросу, а вместе с тем сделало бы невозможной и всю его утопию. Он действительно предпочел «абстрагироваться» на этот раз, и именно «абстрагироваться» от самой сущности дела.

*) Так было по крайней мере до последнего времени. С тех пор, как монополия Англии на мировом рынке все более и более разрушается выступлением на нем Франции, Германии и главным образом Америки, устанавливается, повидимому, новая форма приведения к равновесию. Предшествующий кризису период всеобщего процветания слишком долго заставляет себя ждать. Если его вовсе не окажется, то хронический застой с небольшими колебаниями обратится в нормальное состояние современной промышленности.

Теперь мы переходим, наконец, к тому пункту, в котором Родбертус предлагает нам нечто действительно новое, отличающее его от всех его многочисленных единомышленников, сторонников организации обмена при помощи рабочих денег. Все они требуют такой организации обмена ради уничтожения эксплуатации наемного труда капиталом. Все они, от Грзя до Прудона, согласны в том, что каждый производитель должен получать сполна всю трудовую стоимость своего продукта. Ни в каком случае,—возражает Родбертус: — наемный труд и его эксплуатация продолжают существовать.

Во-первых, немыслимо такое состояние общества, при котором рабочий получал бы для собственного потребления полную стоимость своего продукта; из произведенного фонда всегда должны будут вычитаться издержки целого ряда экономически непроизводительных, но необходимых функций, а следовательно, и содержание исполняющих их лиц. Это совершенно верно, — но лишь до тех пор, пока существует современное разделение труда. Но в таком — без сомнения, тоже «мыслимом» — обществе, в котором существует обязательный для всех производительный труд, все эти издержки исчезают сами собой. Однако и тогда останется необходимость в общественном резервном фонде и фонде накопления; поэтому, хотя рабочие, т. е. все члены общества, будут сообща владеть и пользоваться всей совокупностью своего продукта, но ни один из них в отдельности не будет потреблять «полного продукта своего труда». Оплата экономически непроизводительных функций из продуктов труда была предусмотрена и другими утопистами рабочих денег. Но те, по демократическому обычаю, предоставляли рабочим самим облатать себя налогом для этой цели, тогда как Родбертус, выкраивавший в 1842 году свою социальную реформу по мерке тогдашнего прусского государства, отдает все дело в заведывание бюрократии, которая сама определяет и милостиво выдает рабочим часть их собственного продукта.

Во-вторых, поземельная рента и прибыль также должны остаться в целости. И это потому, что землевладельцы и промышленные капиталисты тоже исполняют известные общественно-полезные или даже необходимые, хотя экономически и непроизводительные, функции и получают за них

особого рода плату в виде земельной ренты и прибыли — воззрение, как известно, ничуть не новое даже в 1842 году. Собственно говоря, они получают теперь чересчур уже много за свою небольшую службу, которую и выполняют-то довольно плохо; но Родбертусу нужен привилегированный класс по меньшей мере на ближайшие 500 лет, а потому (выражаясь правильно) современная норма прибавочной стоимости должна остаться, хотя и не должна возрастать. Эту современную норму прибавочной стоимости Родбертус оценивает в 200%, т. е. при ежедневном двенадцатичасовом труде рабочим будут выдавать расписки не на 12, а только на 4 часа; стоимость же, произведенная в остальные 8 часов, должна делиться между Землевладельцем и капиталистом. Рабочие расписки Родбертуса будут, следовательно, просто лгать. Но нужно быть именно владельцем дворянского поместья в Померании, чтобы вообразить, что где бы то ни было рабочий класс согласится работать по 12 часов в сутки, а получать расписку на 4 часа. Капиталистическое производство становится невозможным, раз его фокусы, переведенные на такой наивный язык, являются ничем не прикрытым грабежом. Каждая выданная рабочему расписка была бы прямым призывом к восстанию и подходила бы под § 110 германского Имперского уголовного кодекса. Чтобы решиться выступить перед рабочими с такими бесстыдными предложениями, надо не иметь понятия об иных пролетариях, кроме фактически еще и теперь полукрепостных поденщиков дворянских поместий в Померании, где процветают еще кнут и палка, а все красивые женщины деревни составляют принадлежность барского гарема. Но нужно сознаться, что самыми яркими революционерами являются у нас именно консерваторы.

Зато, если наши рабочие выкажут достаточно кротости и позволят уверить себя, что в течение тяжелого двенадцатичасового труда они, в действительности, проработали только четыре часа, то в награду за это им на веки вечные будет гарантировано, что их часть в их собственном продукте никогда уже не упадет ниже трети. О подобной разыгранной на игрушечной трубе музыке будущего не стоит и разговаривать. Итак, все новое, внесенное Родбертусом в утопию обмена посредством рабочих денег, является простым ребячеством и ставит его в этом отношении гораздо ниже его

многочисленных сотоварищей, писавших как раньше, так и после него.

Книга Родбертуса — «Zur Erkenntnis etc.» — в свое время несомненно имела большое значение. Разрабатывая теорию стоимости Рикардо, он сделал в известном направлении многообещающее начало. Если оно было ново только для него и для Германии, то в общем все же стояло на одной высоте с лучшими произведениями его английских предшественников. Но это было именно только начало, из которого действительный вклад в теорию мог получиться лишь при дальнейшей основательной и критической работе. Этот дальнейший путь он сам себе отрезал благодаря тому, что одновременно приступил к развитию теории Рикардо в другом направлении, в сторону утопии.

При этом им было утеряно первое условие всякой критики — отсутствие предвзятого мнения. Он шел к заранее определенной цели, он стал тенденциозным экономистом. Раз очутившись во власти своей утопии, он преградил себе всякую возможность научного прогресса. С 1842 года и до самой смерти Родбертус вертится в одном и том же круге, постоянно повторяет одни и те же мысли, высказанные или намеченные уже в первом его произведении, чувствует себя непризнанным, считает себя ограбленным там, где нечего было грабить, и даже не без умысла до конца отказывается признать, что открыл он, в сущности, вещи, уже давно открытые.

В некоторых местах немецкий перевод отличается от печатного французского оригинала. Это сделано на основании рукописных исправлений самого Маркса, которые будут внесены также в подготовляемое новое французское издание.

Едва ли не излишне обратить внимание читателей на то обстоятельство, что употребляемые в этом сочинении термины не совсем совпадают с терминологией «Капитала». Так, например, вместо рабочей силы здесь еще говорится о труде как товаре, о покупке и продаже труда¹².

В качестве дополнения к настоящему изданию приложены: 1) выдержка из сочинения Маркса «К критике политической экономии», Берлин 1859 г., о первой утопии обмена при помощи рабочих денег, принадлежащей Джону Грэйю, и 2) перевод брюссельской речи Маркса о свободе

торговли (1847 г.), относящейся к тому же периоду развития Маркса, как и «Нищета философии»*.

Фридрих Энгельс.

Лондон, 23 октября 1884 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА

ко второму немецкому изданию

По поводу второго издания я должен лишь сказать, что ошибочно указанное во французском тексте имя Гопкинса** заменено правильным именем: Годскин¹⁴ и там же исправлен год издания книги Виллиама Томпсона (1824 г.). Теперь, надеемся, библиографическая совесть господина профессора Антона Менгера¹⁵ будет успокоена.

Фридрих Энгельс.

Лондон, 29 марта 1892 г.

* Перечисленные дополнения, приложенные Ф. Энгельсом к немецкому переводу «Нищеты философии», опущены в настоящем издании, которое содержит в качестве дополнений письмо Маркса о Прудоне и письмо Маркса к Анненкову. — П р и м. р е д.

** У Маркса в «Нищете философии» упоминается книга Гопкинса «Политическая экономия» (1822 г.). Антон Менгер в своей книге «Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag» (2 Aufl., 1891, S. 52) высказал предположение, что Маркс ошибочно принял за книгу Гопкинса сочинение, написанное госпожой Марсет под заглавием «John Hopkins' notions on political economy» (1833). Энгельс предположил, что Маркс ошибочно написал Гопкинс вместо Годскина, и сделал соответствующее исправление в немецком переводе «Нищеты философии». На деле, однако, Маркс имел в виду именно Гопкинса, а не Годскина. Повидимому, у Маркса идет речь о книге Томаса Гопкинса (цитируемой им также в «Теориях прибавочной стоимости», т. 2) под следующим заглавием: «Economic inquiries relative to the laws, which regulate rent, profit, wages and the value of money» (London, 1822). — П р и м. р е д.

КАРЛ МАРКС О ПРУДОНЕ.

(Из «Социал-демократа», 1865 г., №№ 16, 17 и 18. Письмо к редактору.)

Лондон, 24 января 1865 г.

Милостивый Государы!

Я получил вчера письмо, в котором Вы требуете от меня обстоятельного отзыва о Прудоне. Недостаток свободного времени не позволяет мне исполнить Ваше желание. К тому же у меня нет под руками ни одного из произведений Прудона. Чтобы доказать Вам, однако, свою добрую волю, я набросал этот коротенький очерк. Вы можете делать в нем вставки, добавления, сокращения, — одним словом, все, что хотите. («Мы сочли за лучшее, — замечает редакция, — напечатать статью без изменений».)

Я не припомню первых литературных попыток Прудона. Его ученическая работа о «всемирном языке» показывает, с какой бесцеремонностью брался он за такие задачи, для решения которых ему недоставало самых элементарных познаний.

Его первое произведение: «Qu'est ce que la Propriété?» остается безусловно самым лучшим из всего им написанного. Оно составило эпоху, если не новизною своего содержания, то во всяком случае новизною той дерзости, с какою Прудон договаривает все без утайки. «La Propriété» («Собственность») была уже, конечно, не только подвергнута разносторонней критике, но и утопически «снята» в произведениях известных ему французских социалистов и коммунистов. По отношению к С.-Симону¹⁶ и Фурье¹⁷ Прудон представляет приблизительно то же самое, что Фейербах¹⁸ по отношению к Гегелю¹⁹. Фейербах очень беден по сравнению с Гегелем. Тем не менее, явившись после Гегеля, он произ-

вел переворот, оттенив некоторые неприятные для христианского сознания и очень важные для успехов критики пункты, оставленные Гегелем в мистическом полусвете. Если бы можно было так выразиться, я сказал бы, что в этом произведении Прудона преобладает еще сильная мускулатура стиля. И именно стиль составляет, по моему мнению, его главнейшее достоинство. Даже там, где Прудон воспроизводит давно известные вещи, чувствуется, что он дошел до них самостоятельно, что для него самого все сказанное им было ново и имело все значение новизны.

Вызывающая дерзость нападок на «святая святых» политической экономии, полные ума парадоксы, издевающиеся над привычными буржуазными представлениями, резкие приговоры, едкая ирония, проглядывающее там и сям глубокое и искреннее чувство возмущения против гнусности существующего порядка, революционная искренность — все это электризовало читателей «*Qu'est ce que la Propriété?*» и дало при первом появлении книги сильный толчок всему обществу. В строго научной истории политической экономии произведение это едва заслуживает быть упомянутым. Но подобные сенсационные сочинения играют свою роль в науке, так же как и в беллетристике. Довольно назвать книгу Мальтуса²⁰ о «Народонаселении». В первом издании она представляла из себя только «сенсационный памфлет» и к тому же плагиат от начала до конца. А между тем, каким громадным толчком был этот пасквиль на человеческий род!

Будь у меня под руками произведение Прудона, я легко показал бы на нескольких примерах его первую манеру писать. В параграфах, которые представляются ему самыми важными, он подражает кантовскому обращению с антиномиями (это был единственный немецкий философ, знакомый ему в то время по переводам) — причем остается очень заметным, что и для него, как для Канта²¹, разрешение антиномий имело значение, лежащее вне пределов человеческого разума, т. е. неясное для него самого.

Несмотря на всю кажущуюся страшную революционность книги «*Qu'est ce que la Propriété?*», мы и в ней уже находим противоречие, в которое попадал Прудон, с одной стороны, рассматривая общество глазами мелкого фран-

цузского крестьянина и критикуя его с точки зрения этого последнего (позже — с точки зрения мелкого буржуа), а с другой стороны, прилагая к тому же обществу масштаб, заимствованный им у социалистов.

Недостатки этого произведения заметны уже в самом заглавии. Вопрос был поставлен так неправильно, что правильного ответа на него и быть не могло. Античные «имущественные отношения» исчезли, уступив место феодальным, эти последние перешли в «буржуазные»²². Сама история приложила, таким образом, свою критику к пережитым имущественным отношениям. Для Прудона дело шло в сущности лишь о существующей, современной буржуазной собственности. На вопрос: что она такое? ответ мог быть найден лишь в критическом анализе «политической экономики», охватывающей всю совокупность имущественных отношений, не в юридическом их выражении, не в качестве соотношений воли личностей, а в их реальной форме, т. е. в качестве производственных отношений; Прудон втиснул всю совокупность этих экономических отношений в обычное юридическое представление о «собственности», «propriété», поэтому-то он и не мог пойти дальше ответа Бриссо²³, данного теми же словами и в подобном же произведении, еще до 1789 г.: «La propriété c'est le vol» («Собственность — это кража»).

В лучшем случае ответ этот имеет лишь тот смысл, что буржуазное юридическое понятие о «краже» применимо также и к «честному» доходу самого буржуа. Но так как «кража», т. е. насильственное нарушение собственности, заранее предполагает существование последней, то Прудон и запутался во всевозможных, ему самому не ясных, хитросплетениях насчет истинной буржуазной собственности.

Во время моего пребывания в Париже, в 1844 году, я лично познакомился с Прудоном. Упоминаю здесь об этом, потому что на мне лежит, до известной степени, вина за его «софистику» — «sophistication» — как называют англичане фальсификацию товаров. Во время долгих, часто продолжавшихся по целым ночам, споров я, к боль-

шому вреду для Прудона, заразил его гегельянством, основательное изучение которого, при незнании немецкого языка, было для него недоступно. После моего изгнания из Парижа начатое мною продолжал Карл Грюн ²⁴. В качестве преподавателя немецкой философии он имел предо мною то преимущество, что и сам не понимал в ней ровно ничего.

Незадолго до появления «Философии нищеты» — второго значительного произведения Прудона, он сам сообщил мне о нем в подробном письме, где, между прочим, была такая фраза: «J'attends votre férule critique» (Я жду Вашей строгой критики). И действительно, моя критика не заставила себя долго ждать в моей книге «Нищета философии» (Париж 1847 г.) и навсегда разрушила нашу дружбу.

Из сказанного здесь Вы уже видите, что на вопрос: «что такое собственность?» Прудон впервые отвечал в сущности только в своей «Философии нищеты, или системе экономических противоречий». И в самом деле, он начал изучать экономию лишь после появления своей первой книги и тогда только открыл, что на поставленный им вопрос нужно отвечать не обвинением, а анализом современной «политической экономии». Он старался, вместе с тем, диалектически изложить систему экономических категорий. Место неразрешимых кантовских «антиномий» должны были занять гегелевские «противоречия», как средство развития относящихся сюда понятий ²⁵.

Чтобы выразить свое мнение об этой толстой двухтомной книге, я должен сослаться на свой ответ на нее. В этом ответе я показал, между прочим, как мало проник Прудон в тайны научной диалектики, до какой степени он, с другой стороны, разделяет иллюзии спекулятивных философов, говоря об экономических категориях как о существовавших раньше всякой действительности вечных идеях, вместо того, чтобы рассматривать эти категории как теоретические выражения тех исторических отношений производства, которые сами соответствуют определенным ступеням развития материального производства; там же я показал, как этот окольный путь

снова приводит Прудона к точке зрения буржуазной экономики*.

Кроме того, я показал еще, в какой мере недостаточными, отчасти просто ученическими, являются его познания в «политической экономике», критику которой он предпринял, и как он, вместе с утопистами, гоняется за так называемой «наукой», из которой, с помощью априорных умствований, должна быть выведена формула для «решения социального вопроса» — вместо того, чтобы черпать свои знания в критическом изучении исторического движения, которое само создает материальные условия со-

* Что такое отношения производства? Поясним это словами самого Маркса.

«Многоразличные отношения, в которые становятся люди при производстве продуктов, не ограничиваются отношением их к природе. Производство возможно лишь при известного рода совместности и обоюдности действий производителей. Чтобы производить, люди вступают в определенные взаимные связи и отношения, и только внутри и через посредство этих общественных связей и отношений возникают те воздействия людей на природу, которые необходимы для производства.

«В зависимости от характера производительных средств изменяются и общественные отношения производителей друг к другу, изменяются условия их совместной деятельности и участия во всем ходе производства. С изобретением нового военного орудия, огнестрельного оружия, необходимым образом изменилась вся внутренняя организация армии, равно как все те взаимные отношения, в которых стоят входящие в состав армии личности и благодаря которым она представляет собою организованное целое; наконец, изменились также и взаимные отношения целых армий.

«Общественные отношения производителей, общественные условия производства, меняются, следовательно, с изменением и развитием материальных средств производства, т. е. производительных сил. Условия производства, в их совокупности, образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом обществом, находящимся на определенной исторической ступени развития, — обществом с определенным, отличительным характером. Такие своеобразные совокупности отношений производства представляют собою — античное (древнее) общество, феодальное (средневековое) общество, буржуазное общество, и каждый из этих видов общественных организаций соответствует, в свою очередь, известной ступени развития в истории человечества». (См. «Наемный труд и капитал».) — Прим. Г. Плеханова.

циального освобождения. Но в особенности я показываю там, что представление Прудона о меновой стоимости, этой основе всего учения, неясно, неверно, половинчато и что он выдает за основание новой науки лишь утопическое истолкование теории стоимости Рикардо. Мой взгляд на общую точку зрения Прудона я резюмировал следующим образом:

«Каждое экономическое отношение имеет свою хорошую и свою дурную сторону — это единственный пункт, в котором Прудон не побивает сам себя жесточайшим образом. Хорошая сторона выставляется, по его мнению, экономистами; дурная — обличается социалистами. У экономистов он заимствует понятие о необходимости вечных экономических отношений; у социалистов — ту иллюзию, в силу которой они видят в нищете только нищету. Он соглашается и с теми, и с другими, причем старается опереться на авторитет науки. Наука же сводится в его представлении к ничтожным размерам научной формулы; он находится в вечной погоне за формулами. Сообразно с этим Прудон льстит себя уверенностью, что он сумел дать критику как политической экономии, так и коммунизма; — на самом же деле он стоит ниже их обоих. Ниже экономистов — потому что он, как философ, обладающий магической формулой, считает себя избавленным от необходимости вдаваться в чисто экономические детали; ниже социалистов — потому что у него нехватает ни мужества, ни проницательности для того, чтобы подняться выше буржуазного горизонта, хотя бы только в области умозрений... Он хочет, как муж науки, витать над буржуа и пролетариями, будучи лишь мелким буржуа, постоянно колеблющимся между трудом и капиталом, между политической экономией и коммунизмом» *.

Как ни резко звучит этот приговор, но я и теперь еще подпишусь под каждым его словом. К тому же нужно заметить, что в то время, когда я объявил книгу Прудона кодексом мелкобуржуазного социализма и теоретически доказал справедливость своих слов, — и экономисты, и социалисты объявляли Прудона еретиком, считая его за край-

* См. ниже, стр. 121—122. — П р и м. р е д.

него архи-революционера. Потому-то я и впоследствии никогда не присоединял своего голоса к крикам об его «измене» делу революции. Он не виноват был в том, что непонятый первоначально ни другими, ни самим собою, он не исполнил возлагавшихся на него неосновательных надежд.

В «Философии нищеты» все недостатки прудоновского способа изложения бросаются в глаза самым неприятным образом в противоположность к «*Qu'est ce que la Propriété?*». Книга написана слогом, который французы называют *amroulé* (надутым). Высокопарная спекулятивная чепуха, должествующая изображать собою немецкую философию, постоянно является на сцену в тех случаях, когда ему изменяет галльская острота ума. Крикливый, самохвальский, задорный тон книги режет уши в особенности каким-то утомительным, фальшивым оттенком пророчества во имя «науки». Вместо искреннего жара, которым проникнуто его первое сочинение, здесь во многих местах встречается искуственно подогретая декламация. К этому присоединяется отталкивающая лжеученость самоучки, утратившего естественную гордость самостоятельного мышления и, в качестве выскочки в науке, считающего своей обязанностью казаться не тем, что он есть, гордиться тем, чего у него нет. При своем мелкобуржуазном настроении он до неприличия грубо (приэтом неостро, неглубоко и даже несправедливо) нападает на Кабэ²⁶, заслуживающего уважения своим практическим отношением к пролетариату, и, наоборот, он очень вежлив, напр., с Дюнуайэ²⁷ (как никак — «государственный советник»), хотя все заслуги последнего ограничиваются той комической важностью, с которой он проповедует в трех толстых томах невыносимо скучный ригоризм, следующим образом характеризованный еще Гельвециусом²⁸: «*On veut que les malheureux soient parfaits*». (От несчастных требуют совершенства.)

Февральская революция разразилась для Прудона совсем не кстати, так как он всего за несколько недель перед тем неопровержимо доказал, что «эра революций» навсегда миновала. Его поведение в Национальном собрании если и не доказывает понимания существовавших отношений, то во всяком случае заслуживает всевозможных похвал. После июньских дней оно требовало большого муже-

ства. Оно имело еще и те благие последствия, что Тьер²⁹ в своем, опубликованном потом, возражении на предложение Прудона показал всей Европе, на какой мизерный детский катехизис опирается этот умственный столп французской буржуазии. Рядом с Тьером Прудон казался каким-то допотопным колоссом.

Изобретение «дарового кредита» и основанного на нем «народного банка» (*banque du peuple*) были последними «действиями» Прудона в экономической области. В моей книге «*Zur Kritik der politischen Oekonomie*», выпуск I, Берлин 1859 г. (стр. 59—64), читатели найдут доказательства того, что теоретической основой его воззрений на этот предмет послужило простое незнание первейших элементов буржуазной экономики, и именно отношения товаров к деньгам, практическая же надстройка была только воспроизведением предшествующих, гораздо лучше обработанных планов. Что при известных политических и экономических обстоятельствах кредит может ускорять освобождение рабочего класса, подобно тому как он, в начале XVIII и затем в начале XIX столетий в Англии, способствовал переходу имущества из рук одного класса в руки другого, — это не подлежит ни малейшему сомнению, это разумеется само собою. Но считать за главную форму капитала — капитал, приносящий проценты, выдавать за основу общественного переустройства особый вид применения кредита, мнимую отмену процента, это — фантазия, достойная лишь мелкого буржуа. Потому-то подобная фантазия и встречала себе радужный прием еще со стороны выразителей экономических стремлений английской мелкой буржуазии XVII столетия. Полемика Прудона с Бастиа (1850 год) относительно процента на капитал стоит еще ниже «Философии нищеты». Он ухитряется быть побитым даже Бастиа³⁰ и поднимает смешной шум в тех случаях, когда над ним берет верх его противник.

Несколько лет тому назад Прудон написал на конкурс, предложенный, если не ошибаюсь, лозаннским правительством, сочинение о «Налогах». Здесь пропадает даже последний след гениальности. Он является не чем иным, как *petit bourgeois tout pur* (чистокровным мелким буржуа).

Что касается политических и философских сочинений Прудона, то в них обнаруживается тот же полный противоречий двойственный характер, что и в его экономических работах. К тому же они имеют чисто местное, французское значение. Его нападки на религию, церковь и т. д., хотя и носили местный характер, были, однако, большой заслугой в то время, когда французские социалисты находили уместным видеть в религиозности знак своего превосходства над буржуазным вольтерьянством XVIII и немецким безбожием XIX века. Если Петр Великий³¹ варварством побил русское варварство, то и Прудон сделал недурно, борясь с помощью фразы против французского фразерства.

В качестве сочинений не только плохих, но плоских, однако даже своей плоскостью вполне соответствующих мелкобуржуазной точке зрения, — нужно в особенности указать на его сочинение о *Cour d'état*, в котором он кокетничает с Л. Бонапартом³², видимо стараясь оправдать последнего перед французскими рабочими, и, наконец, на его последнее сочинение против Польши, в котором он обнаруживает в честь царя цинизм, достойный кретина.

Прудона часто сравнивали с Руссо³³. Ничто не может быть ошибочнее этого. Он скорее похож на Ник. Ленге³⁴, книга которого «*Théorie des Lois Civiles*» есть, впрочем, весьма гениальное произведение.

Прудон от природы имел склонность к диалектике. Но так как он никогда не понимал истинно-научной диалектики, то и не пошел далее софистики. В действительности это стояло в связи с его мелкобуржуазной точкой зрения. Подобно историку Раумеру³⁵, мелкий буржуа состоит из — «с одной стороны» и «с другой стороны». Таков он в своих экономических интересах, а потому таков же он и в своей политике, в своих религиозных, научных и художественных воззрениях. Таков он в своей морали, таков *in every-thing* (во всем). Он — живое противоречие. А если он к тому же, подобно Прудону, еще и остроумный человек, то он скоро научается играть своими собственными противоречиями и выкраивать из них, по временам, неожиданные, громкие, иногда скандальные, иногда блестящие парадоксы. Научное шарлатанство и дух политического

компромисса неразрывно связаны с такой точкой зрения. Перед вами только один руководящий мотив — тщеславие субъекта, и весь вопрос сводится для него, как и для всех тщеславных людей, лишь к вопросу об успехе минуты, о славе нынешнего дня. Таким образом, человек неизбежно теряет самый простой нравственный такт, который всегда удерживал, например Руссо, от всякого, хотя бы только кажущегося, компромисса с существующей властью.

Для характеристики современной Франции наши потомки станут, быть может, указывать на то обстоятельство, что Луи Бонапарт был ее Наполеоном³⁶, а Прудон — ее Руссо-Вольтером³⁷.

Вы сами должны нести ответственность за то, что так скоро после смерти человека взвалили на меня обязанность его судьи.

Преданный Вам Карл Маркс.

ПРЕДИСЛОВИЕ К. МАРКСА.

К несчастью г. Прудона, его странным образом не понимают в Европе. Во Франции за ним признают право быть плохим экономистом, потому что там его считают хорошим немецким философом. В Германии за ним, напротив, признается право быть плохим философом, потому что там его считают одним из сильнейших французских экономистов. Мы, в качестве немца и экономиста, намерены протестовать против этой двойной ошибки.

Читатель увидит, что в этом неблагодарном труде нам часто приходилось отказываться от критики г. Прудона, чтобы приниматься за критику немецкой философии и одновременно делать критические замечания по предмету политической экономии.

Карл Маркс.

Брюссель, 15 июня 1847 г.

НИЩЕТА ФИЛОСОФИИ

Труд г. Прудона не просто какой-нибудь политико-экономический трактат и не какая-нибудь обыкновенная книга, это целая Библия; там есть все: «тайны», «секреты, вырванные из недр божества», «откровения». Но так как в наше время пророков критикуют строже, чем обыкновенных авторов, то мы считаем нужным предложить читателю пройти вместе с нами область сухой и туманной эрудиции книги «Бытия», чтобы потом уже подняться с г. Прудоном в эфирные и плодоносные страны супра-социализма (см. «Philosophie de la misère», Prologue, p. 3, с. 20).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАУЧНОЕ ОТКРЫТИЕ

I. Противоположность потребительной стоимости и меновой стоимости

«Способность всех продуктов, создаваемых самою природой или производимых промышленностью, служить для поддержания человеческого существования, — носит особое название потребительной стоимости. Способность же их обмениваться друг на друга называется меновой стоимостью... Каким же образом потребительная стоимость делается меновою? Происхождение идеи стоимости (меновою) не было с достаточной тщательностью выяснено экономистами, поэтому нам необходимо остановиться на этом пункте. Так как многие нужные мне предметы существуют в природе в ограниченном количестве или даже вовсе не встречаются, то я принужден способствовать производству того, чего мне недостает; а так как я не могу лично взяться за производство всех нужных мне вещей, то я предложу другим людям, моим сотрудникам в различных отраслях труда, уступить мне часть производимых ими продуктов в обмен на продукт, производимый мною». (Прудон, т. I, гл. 2.)

Г-н Прудон задается целью, прежде всего, выяснить нам двойственную природу стоимости³⁸, «различие в стоимости», процесс, который делает из стоимости потребительной стоимость меновую. Нам приходится остановиться, вместе с г. Прудоном, на этом акте пресуществления. Вот каким образом совершается этот акт по мнению нашего автора.

Весьма большое количество продуктов не дается самою природою, а производится промышленностью. Раз потреб-

ности превосходят количество продуктов, доставляемых самой природою — человек оказывается вынужденным прибегнуть к промышленному производству. Что же такое эта промышленность по мнению г. Прудона? Каково ее происхождение? Отдельный человек, нуждающийся в очень большом количестве вещей, «не может один произвести такую массу различных вещей». Многообразию потребностей, ожидающих удовлетворения, предполагает многообразие вещей, подлежащих производству; без производства нет продуктов; а многообразие подлежащих производству вещей предполагает участие в производстве более чем одного человека. Но раз вы допускаете, что производством занимается более чем один человек, вы уже целиком допускаете производство, основанное на разделении труда. Таким образом, предполагаемая г. Прудонем потребность предполагает уже разделение труда во всем его целом. Предполагая разделение труда, вы вступаете в область обмена, а следовательно, и в сферу меновой стоимости. С таким же точно правом можно было бы с самого начала предположить существование меновой стоимости.

Но г. Прудон почему-то предпочитает сделать обход. Последуем за ним во всех его изворотах, которые постоянно будут приводить нас опять к его исходной точке.

Чтобы выйти из того порядка вещей, где каждый производит в одиночку, и чтобы прийти к обмену, «я обращаюсь, — говорит Прудон, — к моим сотрудникам по различным отраслям труда». Итак, я имею сотрудников, которые все заняты различными отраслями труда, хотя ни я, ни все другие не выходим, по предположению г. Прудона, из одиночного и изолированного положения Робинзонов. Сотрудники и различные отрасли труда, разделение труда и обмен, им обусловливаемый, все это просто-напросто падает с неба.

Резюмируем: я имею потребности, основывающиеся на разделении труда и обмене. Предполагая эти потребности, г. Прудон тем самым предполагает уже существование обмена и меновой стоимости, «возникновение» которой он именно хотел «определить с большим старанием, чем другие экономисты».

Г-н Прудон мог бы с таким же правом перевернуть порядок вещей, не извращая этим самым справедливости своих

собственных заключений. Чтобы объяснить меновую стоимость, нужен обмен. Чтобы объяснить обмен, нужно разделение труда. Чтобы объяснить разделение труда, нужно существование потребностей, которые вызывают необходимость разделения труда. Чтобы объяснить эти потребности, нужно их «предположить», что не значит, однако, отрицать их, в противность первой аксиоме пролога г. Прудона: «Предполагать бога — значит отрицать его». (Пролог, стр. 1.)

Теперь спрашивается, каким образом г. Прудон, принимая разделение труда за известное, объясняет при его помощи меновую стоимость, которая все еще остается для него чем-то неизвестным?

«Человек» решается «предложить другим людям, своим сотрудникам по различным отраслям труда», установить обмен и провести различие между потребительной стоимостью и меновой. Соглашаясь на предложение признать это различие, сотрудники оставляют г. Прудону только одну «заботу»: констатировать совершившийся факт, отметить, «занести» в свой политико-экономический трактат «возникновение идеи стоимости». Однако нам-то он все-таки должен выяснить «возникновение» этого предложения, он должен, наконец, сказать, каким образом этому единичному человеку, этому Робинзону, внезапно пришла в голову мысль сделать «своим сотрудникам» предложение известного рода, и почему эти сотрудники приняли его предложение без всякого протеста.

Г-н Прудон не входит в эти генеалогические подробности. Он просто принимает факт обмена и, так сказать, удостоверяет его приложением исторической печати, представляя его в виде предложения, внесенного третьим лицом, старающимся установить этот обмен.

Вот образец «исторического и описательного метода» г. Прудона, выражающего свое величественное презрение к «историческому и описательному методу» всяких Адамов Смитов³⁹ и Рикардо.

Обмен имеет свою особую историю, он прошел различные фазы развития.

Было время, как, например, средние века, когда обменивался только избыток, излишек производства над потреблением.

Было еще другое время, когда не только излишек, но все продукты целиком, все произведения промышленности перешли в область торговли, когда производство стало в полную зависимость от обмена. Как объяснить эту вторую фазу обмена — возведение меновой стоимости во вторую степень?

Г-н Прудон, конечно, имеет на это готовый ответ: допустим, что известный человек «предложил другим людям, своим сотрудникам по различным отраслям производства», возвести меновую стоимость во вторую степень.

Наконец, пришло время, когда все, на что люди привыкли смотреть как на неотчуждаемое, делается предметом обмена и торга, становится отчуждаемым. В это время даже те вещи, которые до того были передаваемы другим, но не обмениваемы, были даруемы, но не продаваемы, были приобретаемы, но не покупаемы, — добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть, — все стало, наконец, продажным. Это — время общей порчи, время всеобщей продажности, или — выражаясь языком политической экономии — время, когда всякая вещь, физическая или моральная, сделавшись продажной стоимостью, выносятся на рынок, чтобы найти там оценку, соответствующую ее истинной стоимости.

Каким образом объяснить эту новую и последнюю фазу обмена — возведение меновой стоимости в третью степень?

Г-н Прудон имеет и на это готовый ответ: предположите, что человек, «предложил другим людям, своим сотрудникам по различным отраслям производства», сделать из добродетели, любви и проч. продажную стоимость — возвести меновую стоимость в ее третью и последнюю степень.

Как видите, «исторический и описательный метод» г. Прудона на все годится, на все отвечает и все объясняет; так, напр., идет ли дело о том, чтобы объяснить исторически «возникновение экономической идеи», г. Прудон предполагает человека, который предлагает другим людям, своим сотрудникам по различным отраслям производства, совершить этот акт возникновения — и вопрос исчерпывается окончательно.

Отныне мы принимаем «возникновение» меновой стоимости за совершившийся факт; теперь нам остается только выяснить отношение меновой стоимости к потребительной. Послушаем г. Прудона.

«Экономисты очень ясно обнаружили двойственный характер стоимости; но они не выяснили с такою же отчетливостью ее противоречивой природы; здесь-то и начинается наша критика... Недостаточно указать на этот изумительный контраст между меновой и потребительной стоимостью, контраст, на который экономисты привыкли смотреть как на вещь очень простую: следует сверх того показать, что эта мнимая простота скрывает в себе глубокую тайну, которую мы обязаны раскрыть... Выражаясь техническим языком, мы можем сказать, что потребительная и меновая стоимости находятся в обратном отношении одна к другой».

Если мы хорошо уловили мысль г. Прудона, то вот те четыре пункта, которые он берет за установить:

- 1) Потребительная и меновая стоимости составляют «разительный контраст», противоположность друг другу.
- 2) Потребительная и меновая стоимости находятся в обратном отношении друг к другу, во взаимном противоречии.
- 3) Экономисты не заметили и не поняли ни противоположности их, ни противоречия.
- 4) Критика г. Прудона начинается с конца.

Мы также начнем с конца, и, чтобы снять с экономистов обвинения, возводимые на них г. Прудонем, мы предоставим говорить самим за себя двум довольно видным экономистам:

С и с м о н д и ⁴⁰: «Торговля все приводит к противоположности между потребительною и меновою стоимостями» и т. д. («Этюды», т. II, стр. 162, брюссельского издания.)

Л о д е р д а л ь ⁴¹: «Национальное богатство (потребительная стоимость) в виде общего правила уменьшается по мере того, как — с возрастанием меновой стоимости — увеличиваются индивидуальные богатства; и по мере того, как уменьшаются эти последние в силу понижения меновой стоимости, увеличивается национальное богатство». («Исследования о природе и происхождении общественного богатства», перевод Лажанти де Лаваис, Париж 1808 *.)

* В подлиннике переводчик ошибочно назван Ларжантиль де Лавез. В немецком издании К. Каутский ошибочно указал год издания—1807. Возможно, что это неправильное указание он заимствовал у Q u é r a r d, La France littéraire, т. IV, 1830, p. 611. — П р и м. р е д.

На противоположности между потребительной стоимостью и меновой стоимостью Сисмонди построил свое главное учение, по которому уменьшение дохода пропорционально возрастанию производства.

Лодердаль основал свою систему на принципе обратного отношения между двумя родами стоимости, и его доктрина была даже настолько популярна ко времени Рикардо, что последний мог говорить о ней, как о вещи всем известной. «Лишь благодаря смешению идеи меновой стоимости с идеей богатства (потребительной стоимости) некоторые могли думать, что, уменьшая количество необходимых, полезных или приятных для жизни вещей, можно увеличить богатство». (Рикардо, Основания политической экономии, перевод Констансио, с примечаниями Ж.-Б. Сэя, Париж 1835 г., т. II, глава о стоимости и богатстве.)

Мы видим, что экономисты ранее г. Прудона «указали» на глубокую тайну противоположности и противоречия. Посмотрим теперь, как г. Прудон объясняет, в свою очередь, эту тайну послé экономистов.

Если спрос остается неизменным, то меновая стоимость продукта понижается по мере того, как увеличивается предложение; другими словами, чем изобильнее продукт по отношению к спросу, тем ниже его меновая стоимость или его цена. И наоборот: чем слабее предложение по отношению к спросу, тем выше делается меновая стоимость или цена предлагаемого продукта; другими словами, чем более редки предлагаемые продукты по отношению к спросу, тем более возрастает их дороговизна. Меновая стоимость продукта зависит от его изобилия или от его редкости, но всегда по отношению к спросу. Предположите продукт более чем редкий, пожалуй, единственный в своем роде, — этот единственный продукт будет более чем изобилен, он будет излишен, если на него нет спроса. Наоборот, предположите, что количество продукта увеличилось в миллионы раз, — и он все-таки будет редок, если он не удовлетворяет спроса, т. е. если на него существует слишком большой спрос.

Эти истины почти банальны, а между тем нам нужно было их воспроизвести здесь, чтобы быть в состоянии понять тайны г. Прудона.

«Таким образом, следя за принципом до его крайних выводов, мы придем к следующему, самому логическому в мире заключению: те вещи, потребление которых необходимо и количество которых безгранично, должны цениться ни во что; те же вещи, полезность которых равна нулю, а редкость достигает крайних пределов, должны иметь бесконечно большую цену. Наше затруднение довершается еще тем, что практика не допускает этих крайностей: с одной стороны, ни один производимый человеком продукт не может никогда возрасти в безграничной степени; с другой стороны, наиболее редкие вещи нуждаются отчасти в том, чтобы представлять из себя полезности, без чего они не могли бы иметь какой бы то ни было стоимости. Потребительная и меновая стоимости остаются, таким образом, фатально связанными одна с другой, хотя по своей природе они постоянно стремятся исключить друг друга». (Т. I, стр. 30.)

Чем же, собственно, довершается затруднение г. Прудона? Просто-напросто тем, что он забыл о спросе и о том, что всякая вещь может быть редкою или изобильною лишь постольку, поскольку на нее существует спрос. Оставляя спрос в стороне, он отождествляет меновую стоимость с редкостью, а потребительную — с изобилием. В самом деле, говоря, что «вещи, полезность которых равна нулю, а редкость достигает крайних пределов, имеют бесконечно большую цену», — он просто выражает ту мысль, что меновая стоимость есть только редкость. «Крайняя редкость и равная нулю полезность» — это не что иное, как редкость в самом чистом виде. «Безгранично большая цена» — это maximum меновой стоимости, это меновая стоимость в своем наиболее чистом виде. Между этими двумя терминами он ставит знак равенства. Итак, меновая стоимость и редкость суть выражения однозначащие. Приходя к этим мнимым «крайним выводам», г. Прудон в действительности доводит до крайности не вещи, а только термины, служащие для их выражения, и этим самым обнаруживает гораздо большую способность к риторике, чем к логике. Он лишь снова находит свои первоначальные гипотезы во всей их наготе, в то время как думает, что обрел новые, вытекающие из них следствия. Тем же самым способом ему удастся отождествить потребительную стоимость с изобилием, в его чистом виде.

Поставив знак равенства между меновой стоимостью и редкостью, между потребительной стоимостью и изобилием, г. Прудон очень изумляется, не находя ни потребительной стоимости в редкости и меновой стоимости, ни меновой стоимости в изобилии и потребительной стоимости; и так как он видит затем, что практика не допускает этих крайностей, то ему остается только верить в тайну. Для него существует безгранично большая цена именно потому, что для него не существует покупателей, и он никогда не найдет этих покупателей, если не перестанет отвлекаться от спроса.

С другой стороны, изобилие г. Прудона представляет из себя, как кажется, нечто самопроизвольно возникающее. Он совершенно забывает, что есть люди, которыми создано это изобилие, и в интересах которых — никогда не терять из виду спроса. В противном случае, как мог бы сказать г. Прудон, что очень полезные вещи должны иметь чрезвычайно низкую цену или даже ничего не стоить? Ему, напротив, следовало бы заключить, что необходимо уменьшить изобилие, сократить производство вещей, обладающих значительную полезностью, если хотят возвысить их цену, их меновую стоимость.

Старинные хозяева виноградников во Франции, добывавшиеся издания закона, воспреещающего разведение новых виноградников, точно так же, как и голландцы, сжигавшие азиатские пряности и вырывавшие гвоздичные деревья на Молуккских островах ⁴², — желали просто-напросто уменьшить изобилие, чтобы этим возвысить меновую стоимость. Во все продолжение средних веков люди действовали по тому же самому принципу, ограничивая законами число подмастерьев, которых имел право нанимать один мастер, и число инструментов, которые он мог употреблять ⁴³. (С м. А н д е р с о н ⁴⁴, История торговли.)

Отожествивши изобилие с потребительной стоимостью и редкость с меновой, — ничего нет легче, как доказать, что изобилие и редкость находятся в обратном отношении друг к другу, — г. Прудон отождествляет затем потребительную стоимость с предложением, а меновую — с спросом. Чтобы сделать антитезу еще более резкой, он изменяет терминологию, называя меновую стоимость — стоимостью, определяемую мне-

ни ем. Таким образом борьба переносится на другую почву, и мы имеем, с одной стороны, полезность (потребительную стоимость, предложение), а с другой стороны — мнение (меновую стоимость, спрос).

Как примирить эти два противоположные фактора? Как согласить их? Можно ли найти хотя бы общую им обоим точку сравнения?

«Конечно, — восклицает г. Прудон, — такая точка есть; это — свободная воля. Цена, которая является результатом этой борьбы между спросом и предложением, между мнением и полезностью, не может быть выражением вечной справедливости».

Г-н Прудон развивает эту антитезу далее:

«В качестве свободного покупателя я становлюсь судьей моих потребностей, судьей удобства, доставляемого предметом, судьей цены, которую я хочу дать за него. С другой стороны, вы, в качестве свободного производителя, — господин над средствами производства и, следовательно, вы имеете возможность сокращать ваши издержки». (Т. I, стр. 42.)

А так как спрос, или меновая стоимость, тождественны с мнением, то г. Прудон вынужден сказать:

«Доказано, что именно свободная воля человека и вызывает противоположность между потребительной и меновой стоимостями. Как разрешить эту противоположность, пока будет существовать свободная воля? И как пожертвовать этой волей, не жертвуя человеком?» (Т. I, стр. 51.)

Таким образом мы не приходим ни к какому результату. Существует лишь борьба между двумя, так сказать, несоизмеримыми силами, между полезностью и мнением, между свободным покупателем и свободным производителем.

Взглянем на вещи несколько ближе.

Предложение не представляет собою исключительно полезности, спрос не представляет исключительно мнения. Разве тот, кто предъявляет спрос, не предлагает также какого-нибудь продукта или денег, — знака, служащего представителем всех продуктов? А предлагая их, разве он не представляет, согласно самому г. Прудону, полезности или потребительной стоимости?

С другой стороны, разве тот, кто предлагает, не спрашивает в свою очередь, какого-либо продукта или денег, —

знака, представляющего все продукты? И не делается ли он, таким образом, представителем мнения, стоимости, определяемой мнением, или меновой стоимости?

Спрос есть в то же время предложение, предложение есть в то же время спрос. Таким образом, антитеза г. Прудона, отождествляющая предложение с полезностью, а спрос с мнением, покоится лишь на пустой абстракции.

То, что г. Прудон называет потребительною стоимостью, другими экономистами с таким же точно правом называется стоимостью, определяемой мнением. Мы укажем только на Шторха («Курс политической экономии», Париж 1823, стр. 88 и 89).

По словам Шторха ⁴⁵, потребностью называется вещь, в которой мы чувствуем потребность; стоимостью — вещь, которой мы приписываем стоимость. В большинстве случаев вещи имеют стоимость только потому, что они удовлетворяют потребностям, вызываемым мнением. Мы можем изменить свое мнение о наших потребностях; поэтому и полезность вещей, выражающая только отношение этих вещей к нашим потребностям, также может изменяться; даже естественные потребности постоянно изменяются. В самом деле, какая разница между предметами, служащими главной пищей у разных народов!

Борьба завязывается не между полезностью и мнением: она завязывается между продажною стоимостью, которую предлагает спрашивающий, и продажною стоимостью, которой требует предлагающий. Меновою стоимостью продукта является каждый раз равнодействующая этих, одна другой противоречащих, оценок.

В последнем счете спрос и предложение ставят лицом к лицу производство и потребление, но производство и потребление, основанные на обмене между отдельными индивидами.

Полезность предлагаемого продукта не безусловна. Она определяется потребителем. И если даже за продуктом признана полезность, то он все-таки не представляет одной только полезности. В течение процесса производства продукт обменивался на все издержки производства, как, напр., на сырой материал, рабочую плату и проч., словом, на такие вещи, которые имеют продажную стоимость. Следовательно, продукт представляет в глазах производителя сумму продаж-

ных стоимостей. Производитель предлагает не только полезный предмет, но, сверх того и в особенности, продажную стоимость.

Что касается спроса, то он действителен только при том условии, если он имеет в своем распоряжении средства обмена. Эти средства, в свою очередь, суть продукты, продажные стоимости.

Таким образом, в предложении и спросе мы находим с одной стороны, — продукт, на производство которого затрачены продажные стоимости, и необходимость продать этот продукт; с другой стороны, — средства, на приобретение которых также затрачены продажные стоимости, и желание купить.

Г-н Прудон противопоставляет свободного покупателя свободному производителю; и тому, и другому он придает чисто метафизические качества. Поэтому он и может сказать: «Доказано, что именно свободная воля человека вызывает противоположность между потребительной и меновой стоимостями».

Производитель принужден продавать, если только он производит в обществе, основном на разделении труда и на обмене, — а такова именно гипотеза г. Прудона. Г-н Прудон делает производителя господином средств производства; но он согласится с нами, что не от свободной воли зависит обладание средствами производства. Даже более: значительная часть этих средств состоит из продуктов, получаемых производителем извне, и при современном способе производства он не свободен даже настолько, чтобы производить продукты в желательном ему количестве. Данная степень развития производительных сил принуждает его производить в том или ином масштабе.

Потребитель не более свободен, чем производитель. Его мнение основывается на его средствах и потребностях. И те, и другие определяются его общественным положением, которое зависит, в свою очередь, от общественной организации в ее целом. Конечно, и рабочий, покупающий картофель, и содержанка, покупающая кружева, следуют своему собственному мнению. Но различие их мнений объясняется различием положений, занимаемых ими в обществе, а положения их являются продуктами общественной организации.

На чем основывается вся система потребностей — на мнении или на всей организации производства? Чаше всего потребности вытекают прямо из производства или из порядка вещей, основанного на производстве. Почти все движение мировой торговли обуславливается влиянием потребностей не личного потребления, а производства. Точно так же, выбирая другой пример, мы спросим—не предполагает ли нужда в нотариусах существования данного гражданского права, представляющего только выражение известного развития собственности, т. е. производства?

Г-н Прудон не довольствуется устранением только что упомянутых элементов из отношения между спросом и предложением. Он доводит абстракцию до последних пределов, сплавляя всех производителей в одного производителя, всех потребителей в одного потребителя и заставляя этих двух химерических лиц вступать в борьбу друг с другом. Но в действительном мире вещи происходят иначе. Конкуренция в рядах предлагающих, а также и конкуренция в рядах спрашивающих составляют необходимый элемент борьбы между покупателями и продавцами, — борьбы, результатом которой является продажная стоимость.

Устранивши из своих рассуждений издержки производства и конкуренцию, г. Прудон с большим удобством может привести к абсурду формулу спроса и предложения.

«Предложение и спрос, — говорит он, — суть не что иное, как две церемониальные формы, служащие к тому, чтобы поставить лицом к лицу потребительную и меновую стоимости и вызвать их примирение*. Это два электрические полюса, соединение которых должно вызывать явление средства, называемое обменом». (Т. I, стр. 49 и 50.)

С таким же правом можно было бы сказать, что обмен есть только «церемониальная форма», нужная для того, чтобы поставить лицом к лицу потребителя и предмет потребления. С таким же правом можно было бы сказать, что все экономические отношения суть только «церемониальные формы», с помощью которых совершается непосредствен-

* В подлиннике у Маркса и в немецком переводе ошибочно поставлено слово: «обращение» (circulation). У Прудона говорится о «conciliation» (примирение). См. Proudhon, *Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère*, t. I, 1846, p. 49.—Прим. ред.

ное потребление. Предложение и спрос, — не в большей и не в меньшей степени, чем индивидуальные акты обмена, — представляют собою отношения данного производства.

Итак, в чем же состоит вся диалектика г. Прудона? В замене понятий о потребительной и меновой стоимости, о спросе и предложении — такими абстрактными и противоречивыми понятиями, как редкость и изобилие, полезность и мнение, один производитель и один потребитель, причем оба последние оказываются рыцарями свободной воли.

К чему же хотел он прийти таким путем?

К тому, чтобы сохранить возможность ввести впоследствии один из им же самим устраненных элементов — и именно издержки производства — в качестве синтеза между потребительной и меновой стоимостями. Благодаря этому приему издержки производства и получают в его глазах значение синтетической или конституированной (установленной) стоимости.

II. Конституированная или синтетическая стоимость

«Стоимость (меновая) есть краеугольный камень экономического здания». Стоимость «конституированная» (установленная) есть краеугольный камень системы экономических противоречий.

Что же это за «конституированная стоимость», составляющая все открытие г. Прудона в политической экономии?

Раз признана полезность продукта, труд является источником его стоимости. Мерилом труда служит время. Относительная стоимость продуктов определяется продолжительностью труда, который нужно было употребить на их производство. Цена есть денежное выражение относительной стоимости продукта. Наконец, конституированная стоимость продукта есть просто-напросто стоимость, конституируемая количеством воплощенного в нем труда.

Как Адам Смит открыл разделение труда, так г. Прудон, в свою очередь, претендует на открытие «конституированной стоимости». Конечно, в этом открытии нет «чего-либо неслыханного», но нужно иметь

в виду, что вообще нет ничего неслыханного ни в одном открытии экономической науки. Чувствуя всю важность своего открытия, г. Прудон старается, однако, уменьшить его значение, «чтобы успокоить читателя насчет своих претензий на оригинальность и примирить с собою умы, по своей робости мало склонные к восприятию новых идей». Но оценка всего сделанного каждым из его предшественников для определения стоимости волей-неволей приводит его к откровенному признанию того обстоятельства, что ему принадлежит в этом деле наибольшая часть, львиная доля.

«Синтетическая идея стоимости была уже смутно понята Адамом Смитом... Но у Адама Смита эта идея стоимости была совершенно интуитивной, а общество не изменяет своих привычек в силу веры в интуицию; оно убеждается только фактами. Нужно было, чтобы указанная нами антиномия выразилась более заметным и отчетливым образом; Ж.-Б. Сэй⁴⁶ был ее главным истолкователем».

Итак, вот вся история открытия синтетической стоимости: у Адама Смита смутная интуиция, у Ж.-Б. Сэя — антиномия, у Прудона — истина, конституирующая и «конституированная». И пусть не забывают этого: все другие экономисты, от Ж.-Б. Сэя до Прудона, не шли дальше антиномии. «Невероятно, что столько разумных людей могли в течение 40 лет выбиваться из сил в борьбе против такой простой идеи. Но нет, стоимости сравниваются между собою, не имея ни одного пункта сравнения и никакой единицы меры, — вот что решились утверждать экономисты XIX столетия против всех и вопреки всем, вместо того, чтобы усвоить революционную теорию равенства. Что скажет об этом потомство?» (Т. I, стр. 68.)

Спрошенное столь внезапно потомство прежде всего придет в смущение насчет хронологии. Ему необходимо придется задаться вопросом: разве Рикардо и его школа не были экономистами XIX столетия? Система Рикардо, основанная на том принципе, что «относительная стоимость товаров исключительно зависит от количества труда, требуемого на их производство», восходит к 1817 году. Рикардо — глава целой школы, господствующей в Англии со времени реставрации. Учение Рикардо служит строгим, безжалостным выражением всей английской буржуазии, которая, в свою

очередь, служит типом современной буржуазии. «Что скажет об этом потомство?» Оно не скажет, что г. Прудон вовсе не знал Рикардо, ибо он говорит о нем, говорит долго, постоянно возвращается к нему и кончает тем, что обзывает «путаницей» все учение этого экономиста. Если когда-либо потомство вмешается в этот вопрос, то оно скажет, может быть, что г. Прудон, боясь шокировать англофобию своих читателей, предпочел сделаться ответственным издателем идей Рикардо. Но как бы то ни было, оно найдет очень наивным, что г. Прудон выдает за «революционную теорию будущего» то, что Рикардо научным образом изложил как теорию современного буржуазного общества; потомство удивится, что г. Прудон принимает таким образом за разрешенные антиномии между полезностью и меновой стоимостью ту самую формулу, которую Рикардо и его школа задолго до него представляли как научную формулу одной стороны антиномии: меновой стоимости. Но, раз навсегда, оставим потомство в стороне и приведем г. Прудона на очную ставку с его предшественником Рикардо. Вот выписка из этого автора, резюмирующая его учение о стоимости:

«Полезность не может быть мерилom меновой стоимости, хотя последняя без нее немыслима» (Р и к а р д о, Начала политической экономии. Французский перевод Констансио. Париж 1835 г., т. I, стр. 3. Русский перевод Д. Б. Рязанова, 1910 г., стр. 5).

«Раз товары обладают полезностью, то свою меновую стоимость они черпают из двух источников: своей редкости и количества труда, требующегося для их добывания. Существуют некоторые товары, стоимость которых определяется исключительно их редкостью. Никаким трудом нельзя увеличить их количество, и потому стоимость их не может понизиться вследствие роста предложения. К такого рода товарам принадлежат некоторые редкие статуи и картины... Стоимость их... изменяется в зависимости от богатства и вкусов лиц, которые желают приобрести их». (Т. I, стр. 4—5; русск. перев. стр. 6.) «Но в массе товаров, ежедневно обращающихся на рынке, такие товары составляют лишь незначительную долю. Подавляющее большинство всех благ, являющихся предметом желания, доставляется трудом. Количество их может быть увеличиваемо до бесконечности не только в одной стране, но и во многих вместе, если только мы рас-

положены затратить необходимый для этого труд». (Т. I, стр. 5; русск. перев. стр. 6.) Вот почему говоря о товарах, их меновой стоимости и законах, управляющих их относительными ценами, мы всегда имеем в виду только такие товары, количество которых может быть увеличено человеческим трудом и в производстве которых соперничество не подвергается никаким ограничениям». (Т. I, стр. 5; русск. перев. стр. 6.)

Рикардо цитирует Адама Смита, который, по его мнению, «определил с большою точностью первоначальный источник всякой меновой стоимости». (Смит, т. I, гл. 5.) Затем он прибавляет:

«Эта теория, по которой основателем меновой стоимости всех товаров, кроме тех, количество коих не может быть увеличено человеческой промышленностью, является труд, имеет для политической экономии чрезвычайно важное значение: ничто не порождало так много ошибок и разногласий в этой науке, как именно неопределенность понятий, которые связывались со словом стоимость». (Т. I, стр. 8; русск. перев. стр. 7.) «Если меновая стоимость товаров определяется количеством труда, овеществленного в них, то всякое возрастание этого количества должно увеличивать стоимость соответствующего товара, а всякое уменьшение—понижает ее». (Т. I, стр. 8; русск. перев. стр. 7*.)

Затем Рикардо упрекает А. Смита в том, что он:

1) Дает стоимости другое мерило: «иногда стоимость хлеба, иногда количество труда, которое можно купить за этот предмет» и пр. (Т. I, стр. 9 и 10; русск. перев. стр. 7.)

2) «Принимает безусловно самый принцип и, однако, ограничивает его приложение первобытным и грубым состоянием общества, предшествующим накоплению капиталов и обращению земель в частную собственность». (Т. I, стр. 21.)

Рикардо старается доказать, что поземельная собственность, т. е. рента, не может изменить относительной стоимости продуктов и что накопление капиталов оказывает лишь преходящее и колебательное действие на относительные стоимости, определяемые сравнительным количеством труда, употребленного на их производство. Для защиты этого

* В подлиннике ошибочно показана стр. 9 французского перевода Рикардо.—Пр и м. р е д.

положения он создает свою знаменитую теорию поземельной ренты, разлагает капитал на его составные части и в конечном счете не находит в нем ничего, кроме накопленного труда. Затем он развивает целую теорию заработной платы и прибыли; доказывает, что колебания заработной платы и прибыли, — которые повышаются и понижаются в обратном отношении друг к другу, — не влияют на относительную стоимость продукта. Он не игнорирует того влияния на эту стоимость, которое может быть оказано накоплением капиталов, различием в их природе (капиталы основные и капиталы оборотные), равно как и тем или другим уровнем заработной платы. Эти вопросы главным образом и занимают Рикардо.

«Экономия в труде никогда не преминет понизить относительную стоимость товара *, все равно, касается ли она труда, необходимого для изготовления самого товара, или же необходимого для образования капитала, с помощью которого товар производится». (Т. I, стр. 28 **; русск. перев. стр. 15.) «Поэтому, как труд одного дня доставляет те же самые соответственные количества рыбы и дичи, естественная норма обмена останется без изменения... как бы при этом ни изменялась заработная плата и прибыль и какое бы действие ни оказывало накопление капитала». (Т. I, стр. 32; русск. перев. стр. 16.)

«Но если мы считаем труд основой стоимости товаров, а сравнительное количество труда, необходимого для их производства, — нормой, определяющей относительное количество товаров, которые должны обмениваться друг на друга, то из этого еще не следует, что мы отрицаем случайные и временные отклонения действительной или рыночной цены товаров от этой их первичной и естественной цены». (Т. I,

* Рикардо определяет, как известно, стоимость товара «количеством труда, потребного на его изготовление». Но форма обмена, господствующая при всяком товарном производстве, а следовательно, и при капиталистическом способе производства, приводит к выражению этой стоимости не прямо в количестве труда, а в количестве какого-нибудь другого товара. Стоимость товара, выраженная в определенном количестве другого товара (будет ли это деньги, или нет — все равно), называется у Рикардо относительной стоимостью. — Ф. Э н г е л ь с.

** В подлиннике ошибочно показана стр. 48 французского перевода Рикардо.—Прим. ред.

стр. 105; русск. перев. стр. 49.) «Цена товаров в конечном счете регулируется издержками производства, а не, как это часто утверждали, отношением между предложением и спросом». (Т. I, стр. 253; русск. перев. стр. 261:)

Лорд Лодердаль исследовал изменения меновой стоимости, исходя из закона предложения и спроса или редкости и изобилия по отношению к спросу. По его мнению, стоимость вещи может увеличиваться, когда количество ее уменьшается или когда спрос на нее увеличивается; она может уменьшаться в случае увеличения количества или уменьшения спроса. Таким образом, стоимость вещи может изменяться под влиянием восьми различных причин, а именно: четырех причин, относящихся к самой вещи, и четырех причин, относящихся к деньгам или ко всякому иному товару, служащему мерою ее стоимости. Вот возражение Рикардо:

«Цена товаров, составляющая предмет монополии отдельного лица или компании, изменяется в согласии с законом, который был изложен лордом Лодердалем: она понижается, если продавцы увеличивают их количество, и повышается в соответствии с усилением требований на них со стороны покупателей. Цена их не стоит ни в какой необходимой связи с их естественной стоимостью. Что же касается цены товаров, составляющих предмет конкуренции и количество которых может быть увеличено в умеренной степени, то она в конечном счете зависит не от отношения между спросом и предложением, а от увеличения или уменьшения издержек их производства». (Т. II, стр. 259*; русск. перев. стр. 263—264.)

Мы предоставляем самому читателю сравнить точный, ясный и простой язык Рикардо с риторическими упражнениями, к которым прибегает г. Прудон, для определения относительной стоимости рабочим временем, потраченным на производство.

Рикардо показывает нам действительное движение буржуазного производства, — движение, устанавливающее стоимость. Г-н Прудон, отвлекаясь от этого действительного движения, «выбивается из сил», чтобы изобрести новые способы переустройства мира по новой будто бы формуле, представляющей лишь теоретическое выражение реального движе-

* В подлиннике ошибочно показана стр. 159 французского перевода Рикардо.—Пр и м. р е д.

ния, так хорошо изображенного Рикардо. Рикардо берет за точку отправления современное общество, чтобы показать нам, каким образом оно устанавливает (конституирует) стоимость; г. Прудон берет за точку отправления «установленную» (конституированную) стоимость, чтобы установить новый социальный мир при посредстве этой стоимости. По мнению г. Прудона, конституированная стоимость должна сделать круг и превратиться по отношению к миру, уже целиком конституированному именно по этому способу оценки. Для Рикардо определение стоимости рабочим временем есть закон меновой стоимости; для г. Прудона: оно есть синтез потребительной и меновой стоимости. Теория стоимости Рикардо есть научное истолкование современной экономической жизни; теория стоимости г. Прудона есть утопическое истолкование теории Рикардо. Рикардо констатирует истинность своей формулы, выводя ее из всех экономических отношений и объясняя с ее помощью все явления, даже те, которые на первый взгляд кажутся противоречащими ей, как, напр., рента, накопление капиталов и отношение заработной платы к прибыли; именно это и делает из его теории научную систему. Г-н Прудон, вновь — и притом лишь посредством совершенно произвольных гипотез — открывший эту формулу Рикардо, принужден затем изыскивать отдельные экономические факты, которые он извращает и фальсифицирует с целью употребления их в дело в качестве примеров, в качестве существующих уже приложений, в качестве начала реализации его преобразовательной идеи. (См. наш § 3. «Приложение конституированной стоимости».)

Перейдем теперь к выводам, которые делает г. Прудон из конституированной (определенной рабочим временем) стоимости.

— Данное количество труда равноценно продукту, созданному тем же количеством труда.

— Всякий день труда стоит другого дня труда, т. е. взятый в равном количестве труд одного рабочего стоит труда другого рабочего: между ними нет качественной разницы. При равном количестве труда продукт одного обменивается на продукт другого. Все люди суть наемные работники, и притом работники, получающие равную плату за равное рабочее время. Обмен совершается на началах полного равенства.

Представляют ли собою эти заключения естественные, строгие следствия стоимости «конституированной» или определенной рабочим временем?

Если относительная стоимость товара определяется количеством труда, требуемого на его производство, то отсюда само собою следует, что относительная стоимость труда, или заработная плата, точно так же определяется количеством труда, необходимого для производства самой заработной платы. Заработная плата, т. е. относительная стоимость или цена труда, определяется, следовательно, количеством труда, нужного для производства всего того, что требуется для поддержания жизни рабочего. «Уменьшите издержки производства шляп, и цена их, в конце концов, понизится до размеров их новой естественной цены, хотя спрос мог бы удвоиться, утроиться или учетвериться. Уменьшите посредством уменьшения естественной цены предметов пищи и одежды, служащих для поддержания жизни, издержки производства средств существования людей, и заработная плата, в конце концов, упадет, несмотря на то, что спрос на рабочих может очень сильно увеличиться». (Т. II, стр. 253; русск. перев. стр. 261.)

Конечно, язык Рикардо циничен до крайности. Ставить на одну доску издержки производства шляп и издержки на содержание человека — это значит превращать человека в шляпу. Но не будем слишком громко кричать о цинизме. Цинизм заключается в вещах, а не в словах, выражающих эти вещи. Французские писатели, как, напр., гг. Дроз⁴⁷, Бланки⁴⁸, Росси⁴⁹ и другие, доставляют себе невинное удовольствие доказывать свое превосходство над английскими экономистами путем соблюдения приличий «гуманного» языка; но если они ставят цинизм языка в упрек Рикардо и его школе, то делают это лишь потому, что им неприятно видеть, как изображаются во всей их грубой наготе современные экономические отношения и разоблачаются тем самым тайны буржуазии.

Резюмируем: труд, будучи сам по себе товаром, измеряется в качестве такового количеством того труда, который необходим для производства труда-товара. А что нужно для производства труда-товара? Для этого нужно именно то рабочее время, которое затрачивается на производство предметов, необходимых для непрерывного поддержания труда,

т. е. для доставления работнику возможности жить и воспроизводить свою расу. Естественная цена труда есть не что иное, как минимум заработной платы*. Если рыночная цена заработной платы поднимается выше ее естественной цены, то случается это именно потому, что закон стоимости, введенный г. Прудонем в принцип, находит свой противовес в колебаниях отношения спроса к предложению. Но минимум заработной платы остается, тем не менее, центром, к которому тяготеют рыночные цены заработной платы.

Таким образом, измеряемая рабочим временем относительная стоимость роковым образом оказывается формулой современного рабства работника, вместо того, чтобы быть, как того желает г. Прудон, «революционной теорией» освобождения пролетариата.

Посмотрим теперь, во скольких случаях применение рабочего времени, в качестве мерила стоимости, оказывается несовместимым с существующим антагонизмом классов и с неравным распределением продукта труда между его непосредственным производителем и его обладателем (капиталистом).

Возьмем какой-нибудь продукт, напр. полотно. Этот продукт, как таковой, заключает в себе известное количество труда. Это количество труда останется неизменным, как бы ни изменилось взаимное положение лиц, участвовавших в производстве нашего продукта.

* Закон, по которому «естественная», т. е. нормальная, цена рабочей силы совпадает с минимумом заработной платы, т. е. с эквивалентом стоимости средств существования, безусловно необходимых для жизни рабочего и продолжения его расы,—этот закон был впервые установлен мною в «Umrissen zu einer Kritik der Nationalökonomie» («Deutsch-Französische Jahrbücher», Paris 1844) и в «Lage der arbeitenden Klasse in England». Как видно из вышеназванного, Маркс принял тогда этот закон. От нас обоих заимствовал его Лассаль 50. Но, хотя заработная плата и имеет в действительности постоянное стремление приблизиться к своему минимуму, упомянутый закон все-таки не верен. Тот факт, что рабочая сила оплачивается обыкновенно в среднем ниже своей стоимости, не может изменить ее стоимости. В «Капитале» Маркс исправил вышеприведенное положение (отдел: «Покупка и продажа рабочей силы»), а также выяснил обстоятельства (глава XXIII: «Всеобщий закон капиталистического накопления»), позволяющие при капиталистическом производстве все более и более опускать цену рабочей силы ниже ее стоимости. — Ф. Э.

Возьмем другой продукт: сукно, и положим, что его производство потребовало того же количества труда, что и полотно.

Обменивая эти продукты один на другой, мы обмениваем равные количества труда. Обменивая равные количества труда, мы еще не заставляем производителей поменяться своим взаимным положением, точно так же, как не изменяем взаимного отношения работников и фабрикантов. Утверждать, что этот обмен продуктов, стоимость которых измеряется рабочим временем, ведет к равному вознаграждению всех производителей, это значит предполагать, что равное участие в продукте существовало еще до совершенного обмена. Когда произойдет обмен сукна на полотно, производители сукна получают часть полотна, соответствующую прежней их части в сукне.

Г-н Прудон принимает за следствие то, что в лучшем случае есть не более как голословное предположение. Отсюда и происходит его иллюзия.

Пойдем далее.

Принимая рабочее время за мерилу стоимости, предполагаем ли мы, по крайней мере, что рабочие дни эквивалентны и что день одного человека стоит дня другого? Нет.

Допустим на минуту, что день ювелира равноценен трем дням ткача; в этом случае всякое изменение стоимости алмазов по отношению к тканям, — оставляя в стороне временные изменения, вызываемые колебаниями в спросе и предложении, — может быть причинено лишь уменьшением или увеличением рабочего времени, употребленного той или другой стороной на производство. Если три дня труда различных работников будут относиться между собой, как 1 : 2 : 3, то всякое изменение в относительной стоимости их продуктов будет пропорционально этим же числам — 1 : 2 : 3. Таким образом можно измерять стоимость рабочим временем, независимо от различия в стоимости рабочих дней; но, чтобы прилагать подобное мерилу, нужно иметь сравнительную таблицу стоимостей различных рабочих дней; эта сравнительная таблица устанавливается конкуренцией.

Стоит ли час вашей работы часа моей? Это вопрос, разрешаемый конкуренцией.

Конкуренция, по мнению одного американского экономиста, определяет, сколько дней простого (неквалифицированного) труда содержится в одном дне сложного (квалифицированного) труда. Не предполагает ли это приведение дней сложного труда к дням простого, что за мерило стоимостей принимается именно простой труд? То обстоятельство, что мерилом стоимости служит одно лишь количество труда, без всякого отношения к его качеству, предполагает, в свою очередь, что простой труд сделался основой промышленности. Оно предполагает, что различные роды труда уравниваются путем подчинения человека машине или путем крайнего разделения труда, что труд оттесняет человеческую личность на задний план, что часовой маятник сделался точною мерою относительной деятельности двух работников, точно так же, как он служит мерою скорости двух локомотивов. Поэтому не следует говорить, что час (труда) одного человека стоит часа другого, но вернее будет сказать, что человек в течение одного часа стоит человека в течение другого часа. Время — все, человек — ничто: он только воплощение времени. Теперь уже нет более речи о качестве. Количество решает все: час за час, день за день; но такое уравнение труда не есть дело вечной справедливости г. Прудона: оно просто-напросто результат современной индустрии.

На фабрике, работающий с помощью машин, труд одного рабочего почти ничем не отличается от труда другого: рабочие могут различаться только количеством времени, употребляемого ими на работу. Тем не менее, эта количественная разница делается, с известной точки зрения, качественной, поскольку время, употребляемое на труд, зависит отчасти от причин чисто материальных, каковы, напр., физическое сложение, возраст, пол; отчасти же от моральных чисто отрицательных условий, каковы, напр., терпение, бесстрашие, прилежание. Наконец, если и встречается качественная разница в труде различных рабочих, то это — качество наихудшего качества, которое далеко не представляет собою специальной отличительной особенности. Вот каково в последнем счете положение вещей в современной промышленности. И по этому-то, уже осуществившемуся, равенству машинного труда г. Прудон проводит рубанком «уравнения», которое он надеется повсюду осуществить в «будущем времени».

Все «уравнительные» следствия, выводимые г. Прудоном из учения Рикардо, основываются на коренном заблуждении. Дело в том, что он смешивает стоимость товаров, измеряемую количеством заключенного в них труда, со стоимостью товаров, измеряемой «стоимостью труда». Если бы эти два способа измерения стоимости товаров сливались в один, то можно было бы с одинаковым правом сказать: относительная стоимость какого бы то ни было товара измеряется количеством заключенного в нем труда; или: она измеряется количеством труда, которое можно на нее купить; или еще иначе: она измеряется количеством труда, за которое можно ее купить. Но дело происходит далеко не так. Стоимость труда так же мало служит мерой стоимостей, как и стоимость всякого другого товара. Достаточно нескольких примеров, чтобы еще лучше уяснить сказанное.

Если мера хлеба стоит теперь двух дней труда, между тем как прежде она стоила одного, то стоимость ее возрастает вдвое против своей первоначальной величины; но эта мера хлеба не может приводить в действие вдвое большего количества труда, потому что она продолжает содержать в себе все то же количество пищевых веществ, что и прежде. Таким образом, стоимость хлеба, измеряемая количеством труда, употребленного на его производство, возрастает вдвое; но измеряемая количеством труда, которое может быть за нее куплено, или количеством труда, которое может ее купить, она была бы еще очень далека от удвоения. С другой стороны, если бы тот же самый труд стал производить вдвое больше одежды, чем прежде, то относительная стоимость одежды упала бы на половину; но, тем не менее, покупательная сила этого двойного количества одежды по отношению к труду не стала бы вдвое меньше, или, иначе, за то же самое количество труда нельзя было бы купить вдвое большего количества одежды; и это потому, что половина изготовляемого теперь платья будет всегда оказывать рабочему такую же услугу, как и раньше.

Таким образом, определять относительную стоимость продуктов стоимостью труда — значит противоречить фактам экономическим. Это значит определять относительную стоимость посредством другой относительной стоимости, которая сама еще требует определения; это значит вращаться в порочном кругу.

Нет никакого сомнения в том, что г. Прудон смешивает два способа измерения — измерение посредством рабочего времени, необходимого для производства какого-либо товара, и измерение посредством стоимости труда. «Труд всякого человека, — говорит он, — может купить стоимость, которую он в себе заключает». Таким образом, по его мнению, известное количество труда, заключенного в продукте, равняется вознаграждению рабочего, т. е. равняется стоимости труда. На том же самом основании он смешивает издержки производства с заработной платой.

«Что такое заработная плата? Это издержки производства хлеба и т. д., это полная цена всякого товара». Несколькими строками далее он говорит: «Заработная плата есть пропорциональность элементов, составляющих богатство». Что такое заработная плата? Это стоимость труда.

Адам Смит иногда принимает за меру стоимости рабочее время, необходимое для производства товара, а иногда стоимость самого труда. Рикардо раскрыл эту ошибку, ясно показавши различия между обоими способами измерения. Г-н Прудон еще усиливает ошибку Адама Смита, отождествляя два понятия, которые тот ставит лишь рядом.

Г-н Прудон ищет мерил относительной стоимости товаров для того, чтобы найти затем правильную пропорцию, в которой рабочие должны участвовать в продукте, или, другими словами, чтобы определить относительную стоимость труда. Для определения же мерил относительной стоимости товаров он не придумал ничего лучшего, как выдать за эквивалент определенного количества труда ту сумму продуктов, которая им создана, что равносильно предположению, будто все общество состоит из одних только рабочих, получающих свой собственный продукт в виде заработной платы. Кроме того, он принимает за существующий факт равноценность рабочих дней различных работников. Словом: он ищет мерил относительной стоимости товаров, чтобы найти равное вознаграждение трудящихся, и принимает за существующий факт равенство заработных плат, чтобы, исходя из этого равенства, найти мерилу относительной стоимости товаров. Какая удивительная диалектика!

«Сэй и следовавшие за ним экономисты замечали, что, принимая труд за принцип и действительную причину стоимости, мы попадаем в порочный круг, так как труд сам

подлежит оценке и является таким же товаром, как и все другие. Замечу с дозволения экономистов, что, говоря таким образом, они обнаруживают поразительную невнимательность. Труд приписывается стоимость не потому, что он сам есть товар, а потому, что, по предположению, он потенциально (в возможности) заключает в себе стоимость. Стоимость труда есть фигуральное выражение, вторжение причины в сферу следствия. Это такая же фикция, как и производительность капитала. Труд производит, капитал стоит. Опуская средние термины, говорят о стоимости труда... Труд, как и свобода... по своей природе есть нечто неясное и неопределенное, качественно определяющее лишь в своем объекте; иначе сказать, он становится реальностью через свой продукт.

«Но к чему настаивать? Когда экономист (читайте: г. Прудон) изменяет название вещей, *vera lingua vocabula*, он сам косвенно сознается в своем бессилии и слагает оружие». (Прудон, I, стр. 188.)

Как мы уже видели, Прудон превращает стоимость труда в «действительную причину» стоимости продуктов, так что заработная плата — официальное название «стоимости труда» — составляет, по его мнению, полную цену всякой вещи. Вот почему его смущает возражение Сэя. В труде-товаре, этой ужасной действительности, он видит только грамматическое сокращение. Значит, и все современное общество, основанное на труде-товаре, опирается отныне лишь на поэтическую вольность, на фигуральное выражение. И если общество захочет «уничтожить все те неудобства», от которых оно страдает, то ему стоит только устранить неблагозвучные выражения, изменить язык; а для этого ему нужно обратиться к Академии и потребовать нового издания ее словаря. После всего нами слышанного не трудно понять, зачем в сочинении, посвященном политической экономии, г. Прудон счел нужным войти в длинные рассуждения об этимологии и о других частях грамматики. Так, он пускается, напр., в ученое обсуждение устарелого производства слова *servus* от *servare*. Эти филологические рассуждения имеют глубокий эзотерический смысл, они составляют существенную часть аргументации г. Прудона.

Поскольку труд продается и покупается, он есть такой же товар, как и все другие, и имеет, следовательно, меновую

стоимость. Но стоимость труда, или труд в качестве товара, так же мало производит, как стоимость хлеба, — или хлеб как товар, — служит пищею.

Труд «стоит» больше или меньше, смотря по большей или меньшей дороговизне естественных припасов, по той или иной величине спроса и предложения рабочих рук и пр. и пр.

Труд вовсе не есть «нечто неопределенное». Продается и покупается не труд вообще, а совершенно определенный труд. И если он качественно определяется объектом, то и объект, в свою очередь, определяется специфическими качествами труда.

Поскольку труд * продается и покупается, он сам есть товар. Зачем его покупают? «Потому что он потенциально заключает в себе стоимость». Но когда говорят, что такая-то вещь есть товар, то речь идет уже не о цели, ради которой ее покупают, т. е. не о пользе, которую хотят извлечь из нее, не об употреблении, которое думают из нее сделать. Она — товар как предмет торговли. Все рассуждения г. Прудона сводятся к следующему: труд покупается не ради непосредственного потребления. Конечно, нет, — его покупают в качестве средства производства, как купили бы, например, машину. Поскольку труд есть товар, он имеет стоимость, но не производит. Г-н Прудон мог бы с таким же точно правом сказать, что товаров вовсе не существует, так как всякий товар покупается лишь ради той или иной его полезности и никогда в качестве товара как такового.

Измеряя стоимость товаров трудом, г. Прудон сам смутно догадывается, что нельзя не подвести под это общее мерило и труд, поскольку труд имеет стоимость, является товаром. Он предчувствует также, что это значит признать минимум заработной платы естественной и нормальной ценой непосредственного труда, а, следовательно, помириться с несовершенным общественным строем. Чтобы увернуться от этого фатального вывода, он делает крутой поворот и утверждает, что труд не товар и не может иметь стоимости. Он забывает при этом, что сам же принял стоимость труда за мерило, забывает, что вся его система основана на труде-

* Во 2-м франц. издании, согласно пометкам Маркса, написано: «рабочая сила». — П р и м. р е д.

товаре, на труде-предмете торговли, который продается, покупается, обменивается на продукты и т. д., наконец, на труде, составляющем непосредственный источник дохода рабочего. Он забывает все.

Чтобы спасти свою систему, он решается пожертвовать ее основой.

«Et propter vitam vivendi perdere causas!»

Мы пришли теперь к новому определению «конституированной стоимости».

«Стоимость есть отношение пропорциональности продуктов, составляющих богатство».

Заметим, во-первых, что в простом выражении «относительная или меновая стоимость» содержится уже понятие о том или другом отношении, в котором продукты обмениваются друг на друга. Называя это отношение «отношением пропорциональности», вы ровно ничего не изменяете в относительной стоимости, кроме выражения. Повышение или понижение стоимости продукта несколько не уничтожает его свойства — находится в том или другом «отношении пропорциональности» к другим продуктам, составляющим богатство.

К чему же этот новый термин, не вносящий нового понятия?

«Отношение пропорциональности» наводит на мысль о многих других экономических отношениях: напр., о пропорциональности производства, о правильной пропорции между спросом и предложением и т. д.; и обо всем этом думал г. Прудон, формулируя свою дидактическую парафразу меновой стоимости.

Прежде всего: так как относительная стоимость продуктов определяется сравнительным количеством труда, употребленного на производство каждого из них, то в данном случае отношение пропорциональности обозначает относительное количество различных продуктов, могущих быть произведенными в данный промежуток времени и способных поэтому обмениваться друг на друга.

Посмотрим, что выводит г. Прудон из этого отношения пропорциональности.

Каждому известно, что в тех случаях, когда спрос и предложение взаимно уравновешиваются, относительная стоимость каждого продукта с точностью определяется

заключенным в нем количеством труда, т. е. эта относительная стоимость выражает отношение пропорциональности именно в том смысле, который мы только что выяснили. Г-н Прудон извращает действительный порядок вещей. Начинайте с измерения относительной стоимости продуктов количеством заключенного в них труда, — говорит он, — и тогда спрос и предложение, несомненно, придут в равновесие. Производство будет соответствовать потреблению, продукты всегда будут обмениваться беспрепятственно, их рыночные цены будут с точностью выражать их истинную стоимость. Вместо того, чтобы говорить, как все люди: в хорошую погоду можно встретить много гуляющих, г. Прудон отправляет людей гулять, чтобы обеспечить им хорошую погоду.

То, что г. Прудон выдает за следствие, вытекающее из априорного определения меновой стоимости рабочим временем, могло бы иметь место разве лишь в силу закона приблизительно такого содержания: отныне продукты должны обмениваться в точном соответствии с потраченным на них рабочим временем. Каково бы ни было отношение спроса к предложению, обмен товаров всегда должен совершаться так, как будто бы произведенное количество их вполне соответствовало спросу. Пусть г. Прудон возьмется формулировать и провести такой закон; в таком случае мы не будем требовать от него доказательств. Но если он, напротив, желает оправдать свою теорию как экономист, а не как законодатель, то он должен будет доказать, что необходимое на производство товара время с точностью обозначает степень его полезности и выражает его пропорциональное отношение к спросу, а следовательно, и к сумме общественного богатства. В таком случае, при продаже продуктов по цене, равной издержкам их производства, предложение и спрос всегда будут находиться в равновесии, так как предполагается, что издержки производства выражают истинное отношение предложения к спросу.

Г-н Прудон, действительно, старается доказать, что рабочее время, необходимое для производства продукта, выражает истинное отношение его к потребностям, так что вещи, на производство которых нужно наименее времени, имеют наиболее непосредственную полезность, и так далее, в том же порядке. Производство какого-нибудь предмета

роскоши уже доказывает, по этой теории, что у общества есть излишнее время, дающее ему возможность удовлетворять известную потребность в роскоши.

Что касается доказательства этого положения, то г. Прудон находит его в том замеченном им факте, что наиболее полезные вещи требуют наименьшего времени для своего производства и что общество всегда начинает с самых легких отраслей промышленности, постепенно переходя затем к «производству предметов, стоящих большего количества рабочего времени и соответствующих потребностям высшего порядка».

Г-н Прудон заимствует у Дюнауйэ пример добывающей промышленности, — сбор плодов, пастушество, охота, рыболовство и проч., — промышленности самой легкой, требующей наименьших издержек и поэтому начатой человеком «в первый же день его второго творения». Первый день его первого творения изложен в Книге Бытия, где бог является первым в мире промышленником.

В действительности дело идет совсем иначе, чем думает г. Прудон. С самого начала цивилизации в основание производства ложится антагонизм сословий, состояний, классов, наконец — антагонизм накопленного труда и труда живого. Без антагонизма нет прогресса: таков закон, которому подчинялась цивилизация до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря господству антагонизма классов. Говорить, что люди потому могли предаваться производству предметов высшего порядка и более сложным отраслям промышленности, что все потребности всех работников были удовлетворены, — значит отвлекаться от антагонизма классов и извращать весь ход исторического развития. С таким же правом можно было бы сказать, что во времена римских императоров мурены только потому откармливались в искусственных прудах, что для всего римского народа имелась изобильная пища; между тем как, совершенно наоборот: римскому народу не хватало необходимых средств для покупки пищи, римские же аристократы, действительно, не имели недостатка в рабах, чтобы кормить ими своих мурен.

Цены жизненных припасов почти постоянно возрастали, тогда как цены мануфактурных продуктов и предметов роскоши почти постоянно падали⁵¹. Возьмем хотя бы сель-

ское хозяйство: самые необходимые предметы — хлеб, мясо и т. п. — дорожают, цена же хлопка, сахара, кофе и т. п. постоянно, и в поразительной пропорции, понижается. Даже между собственно с'естными припасами предметы роскоши, вроде артишоков или спаржи, стоят в настоящее время сравнительно дешевле, чем припасы первой необходимости. В наше время излишнее производится легче необходимого. Наконец, в различные исторические эпохи взаимное отношение цен не только различно, но противоположно. Во все продолжение средних веков земледельческие продукты были относительно дешевле мануфактурных; в новейшие же времена между ними существует обратное отношение. Следует ли из этого, что полезность земледельческих продуктов уменьшилась со времени средних веков?

Потребление продуктов определяется социальными условиями, в которые поставлены потребители, а сами эти условия основаны на антагонизме классов.

Хлопок, картофель и водка представляют собою наиболее распространенные предметы потребления. Картофель породил золотуху; хлопок в большинстве случаев вытеснил лен и шерсть, хотя эти последние продукты во многих отношениях — напр., с чисто гигиенической точки зрения — гораздо полезнее хлопка; наконец, водка взяла верх над пивом и вином, хотя по общему признанию водка, как предмет потребления, оказывается ядом. В течение целого века правительства тщетно боролись с этим европейским опиумом. Экономика победила; она продиктовала свои законы потреблению.

Почему же хлопок, картофель и водка стали краеугольным камнем буржуазного общества? Потому, что их производство требует наименьшего труда, и они имеют, вследствие этого, наименьшую цену. А почему минимум цены обуславливает максимум потребления? Уж не вследствие ли абсолютной, внутренней полезности дешевых предметов, их способности наилучшим образом удовлетворять потребности рабочего как человека, а не человека как рабочего? — Нет, это потому, что в обществе, основанном на нищете, самые нищенские продукты имеют роковое преимущество служить для потребления широких масс населения.

Говорить, что так как самые дешевые предметы имеют наиболее широкий круг потребления, то они обладают, следовательно, самую большую полезностью, — говорить это теперь значит утверждать, что громадное распространение водки, обусловливаемое дешевизной ее производства, есть самое убедительное доказательство ее полезности; это значит говорить пролетарию, что для него картофель полезнее мяса; это значит признать существующий порядок вещей; это значит, наконец, вместе с г. Прудоном выступать апологетом общества, которого не понимаешь.

В будущем обществе, где исчезнет антагонизм классов, где не будет и самих классов, потребление не будет определяться минимумом времени, необходимого на производство, а, наоборот, количество времени, которое будут посвящать на производство того или другого предмета, будет определяться степенью его полезности*.

Возвратимся, однако, к тезису г. Прудона. Коль скоро рабочее время, необходимое на производство предмета, не говорит о степени его полезности, то и меновая стоимость этого предмета, заранее определенная воплощенным в нем рабочим временем, ни в каком случае не может регулировать правильного отношения предложения к спросу, т. е. отношения пропорциональности в том смысле, который придает ему пока г. Прудон.

Отношение пропорциональности между предложением и спросом, т. е. пропорциональное отношение данного продукта ко всей совокупности производства, устанавливается вовсе не продажей этого продукта по цене, равной издержкам его производства. Лишь колебания спроса и предложения указывают производителям то количество, в котором следует произвести данный товар, чтобы получить в обмен на него по крайней мере издержки производства. И так как эти колебания непрерывны, то непрерывно также и движение прилива и отлива капиталов в различных отраслях промышленности.

«Только путем таких изменений и уделяется ровно столько капитала, сколько требуется, а не больше, на про-

* В немецком и во 2-м французском изданиях конец фразы гласит: «на производство различных предметов, будет определяться степенью их общественной полезности». Это исправление сделано по указаниям Маркса и Энгельса. — Прим. ред.

изводство различных товаров, на которые существует спрос. С повышением или понижением цен, прибыль поднимается выше или падает ниже общей нормы, и капитал то притекает в известную отрасль промышленности, в которой произошло такое изменение, то отталкивается». «Когда мы посмотрим на рынки большого города и заметим, как регулярно снабжаются они местными и иностранными товарами в требуемом количестве при всех обстоятельствах, несмотря на изменения спроса в зависимости от прихотей или перемены в величине населения, как редко происходит переполнение от слишком изобильного предложения или возникает непомерная дороговизна от несоответствия между спросом и предложением, — мы должны будем признать, что принцип, распределяющий капитал по всем отраслям производства в требуемых размерах, проявляет свое действие гораздо сильнее, чем обыкновенно полагают». (Рикардо, т. I, стр. 105 и 108; русский перевод стр. 49 и 50.)

Если г. Прудон признает определение стоимости продуктов рабочим временем, то он должен признать также и это колебательное движение, которое одно только и делает из рабочего времени мерило стоимости* Конституированного «отношения пропорциональности» вовсе не существует, а есть только конституирующее движение.

Мы только что видели, в каком смысле можно справедливо говорить о «пропорциональности», как о следствии определения стоимости рабочим временем. Теперь мы увидим, как это измерение стоимости временем, названное г. Прудонем «законом пропорциональности», превращается в закон диспропорциональности.

Всякое новое изобретение, позволяющее производить в один час то, что производилось прежде в два часа, обесценивает все однородные продукты, имеющиеся на рынке. Конкуренция вынуждает производителя продавать продукт двух часов не дороже продукта одного часа. Она реализует закон, по которому относительная стоимость продукта

* Как видно из рукописной заметки Энгельса, фотокопия которой хранится в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, Энгельс и Маркс предполагали в данном месте добавить слова: «в обществах, основанных на индивидуальном обмене». — П р и м. р е д.

определяется рабочим временем, необходимым для его производства. Тот факт, что рабочее время служит мерилом меновой стоимости, становится, таким образом, законом постоянного обесценения труда. Более того. Обесценение распространяется не только на товары, вынесенные на рынок, но и на орудия производства — на всю мастерскую. На этот факт указывает уже Рикардо, говоря: «Постоянно увеличивая легкость производства, мы постоянно уменьшаем стоимость некоторых ранее произведенных вещей». (Т. II, стр. 59 *.) Сисмонди идет еще дальше. Он видит в этой «стоимости, конституированной» рабочим временем, источник всех противоречий между современной промышленностью и торговлей. «Меновая стоимость, — говорит он, — всегда определяется в конечном счете количеством труда, необходимого на приобретение данной вещи; не труда, действительно на нее потраченного, а того, которого она впредь будет стоить при данных, быть может, усовершенствованных средствах производства. Это количество труда, хотя и не легко определяемое с точностью. всегда верно устанавливается конкуренцией... Оно служит основанием для расчетов, как при запросе цен со стороны продавца, так и при предложении цены со стороны покупателя. Первый станет, быть может, утверждать, что вещь стоила ему десяти дней труда, но если второй знает, что впредь она может производиться в восемь дней и если конкуренция представит тому убедительные для обеих сторон доказательства, то стоимость сведется к восьми дням, и торг будет заключен по этой цене. И продавец, и покупатель знают, конечно, что вещь полезна, что она желательна, что без потребности в данной вещи нет возможности продать ее; но определение цены вещи не сохраняет никакого отношения к ее полезности». («Этюды», т. II, стр. 267, брюссельское издание.)

Очень важно не упускать из виду того обстоятельства, что стоимость вещи определяется не временем, в продолжение которого она была произведена, а минимумом времени, в которое она может быть произведена ⁵²; этот ми-

* В подлиннике ошибочно показана стр. 58 французского перевода Рикардо. В русском переводе соответствующее место находится на стр. 182.—Прим. ред.

нимум констатируется конкуренцией. Предположим на минуту, что исчезла конкуренция, и нет, следовательно, никакой возможности констатировать минимума труда, необходимого на производство данного продукта. Что тогда произойдет? Достаточно будет употребить на производство предмета шесть часов труда, чтобы иметь право требовать за него, по теории г. Прудона, в шесть раз больше, чем требует тот, кто потратил лишь один час на производство такого же предмета.

Вместо «отношения пропорциональности» мы имеем отношение диспропорциональности, если только вообще мы еще сохраняем какие бы то ни было отношения, хорошие или плохие.

Постоянное обесценение труда есть лишь одна сторона, лишь одно из следствий оценки товаров рабочим временем. Этим же способом оценки объясняется также чрезмерное повышение цен, излишнее производство и много других проявлений промышленной анархии.

Но порождает ли рабочее время, принятое за мерилло стоимости, хотя бы то пропорциональное разнообразие продуктов, которое так восхищает г. Прудона?

Как раз наоборот: оно приводит в товарном мире к господству той же монополии со всею ее монотонностью, — монополии, которая, как известно всем и на глазах у всех, охватывает уже область орудий производства. Быстро прогрессировать могут еще лишь некоторые отрасли промышленности, как, напр., хлопчатобумажная. Естественным следствием такого прогресса является быстрое понижение цен на продукты, положим, хлопчатобумажной мануфактуры; но по мере того, как удешевляется хлопок, цена льна испытывает сравнительное повышение. Что же выходит из этого? Лен заменяется хлопком. Таким образом лен изгнан уже почти из всей Северной Америки, и вместо пропорционального разнообразия продуктов мы имеем царство хлопка.

Что же остается от этого «отношения пропорциональности»? Ничего, кроме пожеланий добросовестного человека, которому хочется, чтобы товары производились в пропорциях, позволяющих продавать их по добросовестным ценам. Во все времена добрые буржуа и экономисты-филантропы любили выражать это невинное пожелание.

Дадим слово старику Буагильберу⁶³:

«Цена товаров, — говорит он, — всегда должна быть пропорциональна, так как только подобное их согласие позволяет им жить вместе и дает им способность в каждую данную минуту (вот она, прудоновская постоянная способность к обмену) взаимно порождать друг друга... Богатство есть не что иное, как этот непрерывный обмен между людьми, занятиями и т. д., поэтому было бы ужасным ослеплением искать причины нищеты вне приостановок таких сношений, — приостановок, причиняемых нарушениями пропорциональности цен». («Dissertation sur la nature des richesses», édit. Daire.)

Послушаем также и современного экономиста:

«Великий закон, который должен быть применен к производству, есть закон пропорциональности (the law of proportion); только он один может сохранить непрерывность стоимости... Эквивалент должен быть обеспечен... Все нации пытались в различные эпохи, посредством многочисленных торговых регламентов и ограничений, осуществить, до известной степени, этот закон пропорциональности; но присущий человеческой природе эгоизм побуждает людей низвергать всю эту систему регламентаций. Производство, поставленное в надлежащей пропорции (proportionate production), есть полное осуществление истинной социально-экономической науки». (W. Atkinson⁶⁴, Principles of political economy, Лондон 1840, стр. 170—195.)

Fuit Troja. Эта истинная пропорция между спросом и предложением, снова начинающая являться предметом таких горячих пожеланий, давно уже перестала существовать. Она перешла в разряд древностей. Она была возможна лишь в те времена, когда средства производства были ограничены, и обмен не выходил из самых узких пределов. С появлением крупной промышленности правильная пропорциональность должна была исчезнуть, и производство принуждено роковым образом проходить через ряд непрерывно сменяющихся друга друга состояний: процветания, депрессии, кризиса, застоя, нового процветания, и так далее.

Люди, подобно Сисмонди, желающие возвратиться к правильной пропорциональности производства, сохраняя, однако, все основы современного общества, являются реакционерами, так как, ради последовательности, они должны

желать возвращения и всех прочих условий промышленности прошедших времен.

Что удерживало производство в более или менее правильных пропорциях? Спрос, господствовавший над предложением и ему предшествовавший. Производство, шаг за шагом, следовало за потреблением. Крупная промышленность, вынуждаемая своими собственными орудиями производства производить все в больших и больших размерах, не может ждать спроса. Производство предшествует потреблению, предложение вызывает спрос.

В современном обществе, в промышленности, основанной на индивидуальном обмене, анархия производства, являясь источником стольких бедствий, есть в то же время источник всякого прогресса.

Итак одно из двух:

Или вы желаете правильной пропорциональности прошлых веков вместе с современными средствами производства и являетесь, в таком случае, одновременно и реакционером, и утопистом.

Или вы желаете прогресса без анархии; тогда, чтобы сохранить производительные силы, откажитесь от индивидуального обмена.

Индивидуальный обмен совместим лишь с мелкой промышленностью прошлых веков и со свойственной ей «правильной пропорциональностью» или — с крупной промышленностью вместе со всей ее свитой нищеты и анархии.

Изо всего нами сказанного очевидно, что определение стоимости рабочим временем, т. е. та формула, которую г. Прудон выдает нам за формулу будущего возрождения, есть не что иное, как научное выражение экономических отношений современного общества, что, задолго до г. Прудона, было точно и ясно доказано Рикардо.

Но принадлежит ли г. Прудону, по крайней мере, «уравнительное» применение этой формулы? Он ли первый задумал преобразовать общество путем превращения всех людей в непосредственных работников, обменивающихся равными количествами труда? Имеет ли он право упрекать коммунистов — людей, лишенных всяких познаний в политической экономии, «людей упрямо глупых», «райских мечтателей» — упрекать их в том, что они не нашли до него «решения проблемы пролетариата»?

Кто хоть сколько-нибудь знаком с развитием политической экономии в Англии, тот не может не знать, что в разное время почти все социалисты этой страны делали уравнилельные выводы из теории Рикардо. Мы могли бы указать г. Прудону на «Политическую экономию» Гопкинса*, вышедшую в 1822 году; на сочинения: Виллиама Томпсона, *An inquiry into the Principles of the distribution of wealth, most conducive to human happiness*, 1824 г.**; Т. Р. Эдмондса, *Practical, morals and political Economy*, 1828 г., и проч., и проч., и проч., и еще четыре страницы таких и проч., и проч., и проч. Мы приведем только слова одного английского коммуниста, Брэя. Мы выпишем главнейшие места из его замечательного произведения: «*Labour's wrongs and Labour's remedy*, Leeds 1839; и мы довольно долго остановимся на нем, во-первых, потому, что Брэй мало еще известен во Франции, а во-вторых, еще и потому, что в произведениях этого писателя мы нашли, как нам кажется, ключ ко всем прошедшим, настоящим и будущим сочинениям г. Прудона.

«Выяснение основных принципов есть единственное средство достигнуть истины. Поднимемся же сразу к самому источнику происхождения правительств. Исследуя причины этого явления, мы найдем, что всякая правительственная форма, всякая социальная и политическая несправедливость вытекает из господствующей в настоящее время социальной системы,— из института собственности в его современной форме (*the institution of property as it at present exists*). Поэтому, чтобы навсегда прекратить существующие несправедливости и бедствия, необходимо разрушить современный общественный строй в самой его основе... Поражая экономистов их собственным оружием и на их собственной почве, мы отнимаем повод к бессмысленной болтовне о сторонниках «делегки» и о доктринах, болтовне, которую они всегда готовы подхватить. Если только экономисты не захотят от-

* Повидимому, у Маркса идет речь о книге Томаса Гопкинса: *Economical inquiries relative to the laws, which regulate rent, profit, wages and the value of money* (London 1822).—Прим. ред.

** В подлиннике год издания был ошибочно указан 1827.—Прим. ред.

ступиться от тех общественных истин и принципов, на которых построены их собственные аргументы, то они не будут в состоянии опровергнуть выводов, к которым мы придем, следуя этому методу» (Брэй, стр. 17 и 41). «Только труд создает стоимости (it is labour alone which bestows value)... Каждый человек имеет неоспоримое право на все, что может доставить ему его честный труд. Присвоивая себе плоды своего труда, он не совершает никакой несправедливости по отношению к другим людям, так как нисколько не нарушает их права действовать таким же образом... Все понятия о высших и низших, о господах и слугах порождены пренебрежением к основным принципам и возникшим отсюда неравенством имуществ (and to the consequent rise of inequality of possessions). Пока сохранится это неравенство, не будет возможности ни искоренить такие идеи, ни ниспровергнуть основанные на них учреждения. До сих пор еще многие питают напрасную надежду улучшить господствующий теперь противоестественный порядок вещей посредством уничтожения существующего неравенства, не касаясь при этом его причины; но мы скоро докажем, что правительство является не причиной, а следствием, что оно не создает, а наоборот, само создано, что, словом, оно само составляет результат неравенства имуществ (the offspring of inequality of possessions), и что неравенство имуществ неразрывно связано с существующей теперь социальной системой» (Брэй, стр. 33, 36 и 37).

«Система равенства имеет за себя не только величайшие преимущества, но еще и высшую справедливость... Каждый человек является необходимым звеном в той цепи действий, которая отправляется от идеи, чтобы прийти, быть может, к производству штуки сукна. Поэтому из различия наших склонностей к тем или другим профессиям нельзя еще вывести заключения, что труд одного должен вознаграждаться лучше труда другого. Изобретатель, кроме заслуженного им денежного вознаграждения, всегда получит еще дань удивления, которое вызывает в нас только гений».

«По самой природе труда и обмена, строгая справедливость требует, чтобы выгоды обменивающихся были не только взаимны, но и равны (all exchangers should be not only mutually, but they should likewise be equally benefitted). Существует только два предмета,

которые люди могут между собою обменивать, а именно: труд и продукты труда. При справедливой системе обменов стоимость всех продуктов определялась бы полною совокупностью издержек их производства, и равные стоимости обменивались бы всегда на равные стоимости (If a just system of exchanges were acted upon, the value of all articles would be determined by the entire cost of production, and equal values should always exchange for equal values). Например, если шляпочник, употребляющий день на производство шляпы, и башмачник, изготовляющий в то же время пару башмаков (предполагая, что оба употребляют сырой материал одинаковой стоимости), обмениваются этими продуктами, извлеченная ими выгода будет взаимна и в то же время равна. Здесь выгода одной стороны не может быть убытком для другой, так как обе доставили одинаковое количество труда и употребляли материалы одинаковой стоимости. Но если бы, при тех же предположенных выше условиях шляпочник приобрел две пары башмаков за одну шляпу, то очевидно, что обмен был бы несправедлив. Шляпочник лишил бы башмачника одного дня труда и, поступая таким образом во всех своих обменах, приобрел бы за свой полугодовой труд продукт целого года труда другого лица. До сих пор мы постоянно следовали этой в высшей степени несправедливой системе обмена: рабочие постоянно отдавали капиталисту труд целого года в обмен за стоимость полугода (the workmen have given the capitalist the labour of a whole year, in exchange for the value of only half a year). Именно отсюда, а вовсе не из предполагаемого неравенства физических и умственных сил индивидуумов, произошло неравенство богатства и власти. Неравенство в обмене, различие цен при покупках и продажах может сохраниться лишь при том условии, что капиталисты навсегда останутся капиталистами, а рабочие — рабочими; одни — классом тиранов, другие — классом рабов... Эта сделка (между капиталистами и рабочими) ясно показывает, что за недельный труд рабочего капиталисты и собственники дают ему лишь часть богатства, полученного ими от него же в течение истекшей недели, следовательно, они удерживают у рабочего нечто, не давая ему за это ничего (nothing for something)... Вся сделка между рабочим и капиталистом

оказывается простою комедией; в действительности это по большей части не что иное, как наглый, хотя и законный, грабеж (the whole transaction between the producer and the capitalist is a mere farce: it is in fact in thousands of instances no other than a barefaced though legal robbery)» (Брэй, стр. 45, 48, 49 и 50).

«Прибыль предпринимателя всегда будет потерей для рабочего, пока обмен между ними останется неравным, обмен же не может сделаться равным, пока общество делится на капиталистов и производителей, причем одни живут своим трудом, тогда как другие жиреют от прибыли с чужого труда»...

«Ясно — продолжает г. Брэй, — что, какую бы форму правления вы ни установили... сколько бы ни проповедывали во имя нравственности и братской любви... взаимность не совместима с неравенством обмена. Неравенство обмена, являясь источником неравенства состояний, есть тайный враг, который нас пожирает» (No reciprocity can exist, where there are unequal exchanges... Inequality of exchanges, as being the cause of inequality of possessions, is the secret enemy that devours us.) (Брэй, стр. 51 и 52).

«Исследуя цель и задачи общества, я прихожу к тому заключению, что не только все люди должны трудиться для того, чтобы иметь возможность взаимно обмениваться продуктами, но что обмениваться должны равные стоимости на равные же стоимости. Далее, для того, чтобы прибыль одного не могла составить потери для другого, стоимость должна определяться издержками производства. Мы видели, однако, что при существующем социальном строе прибыль капиталистов и богачей всегда является потерей для рабочих, мы видели также, что этот результат неизбежен и что при всех формах правления бедный будет отдан на произвол богатого, пока сохранится неравенство обмена. Равенство же обмена может быть обеспечено лишь таким социальным порядком, при котором признавалась бы всеобщая обязательность труда... Равенство обмена произвело бы постепенный переход богатств из рук современных капиталистов в руки рабочего класса» (Брэй, стр. 54 и 55).

«Пока остается в силе система неравенства обмена, производители всегда будут так же бедны, невежественны и чрезмерно отягчены работой, как и в настоящее время,

если бы даже были отменены все правительственные подати и все налоги... Только полное изменение системы, только введение равенства труда и обмена может улучшить этот порядок и обеспечить людям истинное равенство прав... Производителям достаточно одного усилия, — а именно от них-то и должны исходить все усилия для их собственного спасения, — и их цепи будут навсегда разбиты... В качестве цели политическое равенство есть ошибка, оно оказывается также ошибкой и в качестве средства». (As an end, the political equality is there a failure, as a means, also, it is there a failure.)

«При равенстве обмена прибыль одного не может быть потерей для другого, потому что всякий обмен является тогда простым перенесением труда и богатства, не требующим никаких жертв. Таким образом, при господстве социальной системы, основанной на равенстве обмена, производитель может обогатиться также посредством сбережений, но его богатство будет лишь накопленным результатом его собственного труда. Он может обменивать свое богатство или дарить его другим, но, переставши работать, он не будет иметь возможности остаться богатым на более или менее продолжительное время. С установлением равенства обмена, богатство потеряет присущую ему теперь способность возобновляться и воспроизводиться, так сказать, собственную силу; оно не будет уже в состоянии пополнять потери, понесенные им от потребления, так как раз потребленное богатство будет навсегда потеряно и может быть воспроизведено лишь новым трудом. При равенстве обмена не может более существовать то, что мы теперь называем прибылью и процентом. Как производители, так и лица, занятые распределением, будут получать одинаковое вознаграждение, и стоимость каждого произведенного и доставленного потребителю продукта будет определяться общей суммой потраченного на них труда».

«Принцип равенства обмена должен, следовательно, по самой своей природе привести к всеобщности труда» (Брэй, стр. 76, 88, 89, 92 и 109).

Опровергнувши возражения экономистов против коммунизма, г. Брэй продолжает:

«Если, с одной стороны, для успешного осуществления социальной системы, основанной на общности, в ее совершен-

ной форме необходимо изменение человеческого характера; если, с другой стороны, существующий строй не дает ни удобств, ни возможности для такого изменения характера и для приготовления людей к лучшему, всем нам одинаково желательному порядку, то отсюда ясно, что порядок вещей необходимо должен остаться таким, как он есть, если не будет открыт и применен переходный общественный строй, — процесс, принадлежащий как к современной, так и к будущей системе, основанной на общности, — род переходного состояния, в которое общество вступило бы со всеми своими излишествами и безумствами, чтобы впоследствии выйти из него обогащенным качествами и свойствами, составляющими необходимое условие коммунистической системы» (Б р э й, стр. 136).

«Для всего этого переходного процесса необходима была бы лишь самая простая форма кооперации... Издержки производства при всяких обстоятельствах определяли бы стоимость продукта, и равные стоимости постоянно обменивались бы на равные стоимости. Если одно лицо работало бы неделю, а другое лишь половину этого времени, то вознаграждение первого вдвое превышало бы вознаграждение второго; но этот излишек платы не был бы получен одним в ущерб другому; потери последнего никоим образом не пошли бы на пользу первому. Каждый обменивал бы лично полученную им заработную плату на предметы одинаковой с нею стоимости, и выгоды, полученные каким-нибудь лицом и какою-нибудь отраслью промышленности, ни в коем случае не составляли бы потери для других лиц или для других отраслей. Труд каждого лица был бы единственным м е р и л о м его прибыли или его потери»...

«...Количество различных, нужных для потребления продуктов, относительная стоимость каждого предмета по сравнению его с другими (число рабочих, требуемых различными отраслями труда), словом, все, относящееся до общественного производства и распределения, определялось бы посредством общих и местных контор (boards of trade). В применении к целой нации эти расчеты совершались бы с такою же малою затратою времени и с такою же легкостью, с какими делаются они, при существующей системе, частными обществами... Как и в настоящее время, личности группировались бы тогда в семьи, семьи — в общины. ...Даже разделение

населения на городское и деревенское, как ни вредно такое разделение, не было бы уничтожено сразу. Каждая личность сохранила бы в этой ассоциации предоставленную ей в настоящее время полную свободу накапливать сколько ей угодно и употреблять свои сбережения по собственному усмотрению... Наше общество было бы, так сказать, большой акционерной компанией, составленной из бесконечного числа маленьких акционерных компаний, которые все трудились бы, производили и обменивали свои продукты на основе полного равенства... Наша новая система акционерных компаний, являясь лишь уступкой, сделанной современному обществу с целью перехода к коммунизму, позволяет совместное существование индивидуальной собственности продуктов с общественной собственностью производительных сил; она ставит судьбу каждой личности в зависимость от ее собственной деятельности и дает ей равную долю в выгодах, доставляемых природою и успехами техники. Поэтому такая система может быть применена к обществу в его современном состоянии, и может приготовить его к дальнейшим изменениям» (Брэй, стр. 158, 160, 162, 168, 194 и 199).

Мы ответим лишь в нескольких словах г. Брюэ, заменившему помимо нас и даже против нашей воли г. Прудона, с тою, однако, разницею, что г. Брэй не только не выдает предлагаемых им мер за последнее слово человечества, но считает их пригодными лишь для эпохи, переходной между современным обществом и коммунистической системой.

Рабочий час Петра обменивается на рабочий час Павла. Вот основная аксиома г. Брэя.

Предположим, что Петр проработал двенадцать часов, а Павел только шесть часов; в таком случае Петр может обменяться с Павлом только шестью часами на шесть часов, остальные же шесть часов останутся у него в запасе. Что делает он с этими часами?

Или ровно ничего не делает, и таким образом шесть рабочих часов пропали для него даром, или он прогуляет другие шесть часов, чтобы восстановить равновесие, или, наконец,— и это для него последний исход,— он отдаст эти нужные ему шесть часов Павлу в придачу к остальным.

Итак, что же, в конце концов, выигрывает Петр по сравнению с Павлом? Рабочие часы? Нет. Он выигрывает только

часы досуга, он будет вынужден бить баклуши в продолжение шести часов. Чтобы не только терпеть это новое право безделья, но еще и дорожить им, будущее общество должно видеть в лениности величайшее благополучие, считать труд тяжелым бременем, от которого следует избавиться во что бы то ни стало. И если бы еще эти часы досуга были для Петра действительным выигрышем! Но нет. Павел, начавший шестью часами труда, достигает посредством регулярной и правильной работы того же результата, как и Петр, начавший чрезмерным трудом. Каждый захочет быть Павлом, и возникнет конкуренция лениности с целью достичь положения Павла.

Что же принес нам обмен равных количеств труда? Перепроизводство, обесценение, чрезмерный труд, сменяемый застоєм, словом, все существующие в современном обществе экономические отношения, за исключением конкуренции труда.

Но нет, мы ошибаемся. Существует еще одно средство спасения для нового общества Петров и Павлов. Петр сам потребит продукт своего шестичасового труда. Но раз Петр может производить, не прибегая к обмену, ему нет также надобности и производить для обмена, а этим разрушаются все предположения об обществе, основанном на разделении труда и обмене. Равенство обмена было бы спасено только прекращением всякого обмена: Павел и Петр превратились бы в Робинзонов.

Итак, если даже предположенное общество состоит из непосредственных работников, то обмен равного количества рабочих часов возможен лишь при условии предварительного соглашения насчет числа часов, необходимых для материального производства. Но такое соглашение есть отрицание индивидуального обмена.

Мы придем к тому же заключению, если, вместо распределения произведенных продуктов, возьмем за точку отправления самый акт производства. В крупной промышленности Петр не может произвольно определить время своего труда, так как без содействия всех остальных Петров и Павлов, входящих в состав мастерской, его труд не имеет значения. Этим как нельзя лучше объясняется упорное противодействие английских фабрикантов десятичасовому биллю⁵⁵. Они слишком хорошо знали, что уменьшение на два часа рабочего времени детей и женщин должно

повести за собою такое же сокращение труда взрослых. Сама природа крупной промышленности требует равного для всех рабочего времени. То, что является сегодня результатом действия капитала и конкуренции между рабочими, завтра, с устранением отношения труда к капиталу, будет достигаться посредством соглашения, основанного на отношении суммы производительных сил к сумме существующих потребностей.

Но такое соглашение является смертным приговором индивидуальному обмену; значит, мы снова приходим к нашему первому результату.

Строго говоря, нет обмена продуктов, но есть обмен участвующих в производстве видов труда. От способа обмена производительных сил зависит и способ обмена продуктов. Вообще способ обмена продуктов соответствует форме производства. Измените эту последнюю, и изменение формы обмена явится как следствие. Точно так же и в истории обществ мы видим, что способ обмена продуктов определяется способом их производства. Индивидуальный обмен тоже соответствует определенному способу производства, который, в свою очередь, соответствует антагонизму классов. Поэтому без антагонизма классов не может быть и индивидуального обмена.

Но совесть честных буржуа отказывается признать этот очевидный факт. Пока человек остается буржуа, он не может не видеть в этих основанных на антагонизме отношениях — царства гармонии и вечной справедливости, никому не позволяющей выдвигаться на счет других. По мнению буржуа, индивидуальный обмен может существовать без антагонизма классов, для него эти два явления не имеют между собою ничего общего. Индивидуальный обмен, каким воображает его буржуа, имеет очень мало сходства с индивидуальным обменом, существующим в действительности.

Г-н Брэй возводит иллюзию честного буржуа в идеал, который он желал бы осуществить. Очищая индивидуальный обмен, устраняя из него все заключающиеся в нем элементы антагонизма, он воображает, что нашел «уравнительные» отношения, которые следует ввести в общественную жизнь.

Г-н Брэй не подозревает, что то уравнительное отношение, тот совершенствующий идеал, который он

желал бы ввести в мир, сам является лишь отражением существующего мира, и что поэтому абсолютно невозможно перестроить общество на основе, которая есть не более, как его собственная разукрашенная тень. По мере того, как эта тень облекается плотью, оказывается, что вместо рисовавшегося в воображении светлого образа, плоть эта является лишь современным общественным телом*.

III. Приложение закона пропорциональности стоимости

А. Деньги

«Золото и серебро были первыми товарами, стоимость которых конституировалась».

Итак, золото и серебро оказываются первыми приложениями «стоимости, конституированной»... г. Прудон. А так как г. Прудон конституирует стоимость продуктов, определяя ее сравнительным количеством труда, заключенного в этих продуктах, то ему оставалось только доказать, что колебания в стоимости золота и серебра всегда объясняются колебаниями в количестве труда, необходимого на их производство. Но г. Прудон и не думает об этом. Он говорит о золоте и серебре как о деньгах, а не как о товаре.

Вся его логика, если только тут есть логика, ограничивается тем, что на все товары, стоимость которых может измеряться рабочим временем, он распространяет свойство золота и серебра — служить деньгами. Конечно, во всем этом фокусе больше наивности, чем злого умысла.

* Теория г. Брзя, как и всякая другая теория, также нашла себе сторонников, обманувшихся ее видимостью. В Лондоне, в Шеффилде, в Лидсе и во многих других городах Англии были основаны equitable-labour-exchange-bazars (базары для справедливого обмена продуктов труда)⁶⁶. Поглотивши значительные капиталы, все эти базары потерпели скандальное банкротство. Это навсегда отбило от них охоту. Предостережение для г. Прудона. — К. М.

Как известно, г. Прудон не воспользовался этим предостережением. В 1849 году он сам пытался устроить меновой банк в Париже⁶⁷. Но банк этот потерпел крах даже раньше, чем начал правильно действовать. Судебное преследование против г. Прудона заслонило собою этот крах. — Ф. Э.

Если стоимость данного полезного предмета определена необходимым на его производство рабочим временем, то он всегда может быть принят в обмен. Доказательство этому мы видим в золоте и серебре, находящихся в искомым условиях «обмениваемости» — восклицает г. Прудон. Значит, золото и серебро представляют собою стоимость в ее конституированном виде, т. е. воплощение идеи г. Прудона. Он как нельзя более счастлив в выборе своего примера. Помимо того, что золото и серебро являются товарами, стоимость которых, как и всяких других товаров, измеряется количеством труда, — они имеют еще свойство служить всеобщим средством обмена — т. е. быть деньгами. Поэтому, принимая золото и серебро за приложение «стоимости, конституированной» рабочим временем, нет ничего легче, как доказать, что каждый товар, стоимость которого будет определена (конституирована) рабочим временем, получит постоянную способность к обмену, станет деньгами.

В уме г. Прудона возникает совершенно простой вопрос: почему золото и серебро пользуются привилегией служить типом «конституированной стоимости»?

«Специальная функция, которую обычай присвоил драгоценным металлам — служить средством обращения, — есть функция вполне условная, и каждый товар мог бы выполнять ее так же основательно, хотя, быть может, и с меньшими удобствами; это признается экономистами, и можно указать не мало подобных примеров. Где же причина этой привилегии служить деньгами, которую пользуются драгоценные металлы, и как объяснить такую специализацию функции денег, не имеющую аналогии в политической экономии?.. Нельзя ли восстановить тот ряд явлений, из которого деньги были, повидимому, вырваны, и тем привести их (деньги) к их истинному принципу?»

Ставя вопрос в таких выражениях, г. Прудон уже заранее предполагает деньги. Прежде всего он должен бы спросить себя, почему обмен, в своей современной форме, потребовал, так сказать, индивидуализации меновой стоимости, выразившейся в выделении специального средства обмена? Деньги не вещь, а общественное отношение. Почему отношение, называемое деньгами, как и всякое другое экономическое отношение, как разделение труда и проч., есть производственное отношение? Если бы г. Прудон составил

себе ясное представление об этом отношении деньги не казались бы ему исключением, оторванным членом неизвестного или искомого ряда.

Он нашел бы, наоборот, что это отношение есть лишь одно из звеньев целой цепи других экономических отношений, с которою оно поэтому очень тесно связано; он признал бы, что это отношение соответствует определенному способу производства, точно так же, как соответствует ему индивидуальный обмен. Что же он делает? Он начинает с того, что выделяет деньги из всей совокупности современного способа производства, чтобы сделать их, впоследствии, первым членом воображаемого ряда, который нужно еще открыть.

Раз признана необходимость в специальном средстве обмена, т. е. необходимость денег, остается лишь выяснить, почему эта особая функция досталась золоту и серебру, а не какому-нибудь иному товару. Это вопрос второстепенный, и его объяснения следует искать не в общей связи отношений производства, а в специальных материальных свойствах золота и серебра. Отсюда ясно, что если экономисты «вышли» в этом случае «из пределов своей науки и заговорили о физике, механике, истории и проч.», в чем упрекает их г. Прудон, то они сделали лишь то, что должны были сделать. Вопрос лежит вне области политической экономии.

«Чего не видел и не понял ни один экономист,—говорит г. Прудон,—это экономической причины того преимущества, которым пользуются драгоценные металлы».

Г-н Прудон увидел, понял и завещал потомству эту экономическую причину, которой никто — и по совершенно достаточной причине — не видел и не понимал.

«Никто не заметил именно того факта, что из всех товаров золото и серебро были первыми товарами, стоимость которых конституировалась. В патриархальном периоде золото и серебро составляют еще предмет торговли, обмениваются еще в слитках, но уже с видимым стремлением к преобладанию и с заметным предпочтением. Мало-по-малу правители овладевают драгоценными металлами и отмечают их своей печатью; эта-то правительственная санкция и порождает деньги, т. е. товар по преимуществу, товар, сохраняющий определенную пропорциональную стоимость при

всех потрясениях рынка и принимаемый при всех платежах... Отличительная черта золота и серебра происходит, повторяю, от того, что благодаря своим металлическим свойствам, трудности добывания, а главное вмешательству государственной власти, они в качестве товаров рано приобрели устойчивость и несомненную подлинность».

Говорить, что из всех товаров золото и серебро были первыми товарами, стоимость которых конституировалась, — это значит, как видно из вышеизложенного, сказать только, что золото и серебро первые сделались деньгами. Вот великое открытие г. Прудона, вот та истина, которой никто не знал до него.

Если бы г. Прудон хотел этим сказать, что время, необходимое на производство золота и серебра, было известно раньше, чем время, необходимое для производства других товаров, то это опять было бы одним из тех предположений, которыми он так щедро дарит своих читателей. И если бы мы желали придерживаться этой патриархальной эрудиции, мы сообщили бы г. Прудону, что прежде всего было установлено время, необходимое для производства предметов первой необходимости, каковы железо и проч. Мы не говорим уже о классическом луке Адама Смита.

Но каким образом г. Прудон может еще, после всего этого, толковать о конституированной стоимости, несмотря на то, что ни одна стоимость не может конституироваться в отдельности? Стоимость конституируется не временем, необходимым на производство данного продукта в отдельности, а пропорционально количеству всех других продуктов, могущих быть произведенными в этот же самый промежуток времени. Таким образом, конституирование стоимости золота и серебра заранее предполагает уже конституирование стоимости целой массы других продуктов.

Следовательно, не товар стал «конституированной стоимостью» в виде золота и серебра, а, наоборот, «конституированная стоимость» г. Прудона стала — в виде золота и серебра — деньгами.

Рассмотрим теперь ближе экономические причины, которым золото и серебро обязаны, по мнению г. Прудона, тем преимуществом, что, благодаря конституированию их стоимости, эти металлы раньше других товаров были возведены в достоинство денег.

Эти экономические причины суть: «видимое стремление к преобладанию»*, «заметное предпочтение» еще «в патриархальном периоде» и другие словесные выражения того же самого факта, которые только увеличивают наше затруднение, так как благодаря возрастанию числа случаев, приводимых господином Прудонем для объяснения факта, увеличивается число фактов, требующих объяснения. Но г. Прудон не исчерпал еще всех так называемых экономических причин. Вот причина величайшей, непреодолимой силы:

«От правительственной санкции рождаются деньги. Правители овладевают золотом и серебром и налагают на них свою печать».

Итак, произвол правителей является, по мнению г. Прудона, решающей причиной в области политической экономии!

Поистине нужно не иметь никаких исторических сведений, чтобы не знать того факта, что во все времена правители вынуждены были подчиняться экономическим условиям, и никогда не могли предписывать им закона. Как политическое, так и гражданское законодательство всегда лишь выражало, заносило в протокол требования экономических отношений.

Правительства ли овладели золотом и серебром, чтобы приложением своей печати сделать из них всеобщие средства обмена, или, наоборот, эти всеобщие средства обмена овладели правителями и добились от них приложения печати и политической санкции?

Штемпель, который прикладывали и прикладывают к «серебру», говорит не о его стоимости, а о его весе. То постоянство и подлинность, о которых толкует г. Прудон, относятся только к пробе монеты, и эта проба указывает, сколько чистого металла в ней заключается. «Единственная внутренняя стоимость марки серебра,—говорит Вольтер со своим обычным здравым смыслом,— есть марка серебра, полфунта серебра весом в восемь унций. Только вес и проба создают эту внутреннюю стоимость» (Вольтер, Система Лоу). Но во-

* Слова «видимое стремление к преобладанию» опущены во 2-м французском издании. В немецком переводе эти слова сохранены. — П р и м. р е д.

прос: сколько стоит унция золота или серебра? — все еще остается неразрешенным. Если бы на кашемире из магазина Grand Colbert выставлялось фабричное клеймо с надписью: чистая шерсть, то подобное фабричное клеймо еще ничего не сказало бы нам о стоимости кашемира. Нам все еще оставалось бы узнать, сколько стоит шерсть. «Французский король Филипп I⁸⁸,—говорит г. Прудон,—примешал к турецкому ливру Карла Великого одну треть лигатуры. Он вообразил, что, обладая монопольным правом чеканить монету, он может поступать с нею, как поступает со своим товаром каждый торговец-монополист. Что же такое в сущности представляет собою эта подделка монеты, которую вечно ставят в упрек Филиппу и его наследникам? Соображение, очень верное с точки зрения коммерческой рутин и совершенно ложное с точки зрения экономической науки, а именно следующее: так как стоимость регулируется спросом и предложением, то можно повысить оценку, а тем самым и стоимость продуктов, произведя искусственную редкость или же завладевши их исключительным производством; и это так же верно в применении к золоту и серебру, как и в применении к хлебу, вину, маслу или табаку. А между тем, едва только обнаружилось мошенничество Филиппа, его монеты пали до их истинной стоимости, и он потерял все то, что надеялся выиграть на счет своих подданных. Та же судьба постигла и все аналогичные попытки».

Во-первых, много и много раз было уже доказано, что когда государь решается подделывать монету, то он же и теряет при этом. То, что выигрывается один раз при первом выпуске, теряется затем каждый раз, когда фальсифицированные монеты возвращаются ему в виде налогов и проч. Но Филипп и его наследники умели более или менее уберечься от этой потери, так как, пустивши в обращение поддельную монету, они тотчас же спешили издать приказ о всеобщей перечеканке монеты по старому образцу.

К тому же, если бы Филипп I действительно рассуждал, как г. Прудон, то его рассуждение вовсе не было бы так хорошо «с коммерческой точки зрения». Ни Филипп I, ни г. Прудон вовсе не обнаруживают больших коммерческих способностей, воображая, что стоимость золота или какого бы то ни было иного товара может быть изменена по той

одной причине, что стоимость определяется отношением предложения к спросу.

Если бы король Филипп приказал назвать одну меру хлеба двумя мерами, он оказался бы мошенником. Он обманул бы всех получателей ренты, всех людей, которым предстояло бы получить по 100 мер хлеба; по его милости, вместо 100 мер, они получили бы только по 50. Предположите, что король был должен кому-нибудь 100 мер хлеба; он мог бы в данном случае заплатить только 50. Но в торговле 100 мер стоили бы ничуть не больше прежних 50. Перемена названия не изменяет вещи. Ни спрос, ни предложение хлеба не уменьшится и не увеличится от одной перемены имени. Поэтому, раз отношение предложения к спросу не изменится, несмотря на эту перемену имени, то и цена хлеба тоже не потерпит никакого действительного изменения. Когда говорят о спросе и предложении, то под этим понимают спрос и предложение вещей, а не их названий. Филипп I не создавал золота и серебра, как это выходит из слов г. Прудона, он создавал только названия монет. Выдайте свои французские кашемиры за азиатские, и очень может быть, что вам удастся обмануть одного или двух покупателей, но едва только плутня откроется, — цена ваших так называемых азиатских кашемиров упадет до цены французских. Прикладывая лживые клейма к золоту и серебру, Филипп I мог обманывать людей лишь до той минуты, пока его проделка не была открыта. Как и всякий другой лавочник, он обманывал своих клиентов ложным обозначением товаров; но это могло длиться лишь некоторое время. Рано или поздно законы торговли должны были отозваться на нем во всей своей суровости. Это ли хотел доказать г. Прудон? Нет, не это. По его мнению, не торговля, а правительство дает деньгам их стоимость. А что доказал он в действительности? Что торговля сильнее правительства, что правительство приказывает марке сделаться отныне двумя марками, а торговля продолжает твердить, что эти две новые марки стоят не больше одной старой.

Но все это ни на шаг не подвигает вопроса о стоимости, определяемой количеством труда. Все еще остается решить, определяется ли стоимость этих двух марок, — снова превратившихся в одну прежнюю марку, — издержками производства или законом спроса и предложения?

Г-н Прудон продолжает: «Следует даже заметить, что если бы, вместо подделки монет, король мог удвоить их массу, меновая стоимость золота и серебра тотчас же упала бы на половину все по той же причине пропорциональности и равновесия».

Если верен этот взгляд, разделяемый г. Прудоном с другими экономистами, то он говорит лишь в пользу их теории спроса и предложения, а вовсе не в пользу пропорциональности г. Прудона. В самом деле, какое бы количество труда ни было заключено в удвоенной массе золота и серебра, стоимость их упала бы на половину, если бы спрос остался неизменным при удвоенном предложении. Или на этот раз «закон пропорциональности» случайно совпадает со столь презируемым законом спроса и предложения? Впрочем, эта истинная пропорциональность г. Прудона до такой степени эластична, подвержена стольким изменениям, перестановкам и колебаниям, что легко может совпасть иной раз и с отношением предложения к спросу.

Приписывать «всякому товару если не фактическую, то по крайней мере юридическую способность к обмену», и ссылаться при этом на роль золота и серебра — значит не понимать этой роли. Золото и серебро имеют юридическую способность к обмену лишь потому, что обладают фактической способностью к нему, а этой последней они обладают потому, что современная организация производства нуждается во всеобщем средстве обмена. Право есть лишь официальное признание факта.

Мы видели, что пример денег, как практического приложения конституированной стоимости, избран г. Прудоном лишь с целью провести контрабандным образом всю его теорию постоянной способности к обмену, т. е. с целью доказать, что всякий товар, оцениваемый по издержкам производства, должен сделаться деньгами. Все это было бы прекрасно, не будь того маленького неудобства, что из всех товаров именно золото и серебро в качестве монеты (т. е. как знаки стоимости) составляют единственное исключение и не определяются издержками производства⁵⁹; это до такой степени верно, что в обращении они могут быть заменены бумагой. Пока соблюдается известная пропорция между потребностями обращения и количеством выпущенной монеты — будь она бумажная, золотая, платиновая или медная — не

может быть и речи о соблюдении пропорции между внутренней (определяемой издержками производства) и номинальной стоимостью монеты. Без сомнения, в международной торговле монеты, как и всякий другой товар, определяются рабочим временем. Но дело в том, что в международной торговле даже золото и серебро являются средством обмена лишь в своем качестве продуктов, а не в качестве денег, т. е. они теряют там свойства «устойчивости», «подлинности» и «правительственной санкции», составляющие, по мнению г. Прудона, их специфический характер. Рикардо так хорошо понял эту истину, что, основавши всю свою систему на стоимости, определяемой рабочим временем, и сказавши, что «ЗОЛОТО и серебро так же, как и все другие товары, имеют лишь стоимость, соответствующую количеству труда, необходимого на производство и доставку их на рынок», — он добавляет, тем не менее, что стоимость денег определяется не воплощенным в них рабочим временем, а лишь законами предложения и спроса.

«Конечно, бумажные деньги не имеют никакой внутренней стоимости, но путем ограничения их количества меновая стоимость их может стать так же велика, как стоимость монеты такого же наименования или слитка в этой монете. В силу того же самого принципа, а именно путем ограничения количества, стертая монета может обращаться по стоимости, которую она имела бы, если бы обладала законным весом и пробой, а не по той стоимости, которую она действительно содержит. Вот почему в истории британского монетного дела мы часто замечаем, что деньги никогда не обесценивались прямо пропорционально уменьшению их веса. Причина этого лежит в том, что количество их никогда не увеличивалось прямо пропорционально уменьшению их внутренней стоимости». (Рикардо, цит. соч., русск. перев., стр. 239.)

Вот что замечает Ж.-Б. Сэй по поводу этих слов Рикардо:

«Этого примера достаточно, мне кажется, чтобы убедить автора, что основанием всякой стоимости служит не количество труда, необходимого на производство товара, а потребность в нем, сопоставленная с его редкостью».

Итак, деньги, которые не представляют, по мнению Рикардо, стоимости, определяемой рабочим временем и именно

по этой причине принимаются Сэем за пример, годный для убеждения Рикардо в том, что и другие стоимости не могут определяться рабочим временем — эти самые деньги, говорю я, которые Сэй приводит как пример стоимости, определяемой исключительно предложением и спросом, являются, по мнению г. Прудона, наилучшим примером приложения стоимости, конституированной... рабочим временем.

Чтобы покончить с этим, заметим, что если деньги не представляют собою «стоимости, конституированной» рабочим временем, то еще того меньше могут они иметь что-нибудь общее с справедливою пропорциональностью Прудона. Золото и серебро всегда способны к обмену потому, что имеют специальную функцию служить всеобщим средством обмена, а вовсе не потому, что находятся в количестве, пропорциональном общей сумме богатств; или, лучше сказать, они всегда пропорциональны, потому что они одни из всех товаров служат деньгами, всеобщим средством обмена, каково бы ни было их количество по отношению к общей сумме богатств. «Каково бы ни было количество средств обращения, оно никогда не может оказаться излишним, ибо, уменьшая их стоимость, вы в той же самой пропорции увеличите их количество, а увеличивая их стоимость, вы уменьшаете их количество». (Рикардо, русск. перев., стр. 238.)

«Какая путаница, эта политическая экономия!» восклицает г. Прудон.

«Проклятое золото!» — не без комизма кричит коммунист устами г. Прудона. С таким же правом можно бы сказать: проклятая пшеница, проклятый виноград, проклятые овцы! — потому что, «подобно золоту и серебру, всякая стоимость в сфере торговли должна идти к точному и строгому определению».

Мысль о сообщении денежных свойств овцам и винограду не отличается новизною. Во Франции она принадлежит веку Людовика XIV^{го}. В эту эпоху, когда стало упрочиваться всемогущество денег, послышались жалобы на обесценение всех других товаров, и с нетерпением ожидали того момента, когда «все стоимости в сфере торговли достигнут точного и строгого определения, сделаются деньгами». Вот что находим мы уже у Бугильбера, одного из старейших экономистов Франции:

«Тогда деньги, благодаря вторжению бесчисленных конкурентов в лице самих товаров, восстановленных в их истинной стоимости, будут введены в свои естественные границы» («Economistes financiers du dix-huitième siècle», р. 422, édit Daire).

Как видно, первые иллюзии буржуазии являются также и последними ее иллюзиями.

Б. Излишек труда

«В политико-экономических сочинениях встречается иногда следующая нелепая гипотеза: если бы удвоилась цена всех продуктов... Как будто цена всех продуктов не есть их отношение, и как будто отношение, пропорция или закон могут быть удвоены!» (Прудон, т. I, стр. 81).

Экономисты впали в это заблуждение благодаря тому, что не умели применить «закон пропорциональности» и «конституированной стоимости».

К несчастью, на 110 стр. первого тома сочинения самого г. Прудона мы встречаемся с той нелепой гипотезой, по которой «возросла бы цена всех продуктов, если бы заработная плата испытала общее повышение». Кроме того, если в политико-экономических сочинениях и попадает упомянутая фраза, то там же находится и ее объяснение. «Если говорят, что повышается или понижается цена всех товаров, то при этом всегда исключается тот или другой товар; обыкновенно так поступают с деньгами или с трудом». («Encyclopaedia Metropolitana or Universal Dictionary of Knowledge, vol. IV, статья «Political Economy by Senior»⁶¹, London 1836. См. также относительно этого выражения: Дж. Ст. Милль, Essays on some unsettled questions of political economy, London 1844⁶², и Тук, An history of prices etc., London 1838⁶³).

Перейдем теперь ко второму приложению «конституированной стоимости» и других пропорциональностей, единственный недостаток которых заключается в том, что они мало пропорциональны; посмотрим также, не будет ли г. Прудон в этом случае счастливее, чем в попытке превращения овец в деньги.

«Общим признанием экономистов пользуется та аксиома, по которой всякий труд должен оставлять известный излишек.

Для меня это положение имеет значение всеобщей и безусловной истины; это — необходимое дополнение закона пропорциональности, который можно рассматривать как сжатое выражение всей экономической науки. Но пусть извинят меня гг. экономисты: с точки зрения их теории, принцип, по которому всякий труд должен оставлять известный излишек, — не имеет смысла и не может подлежать какому бы то ни было доказательству» (Прудон).

Чтобы доказать, что всякий труд должен оставлять известный излишек, г. Прудон персонифицирует общество; он делает из него общество-лицо, которое далеко не то же самое, что общество, состоящее из лиц, потому что у него есть свои особые законы, чуждые всякой связи с составляющими общество лицами, у него есть свой «собственный ум» — не обыкновенный человеческий ум, а ум, не имеющий обычно здравого смысла. Г-н Прудон упрекает экономистов в непонимании того, что это коллективное существо имеет свою личность. Мы считаем не лишним противопоставить его словам следующую выписку из сочинения одного американского экономиста, который упрекает других экономистов в совершенно противоположном: «Моральному лицу (the moral entity), грамматическому существу (the grammatical being), называемому обществом, были приписаны свойства, на самом деле существующие лишь в воображении тех, которые превращают слова в вещи... Вот что причинило в политической экономии множество трудностей и печальных ошибок». (Th. Coore, Lectures on the Elements of Political Economy, Columbia 1826⁶⁴.)

«По отношению к отдельным личностям, — продолжает г. Прудон, — этот принцип излишка труда верен лишь потому, что он проистекает из общества, которое распространяет, таким образом, на них благоденствия своих собственных законов».

Хочет ли г. Прудон этим сказать, что лицо, живущее в обществе, может произвести гораздо больше, чем изолированная личность? Имеет ли он в виду излишек производства ассоциированных личностей сравнительно с производством лиц, не связанных между собою? Если — да, то мы можем указать ему целую сотню экономистов, выразивших эту

простую истину без того мистицизма, которым окружает ее г. Прудон. Вот что пишет, например, г. Сэдлер⁶⁶:

«Соединенный труд дает такие результаты, к каким никогда не мог бы привести труд индивидуальный. Значит, по мере того как человечество будет возрастать в своей численности, продукты его совокупного промышленного труда будут значительно превышать ту сумму, которая получается от простого сложения чисел, соответствующих приросту населения... В настоящее время как в механических искусствах, так и в научных работах каждый человек может в один день сделать больше, чем изолированная личность сделала бы во всю свою жизнь. В применении к нашей науке оказывается неверной математическая аксиома, гласящая, что целое равно своим частям. Что касается труда, этой великой опоры человеческого существования (*the great pillar of human existence*), то можно сказать, что продукт соединенных усилий далеко превышает все, что когда-либо могли создать индивидуальные и раз'единенные усилия» (T. Sadler, *The law of population*, London 1830).

Возвратимся к г. Прудону. Излишек труда — говорит он — находит свое объяснение в обществе-лице. Жизнь этого лица подчиняется таким законам, которые противоположны законам, определяющим деятельность человека как индивида; г. Прудон хочет доказать это «**ф а к т а м и**».

«Никакой новый прием в области производства никогда не может принести своему изобретателю выгоды, равной с тою, которую он приносит обществу... Было замечено, что железнодорожные предприятия служат в гораздо меньшей степени источником обогащения предпринимателей, чем государства... Провоз товаров на подводах обходится средним числом по 18 сантимов с тонны-километра, с нагрузкой и разгрузкой включительно. Было рассчитано, что при таком тарифе обыкновенное железнодорожное предприятие не дало бы и 10% чистого дохода, т. е. принесло бы почти столько же, сколько дает перевозка по шоссейным дорогам. Но предположим, что скорость перевозки по железным дорогам относится к скорости перевозки по шоссейным путям как 4 к 1; так как для общества само время есть стоимость, то, при равенстве цен, железная дорога будет давать по сравнению с шоссе прибыль в 400%. Между тем, эта огромная, очень реальная для общества прибыль далеко не реализи-

руется в той же пропорции для железнодорожника: доставляя обществу 400 % прибыли, он не приобретает для себя и 10 %. В самом деле, предположим для большей наглядности, что железная дорога подняла тариф до 25 сантимов, тогда как подводы продолжают перевозить по 18; в таком случае первая тотчас же лишилась бы всех товарных грузов. Отправители и получатели все возвратились бы к старым фурам или даже, если бы понадобилось, и к телегам. Локомотив был бы покинут: общественная прибыль в 400 % была бы принесена в жертву частной потере в 35 %. И понятно почему: выгода от быстроты железнодорожного движения есть выгода чисто общественная; каждый в отдельности пользуется ею лишь в самых незначительных размерах (не следует забывать, что речь идет теперь лишь о перевозке товаров), тогда как потеря падает прямо и лично на потребителя. Общественная прибыль, равная 400, представляет для отдельной личности, — если общество состоит только из миллиона человек, — всего-навсего четыре десятитысячных; потеря же каждым потребителем 33 % предполагала бы общественный дефицит в 33 миллиона» (Прудон).

Пусть бы еще г. Прудон выражал учетверенную скорость в 400 % первоначальной скорости. Но сопоставлять проценты скорости с процентами прибыли и устанавливать пропорцию между двумя отношениями, которые, — если и измеряются каждое в отдельности, процентами, — остаются, тем не менее, не соизмеримыми между собою, это значит устанавливать пропорцию между процентами, не обращая внимания на различие их наименования.

Проценты всегда остаются процентами, 10 % и 400 % соизмеримы, они относятся друг к другу как 10 к 400. Следовательно, решает г. Прудон, 10 % прибыли стоят в 40 раз меньше учетверенной скорости. Чтобы сохранить подобие истины, он замечает, что для общества время есть стоимость (time is money). Он впадает в эту ошибку потому, что смутно припоминает о каком-то отношении между стоимостью и рабочим временем, и спешит отождествить рабочее время с временем перевозки, т. е. он принимает за целое общество только кочегаров, кондукторов и т. п., рабочее время которых есть действительно время перевозки. Таким образом, внезапно превративши скорость в капитал, он уже с полным правом говорит, что «прибыль в 400 % будет принесена в

жертву потере в 33 %». Установивши в качестве математика это странное положение, он объясняет его нам с точки зрения экономиста.

«Общественная прибыль, равная 400, представляет для отдельной личности, если общество состоит только из миллиона человек, всего-навсего четыре десятитысячных». Согласен; но ведь дело идет не о 400, а о 400 %; прибыль же в 400 % и для отдельной личности представляет ни больше, ни меньше, как 400 %. Каков бы ни был капитал, дивиденды всегда будут в этом случае равняться 400 %. Что же сделал г. Прудон? Он принял проценты за капитал, и, точно опасаясь, что наделанная им путаница окажется не достаточно очевидною и не вполне «осязательной», он продолжает:

«Понесенная потребителем потеря в 33 % предполагала бы общественный дефицит в 33 миллиона». Понесенная одним потребителем потеря в 33 % останется потерей в 33 % и для миллиона потребителей. И как это г. Прудон может утверждать, что в случае потери, равной 33 %, — общественный дефицит достигнет 33 миллионов; ведь он не знает ни величины общественного капитала, ни даже размеров капитала отдельного заинтересованного лица? Таким образом, г. Прудон не довольствуется тем, что смешивает капитал с процентами, но превосходит самого себя, отождествляя капитал предприятия с числом заинтересованных в нем лиц.

«В самом деле, предположим для большей наглядности» какой-нибудь определенный капитал. Общественная прибыль в 400 %, распределенная между миллионом участников, — внесших по одному франку каждый, — дает 4 франка прибыли на человека, а не 0,0004, как думает г. Прудон. Точно так же понесенная каждым из участников потеря в 33 % представляет собою общественный дефицит в 330 000 франков, а не в 33 000 000 ($100 : 33 = 1\ 000\ 000 : 330\ 000$).

Занятый своей теорией общества-лица, г. Прудон забывает разделить на 100; он получает, таким образом, 330 000 франков потери*; но 4 франка прибыли на чело-

* Маркс, повидимому, имеет в виду ту цифру, которую Прудон получил бы, если бы он не допустил ошибок в своих расчетах. В русском переводе «Нищеты философии», сделанном В. И. Засулич, ошибочно поставлена цифра 33 000 000 вместо 330 000.—Прим. ред.

века — составляют для общества прибыль в 4 000 000. Таким образом, чистый доход для общества остается в 3 670 000 франков. Это точное вычисление доказывает совершенно противоположное тому, что хотел доказать г. Прудон, а именно, что выгоды и потери общества вовсе не обратно пропорциональны выгодам и потерям отдельных личностей.

Исправивши эти маленькие арифметические ошибки, рассмотрим те следствия, к которым пришли бы мы, если бы решились принять для железных дорог указываемое г. Прудонем отношение скорости к капиталу, без свойственных его вычислениям арифметических ошибок. Предположим, что вчетверо более быстрая перевозка стоит вчетверо дороже; в таком случае эта перевозка приносила бы не меньшую прибыль, чем перевозка на подводах, вчетверо более медленная и стоящая вчетверо дешевле. Значит, если перевозка на подводах обходится по 18 сантимов, то железная дорога могла бы брать по 72 сантима. Это было бы «строго-математическим следствием» из предположений г. Прудона, опять-таки очищенных от его арифметических ошибок. Но совершенно неожиданно он объявляет нам, что если бы железная дорога стала брать даже не 72, а только 25 сантимов, то и тогда никто не захотел бы перевозить по ней товары. Конечно, в таком случае очевидно пришлось бы вернуться к фурам и даже к телегам. Мы советуем, однако, г. Прудону не забывать производить деление на сто в своей «Программе прогрессивной ассоциации». Но увы! У нас нет ни малейшей надежды на то, что наш совет будет услышан, ибо г. Прудон до такой степени восхищен своим «прогрессивным» расчетом, соответствующим «прогрессивной ассоциации», что у него вырывается напыщенное восклицание: «Разрешением антиномии стоимости я уже, во второй главе, показал, что полезное открытие неизмеримо менее выгодно для самого изобретателя, — как бы ни заботился он о своей выгоде, — чем для целого общества; доказательство этой мысли доведено мною до математической точности!»

Возвратимся к фикции общества-лица, фикции, введенной с единственной целью доказать ту простую истину, что каждое новое открытие понижает рыночные цены продуктов, давая возможность посредством того же количества труда производить большее количество товаров. Общество выигры-

вает при этом не потому, что приобретает большее количество меновых стоимостей, а потому, что та же стоимость дает ему больше товаров. Что же касается до изобретателя, то, под влиянием конкуренции, его прибыль постепенно падает до общего уровня. Доказал ли г. Прудон это положение, которое он хотел доказать? Нет. Но это не помешало ему, однако, упрекнуть экономистов в том, что они оставили это положение недоказанным. Чтобы убедить его в противном, процитируем только Рикардо и Лодердаля. Рикардо — глава школы, определяющей стоимость рабочим временем; Лодердаль — один из решительнейших защитников определения стоимости спросом и предложением. Но и тот, и другой доказывают одно и то же положение.

«Увеличивая непрестанно легкость производства, мы в то же время уменьшаем стоимость некоторых из товаров, произведенных прежде, хотя этим самым путем мы увеличиваем не только национальное богатство, но и производительные силы будущего».

«Как только с помощью машин или естественных наук мы заставляем силы природы выполнять работу, которая прежде совершалась человеком, то меновая стоимость этой работы понижается пропорционально этому содействию. Если до сих пор мельница приводилась в движение трудом десяти человек, и новое устройство позволяет заменить этот труд действием воздуха или воды, то стоимость муки, поскольку последняя является продуктом работы мельницы, понизится соответственно количеству сбереженного труда. Общество стало бы богаче на всю сумму товаров, которые могли бы быть произведены трудом десяти человек, так как фонд, назначенный на их содержание, несколько не уменьшился бы» (Рикардо, русск. перев., стр. 182, 190 — 191).

С своей стороны, Лодердаль говорит:

«Прибыль на капитал получается или вследствие того, что он берет на себя ту часть работы, которая иначе должна была бы выполняться руками людей, или вследствие того, что капитал выполняет часть работы, которая превысила бы личные силы человека и оказалась бы для него невыполнимой. Незначительность прибыли, достаемой владельцам машин, по сравнению ее с ценой труда, ими замещаемого, даст, быть может, повод усомниться в правильности нашего взгляда. Так, например, паровой насос в один день выкачи-

вает из каменноугольной копи больше воды, чем могли бы вынести триста человек, если бы даже они расположились цепью; и не подлежит никакому сомнению, что насос выполняет эту работу с гораздо меньшими издержками. То же можно сказать и относительно всех других машин. Они выполняют по удешевленной цене тот труд, который совершался прежде руками замещенных ими людей... Предположим, что изобретатель машины, заменяющей труд четырех человек, получил патент; так как вследствие исключительной привилегии у него не может быть иной конкуренции, кроме рабочих рук, то ясно, что, пока длится привилегия, он может сообразовать цену своих продуктов с заработной платой замещенных его машиной рабочих; следовательно, чтобы обеспечить себе заказы, изобретатель должен требовать за машины немного меньше, чем составляет заработная плата за труд, замещенный машинами. Но, как только кончается срок привилегии, появляются другие машины того же самого рода и вступают в конкуренцию с его собственной. Тогда цена его продуктов подчиняется влиянию общего закона и ставится в зависимость от количества машин. Хотя прибыль на затраченный капитал и является результатом замещенного труда, но в окончательном счете она регулируется не стоимостью этого труда, а конкуренцией между владельцами капиталов — как это мы видим и во всех других случаях. Сила же такой конкуренции всегда определяется отношением между количеством предлагаемых для данной цели капиталов и спросом на них».

В конце концов, оказывается, следовательно, что если в новой отрасли промышленности прибыль будет выше, нежели в остальных, то капиталы будут устремляться в нее до тех пор, пока прибыль не упадет до общего уровня.

Мы только что видели, насколько пример железных дорог способен пролить хоть какой-нибудь свет на фикцию общества-лица. Однако г. Прудон смело продолжает свое рассуждение: «Коль скоро выяснена эта сторона дела, — нет ничего легче, как объяснить, почему труд каждого производителя должен приносить ему излишек».

Далее следует нечто, относящееся к области классической древности, а именно — поэтический рассказ, на котором может отдохнуть читатель, утомленный строгой точностью предшествовавших математических доказательств. Г-н Пру-

дон дает своему обществу-лицу имя Прометея⁶⁶ и следующим образом прославляет его подвиги:

«Сначала, выйдя из недр природы, Прометей пробуждается к жизни в бездействии, полном прелести и проч. и проч. Но вот Прометей принимается за дело, и с первого же дня (первого со времен второго творения) продукт его труда, т. е. его богатство и благосостояние, равняется десяти. На второй день Прометей приходит к разделению своего труда, и его продукт возрастает до ста. На третий и в каждый из следующих дней Прометей изобретает машины, открывает новые, полезные свойства тел, новые силы природы... С каждым шагом его промышленной деятельности увеличивается цифра его производства, обещая ему увеличение его счастья. Наконец, так как для него потреблять значит производить, то ясно, что каждый день потребления, унося с собою лишь продукт предыдущего дня, оставляет ему излишек для завтрашнего потребления».

Престранная особа этот Прометей г. Прудона! Он так же слаб в логике, как и в политической экономии. Пока он ограничивается тем, что поучает нас, каким образом разделение труда, применение машин, пользование силами природы и силою научной техники увеличивают производительные силы людей и дают излишек по сравнению с продуктами изолированного труда, этот новый Прометей грешит только тем, что является слишком поздно. Но как только Прометей пускается в рассуждение о производстве и потреблении, — он положительно делается смешным. Потреблять для него значит производить; он ежедневно потребляет лишь продукт предыдущего дня и таким образом всегда имеет один рабочий день в запасе. Этот запасной день и составляет его «излишек труда». Но, потребляя сегодня продукт вчерашнего производства, Прометей должен был в первый день, не имевший предыдущего, наработать сразу на два дня, чтобы иметь, затем, один рабочий день в запасе. Как мог он достичь этого излишка в первый день, когда не было ни разделения труда, ни машин, ни знакомства с другими силами природы, кроме силы огня? Таким образом, отодвигая вопрос к «первому дню второго творения», мы не уясняем его ни на волос. Этот отчасти греческий, отчасти еврейский, одновременно и мистический, и аллегорический прием объяснения явлений дает г. Прудону полное право сказать: «Закон, по которому всякий труд дол-

жен оставлять излишек, доказан мною как с помощью теоретических соображений, так и посредством фактов».

Факты — это знаменитое прогрессивное исчисление; роль теории играет миф о Прометее.

«Но этот принцип, обладающий несомненностью арифметических истин, осуществлен еще далеко не для всех на свете, — продолжает г. Прудон. — Между тем как прогресс коллективной промышленности постоянно увеличивает продукт каждого индивидуального рабочего дня, и между тем как необходимым следствием этого увеличения должно бы быть, при условии сохранения прежней заработной платы, постепенное обогащение работника — мы видим, что некоторые группы общества обогащаются, другие же гибнут от нищеты».

В 1770 году население Соединенного Королевства Великобритании достигало 15 миллионов, производительная же часть населения составляла три миллиона. Производительная сила технических усовершенствований соответствовала приблизительно 12 миллионам рабочих; следовательно, общая сумма производительных сил равнялась 15 миллионам. Таким образом, производительные силы относились к населению как 1 к 1, производительность же технических усовершенствований относилась к производительности ручного труда как 4 к 1.

В 1840 году население не превосходило 30 миллионов, его производительная часть равнялась 6 миллионам, тогда как производительность технических усовершенствований достигла 650 миллионов, т. е. относилась к общей сумме населения как 21 к 1, к производительности же ручного труда — как 108 к 1.

Производительность рабочего дня в английском обществе увеличилась, следовательно, в течение семидесяти лет на 2700 процентов, т. е. в 1840 году было произведено в двадцать семь раз больше, чем в 1770. Г-н Прудон должен был бы спросить: почему английский рабочий 1840 года не сделался в двадцать семь раз богаче рабочего 1770 года? Такой вопрос заранее, конечно, предполагает, что англичане могли бы произвести все это богатство помимо тех исторических условий, при которых оно было произведено, т. е. без накопления частных капиталов, без современного разделения труда, без употребления машин, без анархической конкуренции, без наемных рабочих рук, словом, без всего того,

что основывается на антагонизме классов. Но именно эти-то условия и были существенно необходимы для развития производительных сил и возрастания излишка продуктов. Следовательно, чтобы достичь такого развития производительных сил и получить такой излишек продуктов, необходимо было существование классов, из которых одни богатели, другие же погибали от нищеты.

Но что же такое, наконец, этот воскрешенный г. Прудон — Прометей? Это — общество, это — основанные на антагонизме классов общественные отношения, т. е. не отношения одного отдельного лица к другому лицу, а отношение рабочего к капиталисту, арендатора к землевладельцу и проч. Уничтожьте эти общественные отношения, и вы уничтожите все общество. Ваш Прометей превратится в привидение без рук и без ног, т. е. без машин и без разделения труда, наконец, без всего того, чем вы заранее его снабдили для получения излишка продуктов.

Если в теории было достаточно — как это и делает г. Прудон — дать уравнительную интерпретацию формулы излишка продуктов труда, не принимая во внимание современных условий производства, то и на практике было бы достаточно разделить поровну между рабочими существующие теперь богатства, ничего не изменяя в современных условиях производства. Такой дележ не упрочил бы, конечно, за своими участниками особенно большого благополучия.

Однако г. Прудон вовсе не такой пессимист, каким он может показаться. Так как для него все дело сводится к пропорциональности, то в своем во всеоружии явившемся Прометее, т. е. в современном обществе, он не может не видеть начала осуществления своей излюбленной идеи.

«Но прогресс богатства, т. е. пропорциональность стоимостей, везде является господствующим законом; и когда экономисты противопоставляют жалобам социалистической партии усиливающийся рост национального богатства и облегчения положения даже самых несчастных классов общества, то, сами того не подозревая, они провозглашают истину, осуждающую их же теории».

Что такое в сущности общественное богатство, национальное благосостояние? Это — богатство буржуазии, но не богатство каждого отдельного буржуа. Прекрасно; но эконо-

мисты только доказали, что при существующих условиях производства растет и должно еще более расти богатство буржуазии. Что же касается рабочего класса, то большой еще вопрос — улучшилось ли его положение вследствие увеличения так называемого общественного богатства. Когда в защиту своего оптимизма экономисты ссылаются на пример английских рабочих, занятых в хлопчатобумажной промышленности, то они рассматривают их положение лишь в редкие моменты промышленного процветания. К эпохам кризиса и застоя такие моменты находятся в «правильно-пропорциональном» отношении 3 к 10. Или, говоря об улучшении, экономисты имеют в виду те миллионы рабочих, которые должны были погибнуть в Ост-Индии, чтобы доставить 1½ миллионам занятых в той же отрасли промышленности английских рабочих 3 года процветания в каждые 10 лет?

Что касается временного участия в росте национального богатства, то это — вопрос другой. Факт этого временного участия объясняется теорией экономистов. Он подтверждает ее, а никоим образом не «осуждает» — как говорит г. Прудон. Если что-нибудь и подлежит осуждению, то, конечно, система г. Прудона, которая сводит, как мы видели, рабочих на минимум заработной платы, несмотря на рост богатства. Только осудивши рабочего на минимум заработной платы, Прудон мог применить к труду принцип правильной пропорциональности стоимостей, принцип «стоимости, конституированной»... рабочим временем. Лишь потому, что под влиянием конкуренции заработная плата колеблется, то поднимаясь выше, то падая ниже необходимых для его существования жизненных средств — только потому рабочий и может в некоторой, хотя бы самой ничтожной, степени воспользоваться ростом общественного богатства. Но именно потому для него возможна также и голодная смерть. Это и есть теория экономистов, которые чужды, в данном случае, каких бы то ни было иллюзий.

После долгих отступлений по вопросу о железных дорогах, о Прометее и о новом обществе, которое нужно переконституировать (перестроить) на основе «конституированной стоимости», г. Прудон впадает в сосредоточенное настроение, им овладевает наплыв чувств, и он восклицает отеческим тоном:

«Я заклинаю экономистов хоть однажды подумать искренно, отрешившись в глубине души от смущающих их предрассудков, от забот о занимаемых или ожидаемых ими местах, об интересах, которым они служат, об избирательных голосах, которых они добиваются, об отличиях, льстящих их тщеславию — подумать и сказать: представлялся ли им до сих пор принцип, в силу которого всякий труд должен давать излишек, со всею цепью сделанных нами посылок и выводов?»

ГЛАВА ВТОРАЯ

МЕТАФИЗИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

1. Метод

Теперь мы в самом сердце Германии! Рассуждая о политической экономии, мы должны будем в то же самое время рассуждать о метафизике. И в этом случае мы последуем лишь за «противоречиями» г. Прудона. Только что заставлял он нас говорить по-английски, превращаться в большей или меньшей степени в англичанина. Теперь сцена меняется. Г-н Прудон переносит нас в наше дорогое отечество и заставляет нас опять превратиться в немца — против нашей воли.

Если англичанин превращает людей в шляпы, то немец превращает шляпы в идеи. Англичанин — это Рикардо, богатый банкир и выдающийся экономист; немец — это Гегель, скромный профессор философии в Берлинском университете.

Людовик XV⁸⁷, бывший последним абсолютным королем и представителем упадка французской монархии, имел лейб-медика, который, в свою очередь, был первым экономистом Франции. Этот медик, этот экономист, был представителем близкого и верного торжества французской буржуазии. Доктор Кенэ⁸⁸ сделал из политической экономии науку; он резюмировал ее в своем знаменитом сочинении «Tableau économic». Кроме тысячи и одного комментария, которые были написаны к этому сочинению, мы имеем комментарий, автором которого был сам доктор. Это — «L'analyse du Tableau Économique», сопровождаемый «семью важными замечаниями».

Г-н Прудон есть новый доктор Кенэ. Он — Кенэ метафизики политической экономии.

Но метафизика, как и вся вообще философия, резюмируется, по мнению Гегеля, в методе. Мы должны, следова-

тельно, постараться выяснить метод г. Прудона, по меньшей мере столь же темный, как и «Tableau économic»». С этой целью, мы сами сделаем семь более или менее важных замечаний. Если доктор Прудон останется недоволен нашими замечаниями, то в таком случае он может принять на себя роль аббата Бодо⁹⁹ и написать «объяснение экономико-метафизического метода».

Первое замечание

«Мы имеем здесь в виду не ту историю, которая соответствует порядку времен, а ту, которая соответствует последовательности идей. Экономические фазы или категории иногда бывают одновременны в своих проявлениях, иногда же идут в обратном порядке... Тем не менее, экономические категории имеют свою логическую последовательность и свою связь (серию) в разуме; именно эту-то связь и последовательность нам и удалось, как мы думаем, открыть» (Прудон, т. I, стр. 146).

Поистине г. Прудон хотел нагнать страху на французов, забрасывая их этими, будто бы гегельянскими, фразами. Оказывается, что мы имеем теперь дело уже с двумя писателями: во-первых, с г. Прудоном, а во-вторых — с Гегелем. Чем отличается г. Прудон от других экономистов? Какую роль играет Гегель в политической экономии г. Прудона?

Экономисты изображают отношения буржуазного производства — разделение труда, кредит, деньги и т. д. — как вечные, неизменные, неподвижные категории. Г-н Прудон, который имеет пред собою эти категории в совершенно законченном виде, хочет объяснить нам образование и происхождение всех этих категорий, принципов, законов, идей, мыслей.

Экономисты объясняют нам, как совершается производство при этих данных отношениях; но у них остается невыясненным способ производства самих этих отношений, т. е. то историческое движение, которое их порождает. Так как г. Прудон принимает эти отношения за принципы, за категории, за абстрактные мысли, то ему остается лишь привести в порядок эти мысли, которые можно найти в алфавитном указателе, в конце любого трактата по политической экономии. Материалом для экономистов служит

деятельная и подвижная человеческая жизнь; материалом для г. Прудона служат догмы экономистов. Но раз мы упускаем из виду историческое развитие производственных отношений, для которых категории служат лишь теоретическим выражением, раз мы видим в этих категориях лишь идеи, лишь независимые от действительных отношений мысли, мы волей-неволей должны искать происхождения этих мыслей в движении чистого разума. Как порождает эти мысли чистый, вечный, безличный разум? Каким образом создает он их?

Если бы по отношению к гегельянству мы обладали неустрашимостью г. Прудона, то мы сказали бы, что разум различается в самом себе от самого себя. Что это значит? Так как безличный разум не имеет вне себя ни почвы, на которую он мог бы стать, ни объекта, которому он мог бы противостоять, ни субъекта, с которым он мог бы соединиться, то он поневоле должен делать прыжки, ставя самого себя, противопоставляя себя самому же себе и соединяясь с самим собою: положение, противоположение, сложение, или погречески, тезис, антитезис, синтезис. Что касается читателей, не знакомых с гегельянским языком, то мы откроем им таинственную формулу: она означает положение, отрицание, отрицание отрицания. Вот смысл этих слов. Это, конечно, не древне-еврейский язык, с позволения г. Прудона, а язык этого, столь чистого разума, взятого отдельно от личности. Вместо обыкновенного индивидуума, с его обыкновенной манерой говорить и мыслить, мы имеем здесь не что иное, как эту обыкновенную манеру в ее чистом виде без самого индивидуума.

Можно ли удивляться тому, что в последней степени абстракции — так как мы имеем здесь дело с абстракцией, а не с анализом — всякая вещь является в виде логической категории? Можно ли удивляться тому, что, устраняя мало-помалу все, составляющее отличительную особенность данного дома, отвлекаясь от материалов, из которых он построен, от формы, которая ему свойственна, — мы получаем, наконец, лишь тело вообще; что, отвлекаясь от размеров этого тела, мы оставляем в результате лишь пространство; что, отвлекаясь от этого пространства, мы приходим, наконец, к тому, что имеем дело лишь с количеством в чистом виде, с логической категорией количества? Последовательно

отвлекаясь таким образом от всякого субъекта, от всех его так называемых, случайных признаков, одушевленных или неодушевленных, людей или вещей, — мы можем сказать, что в последней степени абстракции у нас есть лишь логические категории, как единственная субстанция. С своей стороны, метафизики, — воображающие, что эти абстракции составляют анализ, и думающие, что, все более и более удаляясь от предмета, они приближаются к его пониманию, — метафизики по-своему правы, говоря, что в нашем мире вещи представляют собою лишь узоры, для которых логические категории служат канвою. Этим-то и отличается философ от христианина. Вопреки логике, христианин знает лишь одно воплощение Logos'a («Слова») ¹⁰; у философа нет конца этим воплощениям. Все существующее, все живущее на земле или в воде может быть сведено с помощью абстракции к логической категории; удивительно ли, что весь реальный мир может, таким образом, потонуть в море абстракций и логических категорий.

Все существующее, все живущее на земле или в воде существует и живет лишь в силу известного движения. Так, историческое движение создает общественные отношения, промышленное движение дает нам промышленные продукты и т. д.

Как посредством абстракции мы превращаем всякую вещь в логическую категорию, точно так же нам стоит только отвлечься от отличительных признаков различных родов движения, чтобы прийти к движению в абстрактном виде, к чисто формальному движению, к чисто логической формуле движения. И если в логических категориях мы видим субстанцию всех вещей, то нам не трудно вообразить, что в логической формуле движения мы нашли а б с о л ю т н ы й м е т о д, который не только объясняет каждую вещь, но и включает в себя движение каждой вещи.

Об этом абсолютном методе Гегель выражается следующим образом: «Метод есть абсолютная, единственная, высшая, бесконечная сила, которой ничто не может противостоять; это стремление разума найти и познать себя в каждой вещи» («Логика», т. III). Если всякая вещь сводится к логической категории, а всякое движение, всякий акт производства — к методу, то отсюда само собою следует, что всякая совокупность продуктов и производства, предметов и

движения сводится к прикладной метафизике. Г-н Прудон хочет сделать для политической экономии то же, что Гегель сделал для религии, права и т. д.

Итак, что же такое абсолютный метод? Абстракция движения. Что такое абстракция движения? Движение в абстрактном виде. Что такое движение в абстрактном виде? Чисто логическая формула движения, или движение чистого разума. В чем состоит движение чистого разума? В том, что он полагает себя, противопоставляет себя самому себе и слагается с самим собою, в том, что он формулируется в тезис, антитезис и синтезис, или, наконец, в том, что он себя утверждает, отрицает и отрицает свое отрицание.

Но каким же образом полагает себя разум, каким образом он ставит себя как определенную категорию? Это уж дело самого разума и его апологетов.

Но раз он поставил себя как тезу, эта теза, эта мысль, противопоставляясь сама себе, разделяется на две мысли, противоречащие одна другой, — на положение и отрицание, на да и нет. Борьба этих двух заключающихся в антитезе противоположных элементов образует диалектическое движение. Да превращается в нет, нет превращается в да, да становится одновременно и да и нет, нет становится одновременно и нет и да. Таким путем противоположности взаимно уравниваются, нейтрализуются и парализуются. Слияние этих двух мыслей, противоречащих одна другой, образует новую мысль — их синтезис. Эта новая мысль опять разделяется на две противоположные мысли, которые, в свою очередь, сливаются в новом синтезисе. Этот процесс рождения создает группу мыслей. Группа мыслей подчиняется тому же диалектическому движению, как и простая категория, и имеет в качестве своей антитезы другую, противоположную ей группу. Из этих двух групп мыслей рождается новая группа мыслей — их синтезис.

Как из диалектического движения простых категорий рождается группа, так из диалектического движения групп возникает серия, а диалектическое движение серий порождает всю совокупность системы.

Приложите этот метод к категориям политической экономии, и вы получите логику и метафизику политической экономии, или, другими словами, — вы переведете всем известные экономические категории на мало известный язык,

благодаря которому они получают такой вид, как будто бы только что родились в голове, полной чистого разума: до такой степени эти категории кажутся порождающими одни другие, связанными и переплетенными одни с другими посредством одного только диалектического движения. Пусть читатель не пугается этой метафизики со всем ее зданием категорий, групп, серий и систем. Несмотря на величайшее старание взобраться на высоту системы противоречий, г. Прудон никогда не мог подняться выше двух первых ступеней: простой тезы и антитезы, да и сюда он доходил лишь два раза, причем один раз перекувырнулся и упал.

До сих пор мы излагали только диалектику Гегеля. Ниже мы увидим, каким образом г. Прудону удалось привести ее к более жалким размерам. По мнению Гегеля, все, что происходило, и все, что происходит еще в мире, тождественно с тем, что происходит в его собственном мышлении. Таким образом, философия истории оказывается лишь историей философии, и притом—его собственной философии. Нет более истории, «соответствующей порядку времени»; существует лишь «последовательность идей в разуме». Он воображает, что строит мир посредством движения мысли; между тем как в действительности он лишь систематически перестраивает и располагает согласно своему абсолютному методу те мысли, которые находятся в головах у всех и у каждого.

Второе замечание

Экономические категории представляют собою лишь теоретические выражения, абстракции общественных отношений производства. Как истинный философ, г. Прудон понимает вещи наизуот и видит в действительных отношениях лишь воплощение принципов и категорий, которые дремали, как сообщает нам тот же г. Прудон-философ, в недрах «безличного разума человечества».

Г-н Прудон-экономист очень хорошо понял, что люди выделывают сукно, полотно, шелковые ткани и проч. при определенных производственных отношениях. Но он не понял того, что эти определенные общественные отношения так же точно произведены людьми, как и полотно, лен и т. д. Общественные отношения тесно связаны с производительными

силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, — они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом.

Те же самые люди, которые устанавливают общественные отношения соответственно своему способу материального производства, создают также принципы, идеи и категории соответственно своим общественным отношениям.

Таким образом, эти идеи, эти категории столь же мало вечны, как и выражаемые ими отношения. Они представляют собою исторические и переходящие продукты.

Непрерывно совершается движение роста производительных сил, разрушение общественных отношений, возникновение идей, неподвижна лишь абстракция движения.

Третье замечание

В каждом обществе производственные отношения образуют одно целое. Г-н Прудон рассматривает экономические отношения как соответственное количество общественных фаз, которые порождают одна другую, вытекают одна из другой, как антитеза из тезы, и в своей логической последовательности осуществляют безличный разум человечества.

Единственное неудобство этого метода состоит в том, что, принимаясь за исследование одной из этих фаз, г. Прудон не может объяснить ее без помощи всех других общественных отношений, тех самых отношений, которых он не успел еще вызвать к жизни посредством своего диалектического движения. А когда г. Прудон переходит затем, с помощью чистого разума, к созданию других фаз, то он обращается с этими последними, как с новорожденными детьми, забывая, что они столь же стары, как и первая фаза.

Таким образом, чтобы конституировать стоимость, которая есть, по его мнению, основа всякого экономического развития, он не мог обойтись без разделения труда, без конкуренции и т. д. А между тем, эти отношения не существовали еще в серии в разуме г. Прудона, в логической последовательности.

Воздвигая при помощи политико-экономических категорий здание идеологической системы, мы раз'единяем между собою различные члены общественной системы. Мы превращаем эти различные члены в соответственное число отдельных обществ, следующих одно за другим. В самом деле, каким образом простая логическая формула движения последовательности во времени могла бы служить для объяснения общественного тела, в котором все отношения существуют одновременно и опираются одно на другое?

Четвертое замечание

Посмотрим теперь, каким видоизменениям подвергает г. Прудон гегелевскую диалектику, прилагая ее к политической экономии.

По его, г. Прудона, мнению, всякая экономическая категория имеет две стороны: хорошую и дурную. Он рассматривает категории, как мелкий буржуа рассматривает великих исторических деятелей: Наполеон — великий человек; он сделал много добра, но он принес также много зла.

Взятые вместе, хорошая сторона и дурная сторона, выгода и неудобство составляют, по мнению г. Прудона, противоречие, свойственное каждой экономической категории.

Таким образом, необходимо решить следующую задачу: сохранить хорошую сторону и устранить дурную.

Рабство есть такая же экономическая категория, как и всякая другая. Следовательно, оно также имеет две стороны. Оставим дурную сторону рабства и рассмотрим хорошую. Само собой разумеется, что приэтом речь идет лишь о настоящем рабстве, о рабстве чернокожих в Суринаме, в Бразилии, в южных штатах Северной Америки ⁷¹.

Подобно машинам, кредиту и проч., это рабство представляет собою краеугольный камень буржуазной промышленности. Без рабства не было бы хлопка; без хлопка немислима современная промышленность. Рабство дало значение колониям, колонии создали мировую торговлю, мировая торговля есть необходимое условие крупной промышленности. Следовательно, рабство представляет собою в высшей степени важную экономическую категорию.

Без рабства Северная Америка, эта страна наиболее быстрого прогресса, превратилась бы в патриархальную страну. Сотрите Северную Америку с карты земного шара, — и вы произведете анархию, полный упадок современной торговли и цивилизации. Уничтожьте рабство, — и вы сотрете Америку с географической карты*.

Так как рабство есть экономическая категория, то оно всегда входило в число учреждений различных народов. Новейшие народы сумели лишь замаскировать рабство в своей собственной стране, а в Новом Свете ввели его неприкрытым образом.

Что предпримет г. Прудон для спасения рабства? Он предложит задачу: сохранить хорошую сторону этой экономической категории и устранить дурную.

У Гегеля нет задач. Он знает лишь диалектику. Г-н Прудон заимствовал из диалектики Гегеля только язык. Его собственный диалектический метод состоит лишь в догматическом различении хорошего от дурного.

Примем на время самого г. Прудона за категорию. Исследуем его дурную и его хорошую сторону, его преимущества и его недостатки.

Если, сравнительно с Гегелем, он обладает тем преимуществом, что умеет ставить задачи, — которые и предоставляет себе решить для блага человечества, — то он имеет также и недостаток: он обнаруживает полнейшее бесплодие там, где речь идет о порождении при помощи диалектики какой-либо новой категории. Существование двух взаимно-противоречащих сторон, их борьба и их слияние в одну новую категорию — составляют сущность диалектического движения.

* Для 1847 года это было совершенно справедливо. В то время торговля Соединенных штатов с остальным миром ограничивались главным образом ввозом иммигрантов и продуктов промышленности и вывозом хлопка и табаку, т. е. продуктов рабского труда Юга. Северные штаты производили главным образом хлеб и мясо для рабовладельческих штатов. Отмена рабства стала возможна лишь с того времени, как Север начал производить хлеб и мясо для вывоза и сделался промышленной страной, а хлопковая монополия Америки встретила сильную конкуренцию со стороны Индии, Египта, Бразилии и т. д. Да и тогда следствием этой отмены было разорение Юга, которому не удалось заменить открытого рабства негров замаскированным рабством индийских и китайских кули. — Ф. Э.

Если вы ограничиваетесь лишь тем, что ставите себе задачу устранения дурной стороны, то вы разом кладете конец всему диалектическому движению. Вы имеете дело уже не с категорией, которая полагает себя и противопоставляется самой себе в силу своей противоречивой природы; вы имеете дело лишь с г. Прудонем, который бьется, мучится и выбивается из сил между двумя сторонами категории.

Попавши таким образом в тупик, из которого трудно выбиться с помощью законных средств, г. Прудон делает отчаянное усилие и одним прыжком переносится в область новой категории. Тогда-то раскрывается пред его восхищенными очами серия в разуме.

Он схватывает первую попавшуюся категорию и произвольно приписывает ей свойство устранить неудобства категории, подлежащей очищению. Так, налоги залечивают, если верить г. Прудону, неудобства монополии; торговый баланс устраняет неудобства налогов, поземельная собственность — неудобства кредита.

Перебирая, таким образом, последовательно все экономические категории одну за другой и делая одну категорию прот и в о я д и е м по отношению к другой, г. Прудон сочиняет с помощью этой смеси противоречий и противоядий от противоречий два тома противоречий, которые он справедливо называет «Системой экономических противоречий».

Пятое замечание

«В абсолютном разуме все эти идеи... одинаково просты и всеобщы... В действительности мы приходим к науке лишь посредством сооружения из наших идей чего-то вроде строительных лесов. Но, взятая сама по себе, истина не зависит от этих диалектических фигур и свободна от комбинаций нашего ума» (П р у д о н, т. II, стр. 97).

Таким образом, неожиданно, посредством особого рода поворотного движения, секрет которого нам теперь известен, метафизика политической экономии превращается в иллюзию! Никогда еще г. Прудон не высказывал более справедливого мнения. Само собою понятно, что раз весь процесс диалектического движения сводится к простому приему противопоставления добра злу, к постановке задач, смысл которых заключается в устранении зла и в употреблении одной ка-

тегории в качестве противоядия против другой, — то категории утрачивают свое самостоятельное движение; идея «не функционирует больше»; в ней уже нет внутренней жизни. Она уже не может ни полагать себя в виде категорий, ни разлагаться на них. Последовательность категорий превращается в какие-то строительные леса. Диалектика уже не представляет собою движения абсолютного разума. Она совершенно исчезает, и на ее месте оказывается в лучшем случае только мораль.

Когда г. Прудон говорил о серии в разуме, о логической последовательности категорий, он положительно заявил, что имеет в виду не ту историю, которая соответствует последовательности времен, причем под этим выражением он понимал историческую последовательность, в которой категории проявлялись. Все совершалось тогда у него в чистом эфире разума. Все должно было вытекать из этого эфира посредством диалектики. Теперь, когда дело идет о практическом применении этой диалектики, разум изменяет ему. Диалектика г. Прудона приходит в разлад с диалектикой Гегеля, и г. Прудон оказывается вынужденным признать, что порядок, в котором он излагает экономические категории, не соответствует тому порядку, в котором они порождают одна другую. Экономические эволюции не совпадают более с эволюциями чистого разума.

Что же, однако, дает нам г. Прудон? Действительную историю, т. е., — как понимает это разум г. Прудона, — последовательность, в которой категории проявлялись во времени? — Нет. Историю, как она совершается в самой идее? — Еще того менее. Значит, он не дает нам ни обыкновенной истории категорий, ни их священной истории! Но какую же историю дает он нам? — Историю своих собственных противоречий. Посмотрим же, как шествуют эти противоречия и как они увлекают за собой г. Прудона.

Прежде чем приступить к этому исследованию, которое послужит поводом к шестому важному замечанию, мы должны сделать еще одно менее важное замечание.

Предположим вместе с г. Прудоном, что действительная история, история, соответствующая порядку времен, представляет собою ту историческую последовательность, в которой проявлялись идеи, категории и принципы.

Каждый принцип имел особый век для своего проявления. Так, например, принципу авторитета соответствовал XI век, принципу индивидуализма — XVIII век. Рассуждая последовательно, мы должны согласиться, что век принадлежал принципу, а не принцип веку. Другими словами, принцип создавал историю, а не история создавала принцип. Но если, — чтобы спасти как принцип, так и историю, — мы спросим себя, наконец, почему же данный принцип проявлялся в XI или в XVIII, а не в каком-нибудь другом столетии, то мы будем вынуждены тщательно исследовать, каковы были люди в XI веке, каковы они были в XVIII, каковы были в каждом из этих столетий их нужды, их производительные силы, их способ производства, сырые материалы их производства; каковы наконец, были те отношения человека к человеку, которые вытекали из всех этих условий существования. Разве исследовать все эти вопросы не значит написать действительную, обыкновенную историю людей каждого столетия, изобразить этих людей, в одно и то же время, как авторов и актеров их собственной драмы? Но раз вы изображаете людей как актеров и авторов их собственной истории, вы приходите окольным путем к истинной точке отправления, потому что вы покидаете вечные принципы, от которых вы отправлялись сначала.

Г-н Прудон не подвинулся достаточно далеко даже на том окольном пути, по которому следует идеолог, чтобы выйти на большую дорогу истории.

Шестое замечание

Пройдемся с г. Прудоном по окольной дороге.

Предположим, что экономические отношения, рассматриваемые как неизменные законы, как вечные принципы, как идеальные категории, предшествовали людям и их деятельности; предположим, кроме того, что эти законы, эти принципы, эти категории от начала веков дремали в недрах «безличного разума человечества». Мы уже видели, что все эти неизменные, неподвижные вечности не оставляют места для истории; в самом лучшем случае мы имеем историю в идее, т. е. историю, отражающуюся в диалектическом движении чистого разума. Говоря, что в диалектическом движении идеи уже не «дифференциру-

ются», г. Прудон уничтожает как всякую тень движения, так и всякое движение теней, с помощью которых можно было бы создать хоть какое-нибудь подобие истории. Не заботясь об этом, он приписывает истории свое собственное бессилие и обвиняет в нем всех и вся, до французского языка включительно. «Говоря, что какая-нибудь вещь происходит, что какая-нибудь вещь создается, мы выражаемся не точно, — сообщает нам г. Прудон-философ, — в цивилизации, как и во вселенной, все существует и действует от века... То же самое мы видим и во всей общественной экономике» (т. II, стр. 102.)

Производительная сила противоречий, функционирующих и заставляющих функционировать самого г. Прудона, так велика, что, стремясь объяснить историю, он оказывается вынужденным отрицать ее; стремясь объяснить последовательное появление общественных отношений, он не допускает, чтобы какая-нибудь вещь могла произойти; желая объяснить производство и все его фазы, он не признает возможности производства каких бы то ни было вещей.

Таким образом, для г. Прудона нет более ни истории, ни последовательности идей; а между тем продолжает существовать его книга, та самая книга, которая, по его собственному выражению, есть не что иное, как «история, соответствующая последовательности идей». Г-н Прудон — человек формулы, поэтому мы можем спросить себя, как была найдена та формула, которая помогла ему одним прыжком перепрыгнуть через все эти противоречия?

Чтобы найти ее, он изобрел новый разум, равно отличный как от абсолютного, чистого и девственного разума, так и от обычного разума людей, действовавших в различные исторические эпохи; это — совершенно особенный разум, разум общества-лица, субъекта - человечества, разум, который под пером г. Прудона иногда является также в виде «общественного гения», или в виде «всего общего разума», или, наконец, в виде «человеческого разума». Однако этот обремененный множеством имен разум ежеминутно оказывается индивидуальным разумом г. Прудона со всеми его хорошими и дурными сторонами, с его противоядиями и задачами.

«Человеческий разум не создает истины», таящейся в глубине абсолютного и вечного разума. Он может только открывать ее. Но открытые им до сих пор истины неполны, недостаточны и потому противоречивы. Экономические категории, представляющие собою истины, открытые и разоблаченные человеческим разумом, общественным гением, — также неполны и носят в себе зародыш противоречия. До г. Прудона общественный гений видел лишь в раждебные друг другу элементы и не находил синтетической формулы, хотя и формула, и элементы одновременно таятся в абсолютном разуме. Так как экономические отношения являются лишь земным осуществлением этих недостаточных истин, этих неполных категорий, этих противоречивых понятий, то и они содержат в себе противоречие, и они представляют две стороны: хорошую и дурную.

Найти совершенную истину, полное понятие, синтетическую формулу, разрешающую противоречие, — такова задача, которую должен разрешить гений общества. Вот почему этот гений общества в воображении г. Прудона вынужден был переходить от одной категории к другой, не будучи, однако, до сих пор в состоянии, несмотря на целую батарею своих категорий, вырвать у бога, у вечного разума, искомую синтетическую формулу.

«Сначала общество (гений общества) устанавливает первый факт, выдвигает гипотезу... истинную антиномию, антагонистические следствия которой развиваются в общественной экономии совершенно в таком же порядке, в каком их можно вывести в качестве следствий из чистого разума. Так что промышленное развитие, совершенно совпадая с дедукцией идей, подразделяется на два направления: одно из них соответствует полезным, другое — вредным действиям этого развития... Чтобы гармонически конституировать этот двойственный принцип, чтобы разрешить это противоречие, — общество заставляет его породить новое, второе противоречие, за которым вскоре следует третье и т. д.; так будет существовать гений общества до тех пор, пока, исчерпавши все свои противоречия, — я предполагаю, хотя это не доказано, что свойственные человечеству противоречия имеют конец, — пока, исчерпавши все свои противоречия, он не возвратится одним прыжком ко всем своим прежним поло-

жениям и не разрешит всех своих задач «единой формулой». (Т. I, стр. 185.)

Как прежде антитеза (противоположение) становилась противоядием, так и теперь теза превращается в гипотезу. Но теперь нас уже не удивляет более эта совершаемая г. Прудона перемена терминов. Человеческий разум, который всего менее чист, так как обладает лишь ограниченным кругозором, на каждом шагу наталкивается на новые задачи, требующие решения. Каждое новое положение, каждая новая теза, открытая им в абсолютном разуме и представляющая собою отрицание новой тезы, становится для него синтезом и наивно принимается им за искомое решение задачи. Так выбивается из сил этот разум в вечно новых противоречиях, пока, приближаясь к концу этих противоречий, он не замечает, что все эти тезы и синтезы представляют собою не более как противоречивые гипотезы. В этом затруднении «человеческий разум, гений общества, возвращается одним прыжком ко всем своим прежним положениям и разрешает все свои задачи единой формулой». Заметим мимоходом, что эта единая формула составляет истинное открытие г. Прудона. Она есть ни что иное, как конституированная стоимость.

Гипотезы создаются лишь с какою-нибудь определенной целью. Цель, которую прежде всего ставит себе говорящий устами г. Прудона гений общества, заключается в устранении всех дурных и в удержании всех хороших сторон каждой экономической категории. Для гения общества — добро, высшее благо, истинная практическая цель сводится к равенству. Почему же гений общества предпочитает равенство неравенству, или братству, или католицизму, или какому-либо другому принципу? Потому, что «человечество лишь потому и осуществляло одну за другою столько частных гипотез, что имело в виду одну высшую гипотезу», которая именно и есть равенство. Другими словами — потому, что равенство есть идеал г. Прудона. Он воображает, что разделение труда, кредит, фабрика, словом, все экономические отношения были изобретены лишь для того, чтобы послужить на пользу равенства, и, однако, они постоянно обращались, в конце концов, против этого последнего. Из того, что история на каждом шагу противоречит фикции г. Прудона, он заключает о существовании противоречия. Но если противоречие и суще-

стует, то лишь между его навязчивой идеей и действительным историческим движением.

Отныне хорошою стороною каждого экономического отношения оказывается та, которая ведет к равенству, дурною — та, которая отрицает его и ведет к неравенству. Всякая новая категория есть гипотеза гения общества, имеющая целью устранение неравенства, порожденного предыдущей гипотезой. Словом, равенство есть изначальное намерение, мистическая тенденция, провиденциальная цель, которую гений общества никогда не теряет из виду: вращаясь в кругу экономических противоречий. Поэтому провидение есть локомотив, с помощью которого весь экономический багаж г. Прудона движется гораздо скорее, чем с помощью чистого эфирного разума. Наш автор посвятил провидению целую главу, следующую за главою о налогах.

Провидение, провиденциальная цель — вот великое слово, которое употребляется ныне для объяснения хода истории. В сущности это слово не объясняет ровно ничего. Это есть не более, как риторическая форма, один из многих приемов словесного выражения явлений.

Известно, что благодаря развитию английской промышленности возросла стоимость поземельной собственности в Шотландии. Промышленность открыла новые рынки для сбыта шерсти. Чтобы производить шерсть в больших размерах, нужно было превратить пахотные поля в пастбища. Чтобы совершить это превращение, нужно было концентрировать собственность. Чтобы концентрировать собственность, нужно было уничтожить мелкие наследственные фермы, согнать тысячи фермеров с их родной земли и заменить их несколькими пастухами, пасущими миллионы овец. Оказывается, что шотландская поземельная собственность, путем своих последовательных превращений, привела к вытеснению людей баранами. Поэтому предположим, что провиденциальною целью института шотландской поземельной собственности было изгнание людей баранами, и мы получим провиденциальную историю.

Конечно, стремление к равенству свойственно нашему веку. Но говорить, что все предшествовавшие столетия со всеми их совершенно различными потребностями, средствами производства и т. д. были провиденциально предназначены

для осуществления равенства, говорить это — значит, во-первых, ставить людей и средства нашего века на место людей и средств предшествовавших столетий, а кроме того, это значит игнорировать то историческое движение, посредством которого различные поколения преобразовывали результаты, добытые предшествовавшими им поколениями. Экономисты очень хорошо знают, что та же самая вещь, которая является окончательным продуктом труда одного лица, другому служит лишь сырым материалом для нового производства.

Предположите вместе с г. Прудоном, что гений общества произвел, или, лучше, импровизировал, феодальных сеньюров, имея в виду провиденциальную цель превращения крепостных крестьян в ответственных и равных между собою работников — и вы сделаете произвольную подстановку целей и лиц, вполне достойную того самого провидения, которое создало шотландскую поземельную собственность, чтобы доставить себе случай позлорадствовать при изгнании людей баранами.

Но так как г. Прудон относится к провидению со столь нежным участием, то мы отсылаем его к «Истории политической экономии» г. Вильнева-Баржемона ⁷², который также стремится к провиденциальной цели. Но его целью является уже не равенство, а — католицизм.

Замечание седьмое и последнее

Экономисты употребляют очень странный прием в своих рассуждениях. Для них существует только два рода учреждений; одни — естественные, другие — искусственные. Феодальные учреждения — искусственны, буржуазные — естественны. В этом случае экономисты похожи на теологов, которые также имеют два сорта религий. Всякая чужая религия есть, по их мнению, дело людей, между тем как их собственная религия есть эманация бога. Говоря, что существующие отношения, — т. е. отношения буржуазного производства, — естественны, экономисты хотят этим сказать, что при этих отношениях производство богатства и развитие производительных сил совершаются сообразно законам природы. Поэтому и сами названные отношения

оказываются естественными законами, независимыми от влияния времени. Общество всегда должно находиться под влиянием этих вечных законов. Таким образом, прежде была история, но теперь ее уже нет. История была — потому что были феодальные учреждения и потому что в этих феодальных учреждениях мы находим такие производственные отношения, которые совершенно непохожи на буржуазные, выдаваемые экономистами за естественные и потому вечные.

Феодализм ⁷² также имел своих пролетариев — крепостных, заключавших в себе все зародыши буржуазии. Феодальное производство, в свою очередь, заключало в себе два антагонистических элемента, которые называют также хорошей и дурной стороной феодализма, не замечая при этом, что, в конце концов, дурная сторона всегда берет верх над хорошею. Именно дурная сторона, порождая борьбу, создает историческое движение. Если бы в эпоху господства феодализма экономисты, очарованные рыцарскими добродетелями, гармонией между правами и обязанностями, патриархальной жизнью городов, процветанием домашней промышленности в деревнях, развитием производства, организованного в кооперации, гильдии и цехи ⁷⁴, словом, если бы они, очарованные всем тем, что составляет хорошую сторону феодализма, поставили себе задачей устранить оборотную сторону медали — рабство, привилегии, анархию — к чему могли бы привести их усилия? Все элементы, порождающие борьбу, были бы уничтожены, развитие буржуазии было бы прервано в самом зародыше. Экономисты поставили бы себе нелепую задачу устранить историю.

Когда взяла верх буржуазия, то уже не было более речи ни о хорошей, ни о дурной стороне феодализма. Буржуазия вступила в обладание производительными силами, развитыми ею при господстве феодализма. Но вместе с тем были разбиты все старые экономические формы, все соответствовавшие им гражданские отношения, равно как и политический порядок, служивший официальным выражением старого гражданского общества.

Таким образом, чтобы правильно судить о феодальном производстве, нужно рассматривать его как способ производства, основанный на антагонизме. Нужно показать, как создавалось богатство в этой основанной на антагонизме среде, как параллельно с развитием борьбы классов разви-

вались производительные силы, как один из этих классов, — представлявший собою дурную неудобную сторону общества, — постепенно рос до тех пор, пока не созрели, наконец, материальные условия его освобождения. Но, поступая таким образом, не признаете ли вы, что способы производства, равно как и те отношения, при которых совершается развитие производительных сил, вовсе не составляют вечных законов, а соответствуют известному развитию людей и их производительных сил; не признаете ли вы также, что всякое изменение в области принадлежащих людям производительных сил необходимо ведет за собою изменение в производственных отношениях? Так как необходимо прежде всего сохранить приобретенные производительные силы, — эти плоды цивилизации, — то приходится разбить традиционные формы, в которых они были произведены. Вслед за этим моментом прежний революционный класс становится консервативным.

Буржуазия начинает свое историческое развитие вместе с пролетариатом, который, в свою очередь, есть остаток пролетариата * феодальных времен. В течение своего исторического развития буржуазия необходимо развивает свойственный ей антагонистический характер, который первоначально очень неясен и существует лишь в скрытом состоянии. По мере развития буржуазии, в недрах ее развивается новый пролетариат, современный пролетариат; между пролетариатом и буржуазией завязывается борьба, которая прежде, чем обе стороны ее почувствовали, заметили, оценили, поняли, признали и громко провозгласили, проявляется лишь в частичных и преходящих конфликтах и в разрушительных действиях. С другой стороны, если все члены современной буржуазии имеют один и тот же интерес, поскольку они образуют особый класс, противоречащий другому классу, то в их собственных взаимных отношениях интересы их враждебны и противоположны. Эта противоположность интересов вытекает из экономических условий их буржуазной жизни.

Таким образом, с каждым днем становится все более и более очевидным, что характер тех производственных отно-

*) Маркс, как видно из его пометок на полях, хотел заменить этот термин словами: «трудящегося класса». — Прим. ред.

шений, в пределах которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а вовсе не единообразием и простотою; что при тех же самых отношениях, при которых производится богатство, производится также и нищета; что при тех же самых отношениях, при которых совершается развитие производительных сил, развивается также и сила угнетения; что эти отношения создают буржуазное богатство, т. е. богатство буржуазного класса, лишь при условии постоянного уничтожения богатства отдельных членов этого класса и образования постоянно растущего пролетариата.

Чем более обнаруживается этот антагонистический характер, тем более приходят в разлад с своей собственной теорией научные представители буржуазного производства—экономисты; образуются различные школы.

Есть экономисты фаталисты, которые также индифферентны в своей теории к тому, что они называют неудобствами буржуазного производства, как сами буржуа нечувствительны на практике к страданиям пролетариев, с помощью которых они приобретают свои богатства. Эта фаталистическая школа имеет своих классиков и своих романтиков. Классики — как, например, Адам Смит и Рикардо — являются представителями того периода развития буржуазии, когда она, находясь еще в борьбе с остатками феодального общества, стремилась лишь очистить экономические отношения от этих феодальных пятен, развить производительные силы, придать новый размах промышленности и торговле. Пролетариат, принимающий участие в этой борьбе и поглощенный этой лихорадочной деятельностью, знает в этом периоде только преходящие, случайные бедствия и сам смотрит на них как на таковые. Задача экономистов, вроде Адама Смита и Рикардо, являющихся историками этой эпохи, состоит лишь в том, чтобы уяснить, каким образом приобретается богатство при буржуазных производственных отношениях, формулировать эти отношения в виде законов и категорий и показать, насколько эти законы и категории удобнее для производства богатств, чем законы и категории феодального общества. В их глазах нищета является лишь болезнью, сопровождающею всякое рождение как в природе, так и в промышленности.

Романтики принадлежат нашей эпохе, — эпохе, когда буржуазия стала в прямую противоположность с пролетариатом когда нищета порождается в таком же огромном изобилии, как и богатство. Тогда экономисты разыгрывают из себя разочарованных фаталистов, с высоты своего величия бросающих презрительный взгляд на те машины в человеческом образе, трудом которых создается богатство. Они подражают всем приемам своих предшественников, но индифферентизм, бывший у тех наивностью, у этих становится кокетством.

Затем является гуманитарная школа, принимающая близко к сердцу дурную сторону современных производственных отношений. Для успокоения своей совести она старается по возможности сгладить существующие контрасты; она искренно оплакивает бедствия пролетариев и ожесточенную конкуренцию между буржуа; она советует рабочим быть умеренными, хорошо работать и родить поменьше детей. Она предлагает буржуазии умерить свой производственный пыл. Вся теория этой школы состоит в бесконечных различениях между теорией и практикой, между принципом и его последствиями, между идеей и ее приложением, между содержанием и формой, между сущностью и действительностью, между правом и фактом, между хорошей и дурной стороной.

Филантропическая школа есть усовершенствованная гуманитарная школа. Она отрицает необходимость антагонизма; она хочет всех людей превратить в буржуа, она хочет осуществить теорию, поскольку эта теория отличается от практики и не содержит в себе антагонизма. Само собою разумеется, что не трудно отвлекаться в теории от противоречий, встречаемых в действительности на каждом шагу. Подобная теория представляет собою лишь идеализированную действительность. Таким образом, филантропы хотят сохранить категории, выражающие собою буржуазные отношения, и устранить тот антагонизм, который неотделим от этих категорий, так как составляет их сущность. Филантропам кажется, что они серьезно борются против буржуазной практики, между тем как сами они буржуазны более, чем кто бы то ни было.

Так же точно, как экономисты служат научными представителями буржуазного класса, — социалисты и

коммунисты являются теоретиками пролетариата. Пока пролетариат не настолько еще развит, чтобы конституироваться как класс, пока самая борьба пролетариата с буржуазией не имеет еще, следовательно, политического характера и пока производительные силы еще не до такой степени развились в недрах самой буржуазии, чтобы можно было обнаружить материальные условия, необходимые для освобождения пролетариата и для образования нового общества, — до тех пор эти теоретики являются лишь утопистами, которые, чтобы помочь нуждам угнетенного класса, придумывают системы и стремятся найти возрождающую науку. Но, по мере того, как подвигается вперед история, а вместе с тем и яснее обрисовывается борьба пролетариата, — для них становится излишним искать научную истину в своих собственных головах; им нужно только отдавать себе отчет в том, что совершается на их глазах, и стать выразителями действительных событий. Поскольку они ищут науку и придумывают системы, поскольку они переживают лишь начало борьбы, они видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной разрушительной стороны, той стороны, которая низвергнет старое общество. Но раз замечена эта сторона, наука становится сознательным продуктом исторического движения; она перестает быть доктринерской, она делается революционной!

Возвратимся к г. Прудону.

Каждое экономическое отношение имеет свою хорошую и свою дурную сторону — это единственный пункт, на котором г. Прудон не побивает самого себя жесточайшим образом. Хорошая сторона выставляется, по его мнению, экономистами; дурная — обличается социалистами. У экономистов он заимствует понятие о необходимости вечных экономических отношений; у социалистов — ту иллюзию, в силу которой они видят в нищете только нищету. Он соглашается и с теми, и с другими, причем старается опереться на авторитет науки. Наука же сводится в его представлении к ничтожным размерам научной формулы; он находится в вечной погоне за формулами *. Сообразно с этим, г. Прудон льстит себя

* Слова: «он находится в вечной погоне за формулами» отсутствуют во 2-м французском издании; в немецком переводе они сохранены.— П р и м. р е д.

уверенностью, что он сумел дать критику как политической экономии, так и коммунизма; на самом же деле он стоит ниже их обоих. Ниже экономистов — потому, что он, как философ, обладающий магической формулой, считает себя избавленным от необходимости вдаваться в чисто экономические детали; ниже социалистов — потому, что у него не хватает ни мужества, ни проницательности для того, чтобы подняться выше буржуазного горизонта, хотя бы только в области умозрений...

Он хочет быть синтезом и остается не более, как сложной ошибкой.

Он хочет, как муж науки, витать над буржуа и пролетариями, будучи лишь мелким буржуа, постоянно колеблющимся между трудом и капиталом, между политической экономией и коммунизмом.

II. Разделение труда и машины

Разделением труда открывается, по мнению г. Прудона, серия экономических эволюций

Хорошая сторона разделения труда	}	«В сущности, разделение труда есть способ осуществления равенства положений и умственных способностей» (т. I, стр. 93).
Дурная сторона разделения труда		«Разделение труда сделалось для нас источником бедствий» (т. I, стр. 99).
		Другой вариант
	}	«Труд, разделяясь соответственно своему закону, составляющему важнейшее условие его производительности, приходит, в конце концов, к отрицанию своей цели и сам себя уничтожает» (т. I, стр. 94).
Задача		«Найти новое сочетание, которое устранило бы вредные стороны разделения, сохраняя при этом его полезное действие» (т. I, стр. 97).

Разделение труда есть, по мнению г. Прудона, вечный закон, простая и абстрактная категория. Он должен, сле-

довательно, найти в абстракции, в идее, в слове достаточное объяснение разделения труда в различные эпохи истории. Касты, цехи, мануфактура и крупная промышленность должны быть объяснены одним словом: **р а з д е л е н и е**. Изучите хорошенько смысл слова «делить», и вам уже не нужно будет исследовать те многочисленные влияния, которые в каждую эпоху дают разделению труда его определенный характер.

Конечно, сводить исторические явления к категориям г. Прудона значит слишком уже упрощать их. Ход истории не так категоричен. Целых три столетия понадобились Германии для того, чтобы установить первое крупное разделение труда: отделить город от деревни. По мере того, как видоизменялось одно только это отношение между городом и деревней, видоизменялось и все общество. Обращая внимание лишь на одну упомянутую сторону разделения труда, мы находим, с одной стороны, древние республики, с другой — христианский феодализм; там — старую Англию, с ее землевладельцами-баронами, здесь — современную Англию, с ее хлопчатобумажными баронами (cotton lords). В XIV и XV столетиях, когда не было никаких колоний, когда Америка еще не существовала для Европы, а с Азией сношения велись лишь через Константинополь, когда Средиземное море было центром торговой деятельности, — в то время разделение труда имело совсем иной вид и характер, чем в XVII столетии, когда Испания, Португалия, Голландия, Англия и Франция приобрели колонии во всех частях света. Размер рынка и его особая физиономия придают разделению труда, в различные эпохи, такие характерные черты, такие особенности, вывести которые из одного слова «делить», из идеи, из категории «разделения труда» было бы слишком затруднительно.

«Все экономисты, начиная с Адама Смита, — говорит г. Прудон, — указывали на выгодные и вредные стороны закона разделения труда, но они придавали гораздо большее значение первым, как более соответствующим их оптимизму: при этом ни один из экономистов не задал себе вопроса, что такое в сущности вред, вытекающий из того или другого закона... Каким образом один и тот же принцип, строго проведенный во всех своих последствиях, приводит к диаметрально противоположным результатам? Ни один эконо-

номист ни до, ни после Адама Смита даже не заметил здесь задачи, требующей разрешения. Сэй доходит лишь до признания, что в разделении труда та же причина, которая производит добро, порождает также и зло». (Т. I, стр. 95, 96.)

Адам Смит был дальновиднее, чем думает г. Прудон. Он прекрасно видел, что «в действительности различие природных способностей между индивидуумами гораздо менее значительно, чем нам кажется. Эти столь несходные способности, свойственные, повидимому, людям, занятым в различных профессиях и достигшим зрелого возраста, составляют не столько причину, сколько следствие разделения труда». Первоначальное различие между носильщиком и философом менее значительно, чем между цепной и борзой собакой. Пропасть между ними вырыта разделением труда. Все это не мешает г. Прудону утверждать в другом месте, что Адам Смит не имел ни малейшего понятия о вредном действии разделения труда и что Ж.-Б. Сэй первый признал, «что в разделении труда та же причина, которая производит добро, порождает также и зло».

Но послушаем, что говорит Лемонтэй⁷⁵: *suum cuique*.

«Г-н Ж.-Б. Сэй сделал мне честь, внося в свое прекрасное сочинение по политической экономии принцип, выясненный мною в отрывке о нравственном влиянии разделения труда. Несколько легкомысленное заглавие моей книги было, без сомнения, причиной, помешавшей ему сослаться на меня. Только этим я и могу объяснить молчание писателя, слишком богатого собственными заслугами, чтобы не признать такого маленького заимствования». (L e m o n t e y, *Oeuvres complètes*, t. I, p. 245, Paris 1840.)

Отдадим должное Лемонтэю: он с большим умом изобразил вредные следствия разделения труда в том виде, в каком оно существует в настоящее время, так что г. Прудон не нашел ничего к этому прибавить. Но раз уже, по вине г. Прудона, мы затронули вопрос о приоритете, то скажем мимоходом, что задолго до Лемонтэя, и за 17 лет до Адама Смита, ученика А. Фергюсона⁷⁶, последний ясно изложил этот предмет в главе, специально посвященной разделению труда.

«Можно бы даже усомниться, увеличиваются ли общие способности нации пропорционально прогрессу ее техники. Во многих механических искусствах... цель вполне достигается без всякого участия ума и чувства, и невежество

является матерью промышленности так же, как и суеверий. Размышление и воображение подвержены ошибкам, но привычное движение руки или ноги не зависит ни от того, ни от другого. Таким образом, можно бы сказать, что по отношению к мануфактуре наивысшее совершенство заключается в том, чтобы совершенно отделаться от всякого участия духа, так что мастерскую можно рассматривать как машину, составленную из людей... Генерал может отличаться большим искусством в военном деле, тогда как вся задача солдата сводится к выполнению некоторых движений рук и ног. Первый выиграл, быть может, то, что потерял последний... В том периоде, когда все разделяется, само мышление может превратиться в отдельное ремесло» (А. Фергюсон, *Essai sur l'histoire de la société civile*. Paris 1783).

В заключение нашего литературного обзора, мы положительно отрицаем, будто «все экономисты придавали гораздо большее значение выгодным, чем вредным сторонам разделения труда». Достаточно назвать Сисмонди.

Итак, что касается выгодных сторон разделения труда, то г. Прудону оставалось только перефразировать более или менее напыщенным слогом общие, всем известные фразы.

Посмотрим теперь, каким образом из разделения труда, рассматриваемого как общий закон, как категория, как идея, выводятся связанные с ним вредные следствия. Каким образом эта категория, этот закон приводит к неравному распределению труда во вред уравнительной системе г. Прудона?

«В этот торжественный час разделения труда бурный ветер начинает носиться над человечеством. Прогресс совершается не для всех равным и одинаковым образом... Он начинается с того, что овладевает небольшим числом привилегированных... Это-то лицепрятие прогресса по отношению к личностям и заставляло так долго верить в естественное, провиденциальное неравенство положений, породило касты и создало иерархический строй всех обществ» (Прудон, т. I, стр. 94).

Разделение труда создало касты, а так как касты составляют вредное следствие разделения труда, то отсюда ясно, что разделение труда создало вредные вещи. *Quod erat demonstrandum*. Если мы захотим пойти дальше и спро-

сим, что привело разделение труда к созданию каст, иерархического строя и привилегий, то г. Прудон ответит нам, что привел к этому прогресс. А что вызвало прогресс? Ограничение. Ограничением г. Прудон называет лицепрятие прогресса по отношению к личностям.

За философией следует история. Теперь уже не описательная и не диалектическая история, а — сравнительная. Г-н Прудон проводит параллель между современным и средневековым типографским рабочим, между рабочим гигантских плавильных заводов Крёзо и деревенским кузнецом, между современным писателем и средневековым писателем; он заставляет чашку весов склоняться на сторону тех, которые в большей или меньшей степени служат представителями разделения труда, существовавшего в средние века или доставшегося нам от них по наследству. Он противопоставляет разделение труда одной исторической эпохи разделению труда другой эпохи. Это ли должен был сделать г. Прудон? Нет. Он должен был показать нам вредные стороны разделения труда вообще, разделения труда как категории. Зачем, однако, останавливаться на этой части произведения г. Прудона, когда, как мы увидим дальше, он сам формально отрицает все относящиеся сюда так называемые исследования?

«Первым следствием «раздробленного труда», — продолжает г. Прудон, — после растления души, является удлинение рабочего дня, который растет обратно пропорционально количеству затраченных умственных сил... Но так как длина рабочего дня не может превышать шестнадцати — восемнадцати часов, то с того момента, когда становится невозможным увеличение количества расходуемого времени, начинается уменьшение цены, и падает заработная плата... Несомненно одно, и только это одно нам и необходимо здесь отметить: совесть всех людей признает, что труд мастера не может быть поставлен на одну доску с трудом чернорабочего. Следовательно, понижение цены рабочего дня необходимо, и таким образом рабочий, душа которого была изувечена принижаящим его родом труда, неизбежно должен понести и физические лишения от уменьшения вознаграждения». (Т. I, стр. 97, 98.)

Мы не будем останавливаться на логическом достоинстве этих силлюгизмов, которые Кант назвал бы отводящими в сторону паралогизмами ⁷⁷.

Вот их сущность:

Разделение труда сводит рабочего к принижавшей его функции; этой принижавшей функции соответствует изувеченная душа, а изувечению души соответствует постоянно усиливающееся падение заработной платы. И чтобы доказать, что уменьшенная заработная плата действительно приличествует изувеченной душе, г. Прудон, для успокоения своей совести, утверждает, что такова воля совести всеобщей. Интересно знать, входит ли душа г. Прудона в число составных частей этой всеобщей совести?

Машины являются у г. Прудона «логической антитезой разделения труда»; для подкрепления этой диалектики, он немедленно превращает машины в мастерские.

Для того, чтобы из разделения труда вывести нищету, г. Прудон первоначально предполагал наличие современной мастерской (фабрики); теперь он предполагает созданную разделением труда нищету, чтобы прийти к фабрике и иметь возможность представить ее в качестве диалектического отрицания этой нищеты. Принизив рабочего в нравственном отношении принижавшими функциями, в физическом — недостаточной заработной платой; поставив его в зависимость от мастера, приравняв его труд к труду чернорабочего, г. Прудон сваливает теперь вину на фабрики и машины, которые принижают рабочего путем «подчинения его хозяину» и довершают его падение, заставляя его «спуститься с положения ремесленника до положения чернорабочего». Прекрасная диалектика! И если бы он хоть на этом остановился. Но нет, ему требуется еще новая история разделения труда, на этот раз уже не для извлечения из нее противоречий, а для того, чтобы перестроить фабрику на свой лад. Для достижения этой цели, он вынужден забыть все только что сказанное им о разделении труда.

Труд организуется и разделяется различно, смотря по орудиям, которыми он располагает. Ручная мельница предполагает иное разделение труда, чем паровая. Начать с разделения труда вообще, чтобы дойти до специального орудия производства, до машины, это значит просто проявить полнейшее неуважение к истории.

Машины так же мало составляют экономическую категорию, как и быки, которые тащат плуг. Это производитель-

ные силы — не более. Современная же фабрика, основанная на употреблении машин, есть общественное отношение производства, экономическая категория.

Посмотрим теперь, как происходит дело в блестящем воображении г. Прудона.

«В обществе постоянное введение новых и новых машин является антитезой, обратной формулой труда: это протест промышленного гения против раздробленного и человекоубийственного труда. Что такое, в самом деле, машина? Это особый род соединения различных частей труда, раз'единенных его разделением. Каждую машину можно рассматривать как соединение многих операций... Следовательно, посредством машины совершается восстановление рабочего... Машины, являющиеся в политической экономии противоположностью разделения труда, представляют собою синтез, который в человеческом уме противоположен анализу... Разделение лишь раз'единяло различные части труда, предоставляя каждому предаваться той специальности, к которой он чувствовал наибольшую склонность; фабрика группирует рабочих сообразно отношению каждой части к целому... она вводит в область труда принцип авторитета... Но это еще не все: машина или фабрика, принизив рабочего путем подчинения его хозяину, довершает его унижение, заставляя спуститься с положения ремесленника до состояния чернорабочего... Период машин, нами теперь переживаемый, отличается одной характерной особенностью, а именно наемным трудом. Наемный труд появился позже разделения труда и обмена».

Сделаем г. Прудону одно простое замечание. Раз'единение различных частей труда, предоставляющее каждому возможность отдаваться той специальности, к которой он чувствует наибольшую склонность, это раз'единение, начало которого г. Прудон относит к первым дням мироздания, существует только в современной промышленности, при господстве конкуренции.

Далее г. Прудон дает нам чрезвычайно «интересную генеалогию», показывающую, каким образом фабрика произошла из разделения труда, а наемный труд — из фабрики.

1) Он предполагает человека, который «заметил, что, разделяя производство на его различные части и предоста-

вляя исполнение каждой из этих частей отдельному рабочему», мы увеличиваем производительные силы.

2) Следя за нитью своей идеи, этот человек говорит себе, что, образовавши постоянную группу рабочих, подобранных для предположенной им специальной цели, он достигнет более регулярного производства и т. д.

3) Этот человек делает другим людям предложение с целью заставить их усвоить его идею и последовать за ее нитью.

4) При начале промышленности этот человек уславливается как равный с равными со своими товарищами, которые становятся впоследствии его рабочими.

5) «Понятно, конечно, что это первоначальное равенство должно было быстро исчезнуть ввиду выгодного положения хозяина и зависимости наемного рабочего».

Таков новый образчик описательного и исторического метода г. Прудона.

Рассмотрим теперь с исторической и экономической точки зрения, действительно ли принцип авторитета введен в общество фабрикою и машиной позже принципа разделения труда; произошло ли при этом, с одной стороны, восстановление рабочего, хотя он, с другой стороны, был подчинен авторитету; представляет ли, наконец, машина воссоединение разделенного труда, его синтез, противоположный его анализу?

Общество, как целое, имеет с внутренним устройством фабрики ту общую черту, что и в нем тоже существует свое разделение труда. Если мы возьмем за образец разделение труда на современной фабрике, чтобы применить его затем к целому обществу, то мы найдем, что наилучшим образом организованное для производства богатств общество должно бы иметь лишь одного главного предпринимателя, распределяющего между различными членами общества их работу по заранее составленным правилам. Но в действительности мы видим не то. Тогда как внутри современной фабрики разделение труда в деталях определяется властью предпринимателя, современное общество для распределения своего труда не имеет никаких правил, никакой власти, кроме свободной конкуренции.

В патриархальный период, при существовании каст, при феодальном и корпоративном строе, разделение труда в це-

лом обществе совершалось по определенным правилам. Были ли эти правила установлены волею законодателя? Нет. Рожденные первоначально условиями материального производства, они были возведены в законы лишь гораздо позже. Именно таким образом эти различные формы разделения труда и легли в основу различных общественных организаций. Что же касается разделения труда внутри мастерской, то его развитие, при всех упомянутых общественных формах, было очень незначительно.

Можно даже принять за общее правило, что, чем менее власть участвует в разделении труда внутри общества, тем сильнее развивается разделение труда внутри мастерской и тем сильнее подчиняется оно власти одного лица. Таким образом, по отношению к разделению труда, власть в мастерской и власть в обществе обратно пропорциональны друг другу.

Посмотрим теперь, что представляет собою мастерская, в которой занятия резко разделены, где задача каждого рабочего сводится к очень простой операции и где власть, т. е. капитал, группирует и направляет работы. Как произошла эта мастерская-фабрика? Чтобы ответить на поставленный вопрос, нам следовало бы рассмотреть, как развивалась собственно мануфактурная промышленность⁷⁸. Я говорю о той промышленности, которая не превратилась еще в современную промышленность с ее машинами, но не представляет уже ни средневекового ремесла, ни домашней промышленности. Мы не будем входить в большие подробности, а наметим только несколько главнейших пунктов, из которых будет видно, что не формулами создается история.

Необходимейшим условием образования мануфактурной промышленности было накопление капиталов, облегченное открытием Америки⁷⁹ и ввозом ее драгоценных металлов.

Достаточно доказано, что следствием увеличения средств обмена было, с одной стороны, уменьшение заработной платы и земельной ренты, а с другой — возрастание промышленной прибыли. Иными словами: насколько пали классы земельных собственников и рабочих, феодальные сеньеры и народ, настолько поднялся класс капиталистов — буржуазия.

Были и другие обстоятельства, одновременно содействовавшие развитию мануфактурной промышленности: увеличение количества находящихся в обращении товаров, последо-

вавшее за открытием торговых сношений с Восточною Индией, морским путем, вокруг мыса Доброй Надежды ⁸⁰; затем колониальная система ⁸¹ и развитие морской торговли.

Другим условием, — которому еще не было уделено достаточно внимания в истории мануфактурной промышленности, — было распушение многочисленной свиты феодальных сеньеров, второстепенные члены которой превратились в бродяг, прежде чем поступить в мастерские. Созданию мануфактурной мастерской предшествовало в пятнадцатом и шестнадцатом столетиях почти всеобщее бродяжничество ⁸². Мануфактурная мастерская нашла, кроме того, могущественную поддержку в большом числе крестьян, которые в продолжение целых столетий приливали в города, так как превращение полей в луга и успехи земледелия, уменьшившие количество необходимых для обработки земли рук, постоянно гнали их из деревень.

Расширение рынка, накопление капиталов, перемены в социальном положении классов, целая масса людей, лишенных своих прежних источников дохода, — вот исторические условия образования мануфактуры. Не полюбовные сделки между равными, как думает г. Прудон, собрали людей в мастерские. Мануфактура зародилась даже не в недрах старых корпораций. Во главе новой мастерской стоял купец, а не старый цеховой мастер. Почти всюду между мануфактурой и ремеслом велась ожесточенная борьба.

Накопление и концентрация орудий производства и рабочих предшествовали развитию разделения труда внутри мастерской. Отличительным свойством мануфактуры было скорое соединение многих рабочих и различных процессов труда в одном месте, в одном здании, под командой одного капитала, чем разложение труда на его составные части и приспособление отдельных рабочих к очень простым специальностям.

Полезность мастерской заключалась не столько в разделении труда, в собственном смысле слова, сколько в том обстоятельстве, что производство велось здесь в больших размерах, сберегалось много лишних расходов и пр. В конце шестнадцатого и в начале семнадцатого века голландская мануфактура ⁸³ была еще едва знакома с разделением труда.

Развитие разделения труда предполагает предварительное соединение рабочих в одной мастерской. Ни в шестнадцатом

ни в семнадцатом столетиях мы не встречаем ни одного примера такого значительного разделения различных отраслей одного и того же ремесла, при котором достаточно было бы соединить их в одном месте, чтобы получилась законченная мануфактурная мастерская. Но раз люди и орудия производства соединялись в одном месте, разделение труда, в том виде, в каком оно существовало в цеховых корпорациях, непременно отражалось и воспроизводилось внутри мастерской.

Для г. Прудона, который, если и видит вещи, то видит их навыворот, разделение труда, в смысле Адама Смита, является на свет раньше мастерской, между тем как ею-то и обуславливается его существование.

Машины⁸⁴, в собственном смысле слова, появляются лишь в конце восемнадцатого столетия. Нет ничего нелепее, как видеть в них антитезу разделения труда, синтез, восстанавливающий единство раздробленного труда.

Машина есть соединение орудий труда, а вовсе не комбинация работ для самого рабочего. «Когда каждая отдельная операция приведена разделением труда к употреблению одного простого инструмента, тогда соединение этих инструментов, приводимых в действие одним двигателем, образует машину» (B a b b a g e, Traité sur l'Economie des machines, etc. Paris 1833)⁸⁵. Простые орудия; собрания простых орудий; сложные орудия; приведение в действие сложного орудия одним двигателем — руками человека; приведение этих инструментов в действие силами природы; машина; система машин, имеющая один двигатель; система машин, имеющая автоматический двигатель, — вот ход развития машин.

Концентрация орудий производства и разделение труда так же неотделимы одно от другого, как в области политики неразлучны концентрация государственной власти и разделение частных интересов. Англия, при своей концентрации земель, этих орудий земледельческого труда, имеет также разделение земледельческого труда и применяет машины к обработке земли. Франция же, где орудие земледельческого труда, земля, раздроблена на мелкие участки, не имеет, говоря вообще, ни разделения земледельческого труда, ни приложения машин к земледелию.

По мнению г. Прудона, концентрация орудий труда есть отрицание разделения труда. В действительности мы опять-таки видим противное. По мере концентрации орудий раз-

вивается также разделение труда, и vice versa. Вот почему за каждым крупным механическим изобретением следует усиление разделения труда, а усиление этого разделения ведет, в свою очередь, к новым изобретениям в механике.

Нам не нужно напоминать, что великие успехи в разделении труда начались в Англии после изобретения машин. Так, ткачи и прядильщики были, по большей части, такими же крестьянами, каких мы и до сих пор встречаем в отсталых странах. Изобретение машин dokonчило отделение мануфактурной промышленности от земледельческой. Ткач и прядильщик, соединенные прежде в одной семье, были разделены машиной. Благодаря этой последней, прядильщик может теперь жигь в Англии, в то время как ткач находится в Восточной Индии ⁸⁶. До изобретения машин промышленность страны направлялась, главным образом, на обработку сырых материалов, производимых ее собственной почвой. Так, Англия обрабатывала шерсть, Германия—лен, Франция—шелк и лен, Восточная Индия и Левант—хлопок и т. д. Благодаря применению машин и пара, разделение труда приняло такие размеры, что крупная промышленность, оторванная от национальной почвы, зависит уже единственно от мирового рынка от международного обмена и международного разделения труда. Наконец, машина имеет такое влияние на разделение труда, что, как только в производстве какого-нибудь предмета является возможность частичного применения механически действующих орудий, фабрикация тотчас же разделяется на две независимые одна от другой отрасли.

Нужно ли говорить о провиденциальной и филантропической цели, открытой г. Прудоном в первоначальном изобретении и введении машин?

Когда английская торговля приняла такие размеры, что ручной труд не мог уже удовлетворять существующему на рынках спросу, почувствовалась потребность в машинах. Тогда стали думать о приложении механических знаний, уже вполне разившихся в восемнадцатом веке.

Первые действия мастерской, работавшей при помощи машин, были как нельзя менее филантропичны. Кнутом удерживали там детей за работой; дети сделались предметом барышничества, и о доставке их заключали контракты с сиротскими домами ⁸⁷. Все законы относительно ремесленного обучения рабочих были отменены, так как, употребляя вы-

ражение г. Прудона, не было уже более надобности в синтетических работниках. Наконец, начиная с 1825 г., почти все новые изобретения были результатом конфликтов между рабочими и предпринимателями, которые всеми силами старались обесценить труд работников-специалистов. После каждой сколько-нибудь значительной стачки появляется новая машина. Рабочий же не только не видел в машине своей реабилитации, или своего восстановления, как говорит г. Прудон, но в восемнадцатом веке долго боролся с зарождающимся господством автоматической силы.

«Уайт⁸⁸», — говорит доктор Юр, — гораздо ранее Аркрайта⁸⁹ изобрел прядильные пальцы (ряд снабженных желобками валиков)... Но главная трудность заключалась не столько в изобретении автоматического механизма... Она состояла главным образом в недостатке дисциплины, которая заставила бы людей отказаться при работе от их неправильных привычек, заставила бы их отождествить себя с неизменной правильностью движения большой автоматической машины. Изобретение и проведение на практике кодекса мануфактурной дисциплины, приуроченного к потребностям и быстрой автоматической системы, — было задачей, достойной Геркулеса⁹⁰. И эту-то благородную задачу выполнил Аркрайт».

Итак, благодаря введению машин усилилось разделение труда внутри общества и упростилась задача рабочего внутри мастерской, увеличилась концентрация капитала, а человек стал еще более раздробленным.

Когда у г. Прудона является желание быть экономистом и покинуть на минуту «развитие серии идей в разуме», он черпает свою эрудицию у А. Смита, писавшего в то время, когда автоматическая фабрика только зарождалась. Разница между разделением труда, существовавшим во времена А. Смита, и тем, какое мы видим в современной автоматической фабрике, действительно громадна. Для полного ее понимания достаточно будет процитировать некоторые места из «*Philosophie des manufactures*» доктора Юра⁹¹.

«Когда А. Смит писал свое бессмертное творение об основах политической экономии, система машинной промышленности едва была известна. Разделение труда справедливо казалось ему великим принципом совершенствования мануфактуры. На примере производства булавок он показал, что

рабочий, совершенствуясь от упражнения в одной и той же частности, производит и быстрее, и дешевле. Он видит, что, сообразно этому принципу, в каждой отрасли мануфактуры выполнение некоторых операций, — вроде разрезывания медной проволоки на равные части, — значительно облегчается; другие же операции, — как, например, обделывание и прикреплении булавочных головок, — остаются сравнительно трудными; из этого он заключил, что будет совершенно естественно приспособить к каждой из этих операций рабочего, плата которого будет соответствовать его искусству. Это приспособление и составляет сущность разделения труда. Но то, что могло служить хорошим примером во времена доктора Смита, в настоящее время может лишь ввести публику в заблуждение относительно истинного принципа фабричной промышленности. В самом деле, распределение или, вернее, приспособление работ к различным индивидуальным способностям вовсе не входит в план действий автоматической фабрики; напротив, в каждом процессе, требующем большой ловкости и точности, рука искусного, но часто склонного к разным неправильностям рабочего заменяется особым механизмом, автоматическая работа которого так правильна, что даже ребенок может надзирать за нею.

«Принцип автоматической системы заключается, следовательно, в вытеснении ручного труда машинным и в замене разделения труда между ремесленниками разложением процесса на его составные части. При системе ручного труда заработная плата составляла обыкновенно наиболее дорогой элемент каждого продукта, но при автоматической системе труд искусных ремесленников постепенно вытесняется простым трудом надзора за машинами.

«Такова уже слабость человеческой природы, что чем искуснее рабочий, тем он своевольнее и несговорчивее и тем менее он пригоден поэтому для механической системы, общий ход которой может значительно пострадать от его капризных выходов. Главная задача современного мануфактура заключается, следовательно, в том, чтобы, сочетая свои капиталы с наукой, свести всю задачу рабочих к употреблению в дело одной лишь ловкости и бдительности, — качеств, которые быстро совершенствуются в молодости, если бывают направлены на один тот же предмет.

«При старой системе градаций труда требуется многолетнее обучение, прежде чем глаза и руки рабочего достигнут искусства, необходимого для выполнения некоторых особенно трудных механических операций; но при системе, разлагающей производство на его составные части, которые исполняются автоматической машиной, эти части можно поручить рабочему, одаренному самыми посредственными способностями, подвергнувши его лишь небольшому испытанию; в крайних случаях можно даже переводить его от одной машины к другой по воле директора заведения. Такие перемещения находятся в явном противоречии со старой рутинной, которая, разделяя труд, одному рабочему предоставляла выдвигать головки булавок, другому оттачивать концы, — скучные занятия, однообразие которых отупляло рабочих... Но по принципу уравнения, т. е. при автоматической системе, способности рабочего подвергаются лишь приятному упражнению и прочее... Так как его занятие ограничивается надзором за правильно действующим механизмом, то он может изучить его в очень короткое время; когда же он переносит свои услуги от одной машины к другой, — в его работу вносится разнообразие, которое расширяет его кругозор размышлением об общих комбинациях, вытекающих из его труда и труда его товарищей. Поэтому, при обыкновенных обстоятельствах, система равного распределения работ не может вести к тому подавлению способностей, сужению кругозора и остановке в телесном развитии рабочего, которые, и не без причины, приписывались разделению труда.

«В действительности постоянной целью и стремлением каждого механического усовершенствования является полное устранение нужды в человеческом труде или понижение его цены путем замены мужского труда женским и детским, труда искусных ремесленников — трудом простых поденщиков... Это стремление вместо опытных рабочих употреблять только детей с ясными глазами и гибкими пальцами доказывает, что схоластический догмат разделения труда по различным степеням искусства отброшен, наконец нашими просвещенными промышленниками» (Andrè Ure, Philosophie des manufactures ou Economie industrielle, t. 1, ch. 1).

Разделение труда внутри современного общества характеризуется тем, что оно порождает специальности, спе-

циалистов, а с тем вместе и свойственный им профессиональный идиотизм.

«Мы приходим в величайшее удивление,—говорит Лемонтэй,—видя, что у древних одно и то же лицо являлось часто одновременно замечательным философом, поэтом, оратором, историком, священником, администратором и полководцем. Нас ужасает такое обширное поприще. Каждый отгораживает себе известное пространство и запирается в нем. Я не знаю, увеличивается ли через это раздробление общее поле деятельности, но человек несомненно мельчает».

Разделение труда на автоматической фабрике характеризуется тем, что труд совершенно теряет здесь характер специальности. Но как только прекращается всякое специальное развитие, является потребность в универсальности, чувствуется стремление индивидуума ко всестороннему развитию. Автоматическая фабрика стирает специальности и свойственный им профессиональный идиотизм.

Г-н Прудон, не понявши даже этой, единственной революционной стороны автоматической фабрики, делает шаг назад и предлагает рабочему не ограничиваться одною двенадцатой частью булавки, а делать поочередно все двенадцать частей. Таким образом рабочий достиг бы полного и всестороннего понимания булавки. Вот в чем заключается «синтетический труд» г. Прудона. Без сомнения, шаг вперед и шаг назад вместе составляют тоже синтетическое движение.

В конце концов, г. Прудон не пошел дальше идеала мелкого буржуа. И для осуществления этого идеала он не придумал ничего лучшего, как возвратить нас к состоянию средневекового подмастерья или, самое большее, средневекового мастера. Достаточно сделать в своей жизни лишь одно образцовое произведение, шедевр⁹², один лишь раз почувствовать себя человеком, говорит он в другом месте своей книги. Не есть ли это — и по форме, и по существу — тот самый шедевр, который требовался средневековыми цехами?

III. Конкуренция и монополия

Хорошая сторона
конкуренции

{ «Конкуренция имеет для труда такое же существенное значение, как и разделение... Она необходима для наступления равенства».

Дурная сторона конкуренции	{ «Ее принцип отрицает сам себя. Неизбежно в шире ее следствием является гибель тех, кого она увлекает».
Общее соображение	{ «Как вредные следствия конкуренции, так равно и доставляемые ею выгоды... логически вытекают из ее принципа».
Задача	{ «Найти примиряющий принцип, который должен исходить из закона, стоящего выше самой свободы». <p style="text-align: center;">Другой вариант</p> { «Речь идет, следовательно, вовсе не об уничтожении конкуренции, что так же невозможно, как и уничтожение свободы; все дело в том, чтобы найти равновесие, и я бы охотно сказал даже: найти полицию конкуренции».

Г-н Прудон начинает с защиты вечной необходимости конкуренции против людей, желающих заменить его с о р е в н о в а н и е м *).

«Бесцельного соревнования» не существует. «Предмет каждой страсти всегда аналогичен самой страсти. Женщина является предметом страсти для влюбленного, власть — для честолюбца, золото — для скупца, лавровый венок — для поэта; точно так же и предметом промышленного соревнования необходимо является прибыль. Соревнование есть не что иное, как сама конкуренция».

Конкуренция есть соревнование ради прибыли. Необходимо ли, чтобы промышленное соревнование всегда являлось соревнованием ради прибыли, т. е. конкуренцией? Г-н Прудон доказывает это простым утверждением. Мы уже видели, что утверждать, по его мнению, значит доказывать, так же точно как предполагать — значит отрицать.

Если непосредственным предметом страсти для влюбленного является женщина, то непосредственным предметом промышленного соревнования будет продукт, а не прибыль.

Конкуренция есть торговое, а не промышленное соревнование. В наше время промышленное соревнование существует лишь ввиду торговых целей. Бывают даже такие фазы в экономической жизни современных народов, когда всех охватывает особого рода горячка погони за прибылью без про-

* Т. е. против фурьеристов. — Ф. Э.

изводства. Эта периодически возвращающаяся горячка спекуляции обнаруживает истинный характер конкуренции, которая старается избежать необходимости промышленного соревнования.

Если бы вы сказали ремесленнику четырнадцатого столетия, что привилегии и вся феодальная организация промышленности будут уничтожены и заменены промышленным соревнованием, называемым конкуренцией, он ответил бы вам, что привилегии различных корпораций, цехов и гильдий составляют организованную конкуренцию. То же говорит и г. Прудон, утверждая, что «соревнование есть не что иное, как сама конкуренция».

«Издайте распоряжение, в силу которого с 1 января 1847 года всем и каждому гарантировались бы труд и заработная плата; тотчас же горячее напряжение промышленности сменится сильнейшим застоєм».

Вместо предположения, утверждения и отрицания мы имеем теперь распоряжение, издаваемое г. Прудоном с нарочитой целью доказать необходимость конкуренции, ее вечность как категории и проч.

Если мы вообразим, что для уничтожения конкуренции нужны только распоряжения, то мы никогда от конкуренции не освободимся. Доходить же до предложения уничтожить конкуренцию, сохраняя заработную плату, значит предлагать учредить посредством королевского декрета полнейшую бессмыслицу. Но народы развиваются не по королевским декретам. Прежде, чем прибегать к таким декретам, народы должны изменить сверху донизу все условия своего промышленного и политического существования, а следовательно, и весь свой образ жизни.

Г-н Прудон ответил нам со своей неизменной самоуверенностью, что это — гипотеза «изменения человеческой природы независимо от условий исторического прошлого» и что он имел бы право «устранить нас от спора», не знаем уже в силу какого распоряжения.

Г-н Прудон не знает, что вся история есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы.

«Будем держаться фактов. Французская революция была сделана столько же ради промышленной свободы, сколько и ради политической; и хотя Франция 1789 года не предвидела всех следствий того принципа, осуществления которого тре-

бовала, она — скажем это во всеуслышание — не обманулась, однако, ни в своих желаниях, ни в ожиданиях. Кто попробует отрицать это, тот потеряет в моих глазах всякое право на критику: я никогда не стану спорить с противником, который в принципе допускает произвольную ошибку двадцати пяти миллионов людей... Если бы конкуренция не была принципом общественной экономии, декретом судьбы, погребностью человеческой души, то было бы странно, почему, вместо уничтожения корпораций, цехов и гильдий, не предпочли подумать об их исправлении».

Отсюда следует, что так как французы восемнадцатого столетия уничтожили корпорации, цехи и гильдии, вместо того, чтобы видоизменить их, то французы девятнадцатого столетия должны видоизменить конкуренцию, вместо того чтобы уничтожить ее. Так как конкуренция установилась во Франции восемнадцатого столетия в силу исторических потребностей, то она не должна быть уничтожена во Франции девятнадцатого века ради новых исторических потребностей. Не понимая, что установление конкуренции было тесно связано с действительным развитием людей восемнадцатого столетия, г. Прудон делает из нее потребность человеческой души *in partibus infidelium*. Как определил бы он значение «великого Кольбера»⁹³ для семнадцатого столетия?

После революции наступает современный нам порядок вещей. Г-н Прудон и здесь находит факты, подтверждающие вечную необходимость конкуренции, доказывая, что все те отрасли промышленности, где, как, например, в земледелии, эта категория недостаточно развита, находятся в состоянии упадка и отсталости.

Указание на то, что некоторые отрасли промышленности не доразвились еще до конкуренции, а другие не достигли еще уровня буржуазного производства, — есть простая болтовня, нисколько не доказывающая вечности конкуренции.

Вся логика г. Прудона резюмируется следующим образом: конкуренция есть общественное отношение, в котором мы в настоящее время развиваем наши производительные силы. Этой истине он дает не логическое развитие, а лишь очень напыщенные формы, говоря, что конкуренция есть промышленное соревнование, современный способ быть свободным,

ответственность в труде, конституирование стоимости, условие наступления равенства, принцип общественной экономии, декрет судьбы, потребность человеческой души, наитие вечной справедливости, свобода в разделении, разделение в свободе, экономическая категория.

«Конкуренция и ассоциация опираются друг на друга. Они не только не исключают одна другую, но даже не расходятся между собою. Конкуренция необходимо предполагает общую цель. Следовательно, конкуренция не есть эгоизм, и самое печальное заблуждение социализма заключается в том мнении, что конкуренция разрушает общество».

Конкуренция предполагает общую цель, а это, с одной стороны, доказывает, что конкуренция есть ассоциация, а с другой — что конкуренция не есть эгоизм. А разве эгоизм не предполагает также общей цели? Всякий эгоизм действует в обществе и посредством общества. Он предполагает, следовательно, общество, т. е. общие цели, общие потребности, общие средства производства и проч., и проч. Уж не поэтому ли конкуренция и, ассоциация, о которой говорят социалисты, даже не расходятся между собою?

Социалисты прекрасно знают, что современное общество основано на конкуренции. Каким же образом могли бы они упрекать конкуренцию в разрушении современного общества, которое они сами хотят разрушить? С другой стороны, как могли бы они обвинять конкуренцию в разрушении будущего общества, в котором они видят, наоборот, уничтожение самой конкуренции?

Г-н Прудон говорит далее, что конкуренция есть противоположность монополии и что, следовательно, она не может быть противоположна ассоциации.

Феодализм был с самого начала своего существования противоположен патриархальной монархии; но он не был противоположен конкуренции, еще не существовавшей в то время. Следует ли из этого, что конкуренция не противоположна феодализму?

Обществом, ассоциацией можно назвать всякое общество, как феодальное, так и буржуазное, которое есть ассоциация, основанная на конкуренции. Каким же об-

разом могут явиться социалисты, намеревающиеся уничтожить конкуренцию одним словом: ассоциация? И как это сам г. Прудон может думать, что, называя конкуренцию просто ассоциацией, он тем самым защищает ее от социалистов?

Все, только что сказанное нами, относится к хорошей стороне конкуренции, в том виде, как понимает ее г. Прудон. Перейдем теперь к дурной, т. е. к отрицательной, стороне конкуренции, к ее вредным следствиям, к ее разрушительным, превратным, злым свойствам.

Картина, нарисованная для нас г. Прудоном, заключает в себе нечто крайне мрачное.

Конкуренция порождает нищету, она раздувает гражданскую войну, «изменяет естественные условия земных поясов», перемешивает национальности, вносит смуту в семьи, развращает общественную совесть, «извращает понятие о правосудии, о справедливости», о нравственности, и, что хуже всего, она разрушает честную и свободную торговлю, не давая взамен этого даже синтетической стоимости, постоянной, честной цены. Конкуренция разочаровывает всех, не исключая самих экономистов. Она доходит до самоуничтожения.

После всего худого, сказанного г. Прудоном о конкуренции, не представляется ли она самым разлагающим, самым разрушительным элементом для его принципов и иллюзий, а также для отношений буржуазного общества?

Заметим, что влияние конкуренции на буржуазные отношения становятся все более и более разрушительным по мере того, как она вызывает лихорадочное стремление к созданию новых производительных сил, т. е. материальных условий нового общества. В этом отношении дурная сторона конкуренции могла бы представить и нечто хорошее.

«С точки зрения ее происхождения конкуренция, как положение или экономическая фаза, есть необходимое следствие... теории сокращения издержек производства».

Вероятно, г. Прудон думает, что кровообращение есть результат теории Гарвея⁶⁴.

«Монополия есть неизбежное завершение конкуренции, которая порождает ее непрерывным самоотрицанием. В этом происхождении монополии заключается уже ее оправдание... Монополия составляет естественную противополож-

ность конкуренции... но если конкуренция необходима, то она заключает уже в себе идею монополии, потому что каждая конкурирующая личность как бы восседает на монополии».

Мы радуемся вместе с Прудон, что ему посчастливилось хоть однажды удачно применить свою формулу тезы и антитезы. Всем известно, что современная монополия порождается самою же конкуренцией.

Что же касается содержания, то г. Прудон придерживается поэтических образов. Конкуренция делала «из каждого подразделения труда как бы независимое государство, в котором всякий индивидуум проявлял свою силу и независимость». На монополии «восседает каждая конкурирующая личность». Один оборот стоит другого.

Г-н Прудон говорит только о современной монополии, порожденной конкуренцией. Но всем известно, что конкуренция была порождена феодальной монополией. Следовательно, первоначально конкуренция была противоположностью монополии, а не монополия противоположностью конкуренции. Поэтому современная монополия не есть простая антитеза, а является, наоборот, настоящим синтезом.

Теза: Феодальная монополия, предшествовавшая конкуренции.

А н т и т е з а: Конкуренция.

С и н т е з: Современная монополия, которая, поскольку она предполагает господство конкуренции, представляет собою отрицание феодальной монополии и в то же время, поскольку она является монополией, отрицает конкуренцию.

Таким образом, современная, буржуазная монополия есть монополия синтетическая, отрицание отрицания и единство противоположностей. Она есть монополия в чистом, нормальном, рациональном виде. Г-н Прудон становится в противоречие со своей собственной философией, приписывая буржуазную монополию за монополию в ее первобытном, простом, противоречивом, спазматическом состоянии. Г-н Росси, которого г. Прудон несколько раз цитирует по вопросу о монополии, повидимому, лучше понял синтетический характер буржуазной монополии. В своем «Cours d'économie politique» он делает различие между искусственной и естественной монополией. Феодальные монополии, говорит он.

были искусственны, т. е. произвольны; буржуазные же монополии естественны, т. е. рациональны.

Монополия — хорошая вещь, рассуждает г. Прудон, потому что она представляет экономическую категорию, эманацию «безличного разума человечества». Конкуренция тоже прекрасная вещь, потому что она, в свою очередь, является экономической категорией. Но что не хорошо, так это способ осуществления как монополии, так и конкуренции. А еще хуже то, что монополия и конкуренция пожирают друг друга. Что делать? Стараться найти синтез этих двух вечных идей, вырвать его из недр божества, где он хранится с незапамятных времен.

В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Монополисты конкурируют между собою, конкурирующие становятся монополистами. Если монополисты ограничивают взаимную конкуренцию посредством частичных ассоциаций, то усиливается конкуренция между рабочими; и чем более растет масса пролетариев по отношению к монополистам данной нации, тем разнуданнее становится конкуренция между монополистами различных наций. Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она ведет постоянную конкурентную борьбу.

Чтобы диалектически вывести налоги, которые следуют за монополией, г. Прудон говорит нам о гении общества. Этот гений бесстрашно шествует по зигзагообразному пути, он идет уверенным шагом, без раскаяния и без остановок, и, доходя до монополии, бросает меланхолический взгляд назад и, по глубоком размышлении, облагает налогами все предметы производства, создает целую административную организацию для того, чтобы все должности были отданы пролетариям и оплачивались монополистами.

Что сказать об этом гении, прогуливаемомся натошак, зигзагами? И что сказать о самой прогулке, не имеющей иной цели, как раздавить буржуа налогами, тогда как налоги служат именно средством сохранения за буржуазией положения господствующего класса?

Чтобы дать читателю некоторое понятие о способе обращения г. Прудона с экономическими деталями, достаточно сказать, что, по его мнению, налог на потребление не был установлен в видах равенства, с целью оказать помощь пролетариям.

Налог на потребление достиг полного развития лишь с победой буржуазии. В руках промышленного капитала, — т. е. трезвого и бережливого богатства, которое сохраняется, воспроизводится и увеличивается путем непосредственной эксплуатации труда, — налог на потребление служил средством эксплуатации легкомысленного, веселого и расточительного богатства крупных дворян, занимавшихся одним лишь потреблением. Джемс Стюарт⁹³, в своем сочинении «*Inquiry into the principles of political economy*», опубликованном за десять лет до появления книги Адама Смита, прекрасно изложил эту первоначальную цель налога на потребление.

«В неограниченных монархиях, — говорит он, — государи относятся как бы с некоторого рода завистью к росту богатств и поэтому собирают налоги с тех, кто богатее, — облагают производство. При конституционных же правительствах налоги падают главным образом на тех, кто беднеет, — облагается потребление. Так, монархи налагают подать на промышленность... Поголовная подать, например, и налог на имущество (*taille*) пропорциональны предполагаемому богатству плательщиков. Каждый платит соразмерно той прибыли, которую, по предположению, может получить. При конституционных правительствах налоги взимаются обыкновенно с потребления. Каждый платит соразмерно величине своих расходов».

Что же касается до логической последовательности появления — в разуме г. Прудона — налогов, торгового баланса и кредита, то мы заметим только, что английская буржуазия, достигши при Вильгельме Оранском⁹⁴ политического господства и получивши возможность свободно развивать условия своего существования, сразу создала новую систему налогов, общественный кредит и систему покровительственных пошлин.

Этого обзора совершенно достаточно, чтобы дать читателю верное понятие о глубокомысленных исследованиях г. Прудона по вопросам о полиции или налогах, о торго-

вом балансе, кредите, коммунизме и народонаселении. Мы ручаемся, что ни один критик, как бы ни был он снисходителем, не будет в состоянии серьезно рассматривать относящиеся сюда главы.

IV. Собственность или рента

В каждую историческую эпоху собственность развивалась различно и при совершенно различном складе общественных отношений. Поэтому определить буржуазную собственность — значит сделать не что иное, как описание всех общественных отношений буржуазного производства.

Стремиться определить собственность как независимое отношение, как особую категорию, как абстрактную и вечную идею — значит впасть в метафизическую или юридическую иллюзию.

Хотя г. Прудон и делает вид, будто говорит о собственности вообще, но он рассуждает лишь о земельной собственности и о земельной ренте.

«Происхождение ренты, так же как и собственности, лежит, так сказать, за пределами экономики: оно коренится в психологических и нравственных соображениях, стоящих лишь в очень отдаленной связи с производством богатства». (Т. II, стр. 269.)

Таким образом, г. Прудон признает свою неспособность найти экономическое объяснение возникновения ренты и собственности. Он сознается, что эта неспособность принуждает его прибегать к соображениям психологического и морального свойства, которые, находясь действительно лишь в очень отдаленной связи с производством богатств, тесно связаны, однако, с узкостью его исторического кругозора! Г-н Прудон утверждает, что в происхождении собственности есть нечто мистическое и таинственное. Но приписывать происхождению собственности таинственность, т. е. превращать в тайну отношение самого производства к распределению средств производства, — не значит ли это, говоря языком г. Прудона, отказываться от всяких притязаний на экономическую науку?

Г-н Прудон «ограничивается напоминанием, что в седьмую эпоху экономической эволюции, — в эпоху кредита, — когда действительность была вытеснена фикцией

и человеческой деятельности грозила опасность потеряться в пустоте, явилась необходимость крепче привязать человека к природе, и рента была ценою этого нового контракта». (Т. II, стр. 265.)

«Человек с сорока экю⁹⁷ предчувствовал, очевидно, появление г. Прудона: «Воля ваша, господин создатель: каждый—хозяин в своем мире, но вы никогда не уверите меня, чтобы мир, в котором мы живем, был из стекла». В вашем мире, где кредит был средством «потеряться в пустоте», быть может, и явилась необходимость в поземельной собственности для «прикрепления человека к природе». Но в мире действительного производства, где **ПОЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ** всегда предшествует кредиту, немыслим и *hogor vacui*⁹⁸ г. Прудона.

Каково бы ни было происхождение ренты⁹⁹, но раз она существует, то становится предметом сделки между фермером и земельным собственником. Каков же конечный результат этой сделки, или, другими словами, какова средняя величина ренты? Вот что говорит г. Прудон:

«Теория Рикардо отвечает на этот вопрос. В начале общественной жизни, когда человек, новичок на земле, имел в своем распоряжении огромные леса, когда земли было много, а промышленность только зарождалась, рента должна была равняться нулю. Еще невозделанная тогда земля была полезностью, а не меновой стоимостью, она была общей, но не общественной. Мало-по-малу, вследствие размножения семейств и прогресса земледелия, земля начала приобретать цену. Труд сообщил почве свою стоимость, и отсюда родилась рента. Каждое поле тем более ценилось, чем более плодов приносило оно при равном количестве труда; при этом собственники всегда стремились присвоить себе все количество приносимых землей продуктов, за исключением заработной платы фермера, т. е. за исключением издержек производства. Таким образом, собственность следует за трудом, чтобы отнимать у него все то количество продуктов, которое превосходит действительные издержки производства. В то время как собственник исполняет мистическую обязанность и по отношению к колону является представителем общества, фермер в предначертаниях провидения есть не более как ответственный работник, обязанный давать обществу отчет во всем собранном им сверх следуемой ему по праву заработ-

ной платы... По существу своему и назначению рента является, следовательно, орудием распределяющей справедливости, одним из многих средств, употребляемых экономическим гением для достижения равенства. Это огромный кадастр, совершаемый с противоположных сторон собственниками и фермерами, без возможности столкновения и ради высшей цели. Конечным результатом такого кадастра должно быть уравнение владения землею между земледельцами и промышленниками... Нужна была вся магическая сила собственности, чтобы вырвать у земледельца излишек продукта, на который он не мог не смотреть, как на лично ему принадлежащий, считая себя единственным его творцом. Рента, или лучше сказать поземельная собственность, сокрушила земледельческий эгоизм и породила солидарность, которой не могла бы создать никакая сила, никакой передел земель... В настоящее время, когда моральный результат собственности достигнут, остается произвести распределение ренты».

Весь этот набор громких слов сводится к следующему: Рикардо говорит, что мерило ренты дается излишком цены земледельческих продуктов над издержками производства, включая в эти издержки обычную прибыль и процент на капитал ¹⁰⁰. Г-н Прудон поступает лучше: он заставляет вмешаться в дело собственника, являющегося как *Deus ex machina* ¹⁰¹, чтобы вырвать у колона ¹⁰² весь излишек его продукта над издержками производства. Он пользуется вмешательством собственника, чтобы объяснить собственность, и вмешательством рентьера, чтобы объяснить ренту. Он отвечает на вопрос, повторяя его и прибавляя к нему лишний слог

Заметим еще, что, определяя поземельную ренту различием в плодородии почвы, г. Прудон приписывает ей новое происхождение, так как прежде, чем стали ценить землю по различной степени ее плодородия, она «не имела», по мнению г. Прудона, «менового стоимости, но была общей». А куда же девалась фикция ренты, порожденной необходимостью вернуть к земле человека, который готов был потеряться в бесконечной пустоте?

Освободим теперь учение Рикардо от всех провиденциальных, аллегорических и мистических фраз, в которые так старательно облек его г. Прудон.

Рента, в смысле Рикардо, есть земельная собственность в буржуазизме состоянии, т. е. феодальная собственность, подчиненная условиям буржуазного производства.

Мы видели, что, по учению Рикардо, цена всех предметов определяется, в последнем счете, издержками производства, включая сюда промышленную прибыль; другими словами, она определяется количеством потраченного рабочего времени. В мануфактурной промышленности цена продукта, произведенного наименьшим количеством труда, определяет цену всех остальных товаров того же рода, если только количество наиболее дешевых и наиболее производительных средств производства может быть увеличиваемо до бесконечности, а свободная конкуренция создает рыночную цену, т. е. создает одну общую цену для всех продуктов одного и того же рода.

В земледельческой же промышленности цена всех продуктов одного и того же рода определяется, наоборот, ценою продукта, произведенного наибольшим количеством труда. Во-первых, здесь нельзя, как в мануфактурной промышленности, увеличивать по произволу количество орудий производства одинаковой степени производительности, т. е. земель одинаковой степени плодородия. Затем постепенный рост народонаселения приводит здесь к обработке земель низкого качества или к вложению в прежние участки новых капиталов, являющихся менее производительными по сравнению с прежде вложенными. В том и другом случае тратится большее количество труда для приобретения сравнительно меньшего количества продукта. Так как необходимость в этом излишке труда создана потребностями населения, то продукт земли, потребовавшей более дорогой обработки, непременно находит точно такой же сбыт, как и продукт почвы, обработка которой обходится дешевле. А так как конкуренция нивелирует рыночные цены, то продукты плодородной почвы будут продаваться так же дорого, как и продукты почвы низкого достоинства. Этот-то излишек в цене продуктов, собранных с земли лучшего качества, над издержками их производства и составляет ренту. Если бы всегда имелись под руками земли одинакового плодородия; если бы земледелие было в одних условиях с мануфактурной промышленностью, где всегда есть возможность прибегнуть к менее стоящим и более производительным машинам, или если бы последующие вложения капитала в землю приносили

столько же, как и первые, то цена сельскохозяйственных продуктов определялась бы ценою части их, произведенной при помощи наилучших средств производства, как мы это видели относительно цены мануфактурных продуктов. Но тогда исчезла бы и рента.

Для того, чтобы теория Рикардо в общем была верна, необходимо, чтобы капиталы могли свободно прилагаться к различным отраслям промышленности; чтобы сильно развитая конкуренция между капиталистами привела прибыль к одному уровню; чтобы фермер превратился в обыкновенного промышленного капиталиста, который требует на свой капитал, раз он вкладывает его в землю низкого качества *, прибыль, равную той, которую он мог бы выручить, напр., в хлопчатобумажной промышленности; чтобы обработка земли велась по системе крупной промышленности; чтобы, наконец, сам землевладелец не искал ничего, кроме денежного дохода.

В Ирландии еще не существует ренты, хотя фермерство достигло там крайнего развития¹⁰⁵. Так как рента является избытком не над заработной платой только, но и над промышленной прибылью, то она не может существовать в стране, подобной Ирландии, где доход землевладельца является вычетом из заработной платы.

Следовательно, рента не только не превращает фермера в простого рабочего и не «вырывает у колона избытка продукта, на который он не может не смотреть как на свой собственный», но ставит, наоборот, перед землевладельцем, вместо раба, вместо крепостного, оброчного или наемного рабочего, — промышленного капиталиста. (С тех пор как установился институт ренты, землевладелец получает лишь излишек сверх издержек производства, включая в последние не только заработную плату, но также прибыль на капитал. Следовательно, с установлением ренты именно землевладелец лишился части своих доходов) ** Прошло много

* Во 2-м французском издании слова «низкого качества» исключены; в немецком переводе они сохранены.—Прим. ред.

** Две фразы, заключенные в скобки, отсутствуют во 2-м французском издании. В немецком переводе первая фраза сохранена в измененном виде, вторая же фраза исключена. Под рентою Маркс понимает капиталистическую ренту, являющуюся излишком сверх цены производства, т. е. издержек производства плюс средняя прибыль. Эту капиталистическую ренту, составля-

времени, прежде чем феодальный арендатор был вытеснен промышленным капиталистом. В Германии такое превращение началось лишь в последней трети восемнадцатого столетия, и лишь в Англии эти отношения между промышленным капиталистом и поземельным собственником достигли полного развития ¹⁰⁴.

Пока существовали лишь колонны г. Прудона,—ренты не было. Но раз существует рента, — колоном является уже не фермер, а рабочий становится колоном фермера. Принижение земледельца до роли простого рабочего, поденщика, наемника, работающего на промышленного капиталиста; появление промышленного капиталиста, эксплуатирующего землю на таких же основаниях, как любую фабрику; превращение поземельного собственника из мелкого владетельного принца в обыкновенного ростовщика, — вот различные отношения, выражаемые рентой.

Рента, в смысле Рикардо, есть превращение патриархального земледелия в промышленное приложение промышленного капитала к земле, перенесение городской буржуазии в деревню. Вместо того, чтобы «привязать человека к природе», рента только связала земледелие с конкуренцией. Раз будучи установлена в виде ренты, поземельная собственность сама является уже результатом конкуренции, так как с этих пор она становится в зависимость от рыночной цены сельскохозяйственных продуктов. В качестве ренты поземельная собственность мобилизуется и становится предметом торговли. Рента возможна лишь с того момента, когда развитие городской промышленности и созданная им общественная организация вынуждают землевладельца стремиться к одной лишь торговой прибыли, к одному только денежному доходу от своих сельскохозяйственных продуктов и не позволяют ему видеть в своей поземельной собственности ничего, кроме машины, кующей ему деньги. Рента до такой степени отделила землевладельца от земли, от природы, что он может даже вовсе не знать своих поместий, как это случается в Англии. Что же касается до фермера, до промышленного капиталиста и сельскохозяйственного рабочего, то они не

ющую лишь часть прибавочной стоимости, Маркс противопоставляет докапиталистической, феодальной ренте, поглощавшей весь прибавочный продукт.—Прим. ред.

более привязаны к земле, из которой извлекают доход, чем привязан мануфактурный предприниматель или рабочий к тому хлопку или к той шерсти, которую они обрабатывают: привязанность они чувствуют лишь к цене продуктов, к денежному доходу. Отсюда все иеремиады реакционных партий, всей душой призывающих возврат к феодализму, к доброй патриархальной жизни, к простым нравам и великим добродетелям наших предков. Подчинение земли законам, управляющим другими отраслями промышленности, служит и всегда останется предметом корыстных сожалений. Рента была, можно сказать, той движущей силой, которая увлекла идиллию на путь исторического движения.

Рикардо, предположивши буржуазное производство как необходимое условие существования ренты, переносит, тем не менее, понятие о ренте на поземельную собственность всех времен и народов. Это общее заблуждение всех экономистов, которым отношения буржуазного производства представляются в виде вечных категорий.

От провиденциальной цели ренты — превращения колона в ответственного работника, — г. Прудон переходит к распределению ренты по принципу равенства.

Рента образуется, как мы видели, равенством цен продуктов, собранных с участков земли неравного плодородия, так что гектолитр хлеба, стоивший 10 франков, продается за 20 франков, если издержки производства на земле низшего качества поднимаются до этой суммы.

Пока необходимость принуждает потребителей покупать все сельскохозяйственные продукты, доставленные на рынок, их рыночная цена определяется издержками производства наиболее дорогих продуктов. Следовательно, 10 франков ренты, достающиеся собственнику лучшей земли с каждого проданного его фермером гектолитра, созданы именно этим уравнением цен, вытекающим из конкуренции, а вовсе не из различия в плодородии почвы.

Предположим на время, что цена хлеба определяется количеством труда, необходимого на его производство; тогда гектолитр хлеба, собранный с земли лучшего качества, будет продаваться по 10 фр., между тем как такой же гектолитр, собранный с земли худшего качества, будет стоить 20 фр. Допустивши это, мы увидим, что средняя рыночная цена будет 15 фр., тогда как по закону конкуренции она

достигает 20 фр. Если бы средняя цена равнялась 15 фр., то не могло бы быть ни уравнительного, ни иного распределения ренты, так как не было бы самой ренты. Рента потому только и существует, что гектолитр хлеба, стоящий производителю 10 фр., продается за 20 фр. Г-н Прудон предполагает равенство рыночных цен, при неравных издержках производства, для того, чтобы прийти к равному распределению продукта неравенства.

Мы понимаем, почему экономисты, как Милль¹⁰⁵, Шеролюэ¹⁰⁶, Гильдич¹⁰⁷, и другие, требовали присвоения ренты государством и употребления ее для замены налогов. Это было лишь открытое выражение ненависти промышленного капиталиста к поземельному собственнику, являющемуся в его глазах излишним и бесполезным в общем ходе буржуазного производства.

Но брать по 20 фр. за гектолитр хлеба, чтобы заняться затем распределением лишних 10 фр., взятых с потребителя, — этого действительно совершенно достаточно для того, чтобы гений общества меланхолически шествовал по зигзагообразному пути и разбил себе голову о первый попавшийся выступ.

Рента становится под пером г. Прудона «громadным кадастром, выполняемым с противоположных сторон собственниками и фермерами... ради высшей цели... в виду конечного результата, состоящего в уравнении владения землею между земледельцами и промышленниками».

Только в условиях современного общества тот или иной создаваемый рентой кадастр может иметь какую-нибудь практическую цену.

Но мы уже доказали, что средняя арендная плата, уплачиваемая фермером землевладельцу, является более или менее точным выражением ренты лишь в странах, наиболее развитых в промышленном и товарном отношениях. Да и тут в арендную плату включается процент на капитал, вложенный в землю ее собственником. Положение земельных участков, соседство городов и многие другие обстоятельства влияют также на арендную плату и видоизменяют ренту. Одних этих оснований было бы достаточно, чтобы доказать неточность кадастра, основанного на ренте.

С другой стороны, рента не может служить и постоянным указателем степени плодородия данного участка земли, так

как современное приложение химии беспрестанно меняет природу почвы, а геологические знания начинают именно в настоящее время разрушать всю старую оценку сравнительного плодородия. Лишь около двадцати лет тому назад началась разработка обширных земель в восточных графствах Англии, оставшихся до тех пор необработанными вследствие незнания отношения между черноземом и составом подпочвы.

Таким образом, история не только не дает нам в ренте готового кадастра, но постоянно изменяет и ниспровергает все существующие кадастры.

Наконец, плодородие вовсе не есть такое уж природное качество почвы, как это может показаться: оно тесно связано с современными общественными отношениями. Земля может быть очень плодородна при обработке под хлеб, и, тем не менее, рыночные цены могут заставить земледельца обратить ее в искусственный луг и сделать, таким образом, бесплодной.

Г-н Прудон изобрел свой кадастр, не могущий равняться даже с обыкновенным кадастром, лишь для того, чтобы воплотить в нем провиденциально-уравнительную цель ренты.

«Рента,—продолжает г. Прудон,—есть процент, который платят за никогда не уничтожающийся капитал, т. е. за землю. И так как материальный состав этого капитала не может быть увеличен, но может лишь бесконечно улучшаться по отношению к способам употребления, то отсюда вытекает, что, в то время как, вследствие изобилия капиталов, процент за ссуды (*mutuum*) имеет тенденцию постоянно уменьшаться, — рента стремится к постоянному увеличению, так как в результате промышленного совершенствования являются улучшения в обработке земли... Такова рента по своей сущности». (Т. II, стр. 265.)

На этот раз г. Прудон видит в ренте все признаки процента, с тем лишь отличием, что она является процентом на особого рода капитал. Этот капитал есть земля, капитал вечный, «материальный состав которого не может быть увеличен, но может лишь бесконечно улучшаться по отношению к способам употребления». В прогрессивном ходе цивилизации процент стремится к постоянному понижению, рента же — к повышению. Процент падает в силу изобилия

капиталов, рента повышается вследствие технических усовершенствований, результатом которых являются все лучшие и лучшие способы использования земли.

Такова сущность мнения г. Прудона.

Рассмотрим сперва, насколько можно называть ренту процентом на капитал.

Для самого землевладельца рента есть процент на тот капитал, который заплачен им за землю или мог бы быть выручен при ее продаже. Но, продавая или покупая землю, он продает или покупает только ренту. Цена, которую он платит за приобретение ренты, соразмеряется с общим уровнем процента и не имеет ничего общего с самой природой ренты. Процент на капитал, вложенный в землю, обыкновенно ниже процента на промышленный или торговый капитал. Таким образом, если не отличать от самой ренты процента, приносимого землею ее собственнику, то окажется, что процент с капитала, вложенного в землю, падает еще ниже процента с других капиталов. Но дело идет не о продажной или покупной цене ренты, не об ее денежной стоимости, не о ренте капитализированной, а о ренте самой по себе.

Арендная плата, кроме собственно ренты, может еще заключать в себе процент на капитал, вложенный в землю. В таком случае эту часть арендной платы землевладелец получает не в качестве землевладельца, а в качестве капиталиста. Это, однако, не та рента, в собственном смысле слова, о которой идет речь.

Пока землю не пользуют в качестве средства производства, до тех пор она не представляет собою капитала. Земля-капитал может увеличиваться так же точно, как и другие средства производства. Говоря языком г. Прудона, мы ничего не прибавляем к ее материи, но увеличиваем количество земли, служащей средством производства. Уже одним новым вложением капиталов в землю, служащую средством производства, мы увеличиваем землю-капитал, без всякого увеличения материи, т. е. земного пространства. Под материей земли г. Прудон понимает землю в ее пространственной ограниченности. Что касается до вечности, приписываемой им земле, то мы ничего не имеем против присвоения ей, как материи, этого качества. Но земля-капитал не более вечна, чем всякий другой капитал.

Золото и серебро, приносящие процент, так же прочны и вечны, как земля. Если цена золота и серебра падает, а цена земли растет, то этим она ни в коем случае не обязана своей более или менее вечной природе.

Земля-капитал есть основной капитал, но основной капитал так же изнашивается, как и оборотный. Улучшенные качества почвы требуют воспроизведения и поддержки: они служат лишь известное время, и в этом отношении совершенно подобны всем другим улучшениям, служащим для превращения материи в средство производства. Если бы земля была вечным капиталом, то некоторые страны имели бы совсем иной вид, чем теперь: римская Кампанья, Сицилия и Палестина оставались бы такими же цветущими, какими они были в древности ¹⁰⁸.

Могут даже встретиться случаи, когда капитал-земля исчезает, между тем как внесенные в нее улучшения остаются неприкосновенными.

Во-первых, это случается каждый раз, когда рента, в собственном смысле слова, уничтожается вследствие конкуренции новых, более плодородных земель; во-вторых, улучшения, имевшие свою цену в известную эпоху, теряют ее с того момента, когда развитие агрономии делает их всеобщими.

Представителем капитала-земли является не землевладелец, а фермер; доход, приносимый землею в качестве капитала — это не рента, а процент и предпринимательская прибыль. Есть земли, которые приносят этот процент и прибыль, не принося ренты.

Словом, земля, приносящая процент, есть капитал, но в качестве капитала она не дает ренты и не образует земельной собственности. Рента есть результат общественных отношений, при которых совершается обработка земли. Она не может быть следствием более или менее прочной, более или менее вечной природы земли. Рента обязана своим происхождением не земле, а обществу.

По мнению г. Прудона, «улучшения в обработке земли» — следствие «технических усовершенствований» — составляют причину постоянного возрастания ренты. Эти улучшения, наоборот, причиняют ее периодическое падение.

В чем состоит вообще всякое улучшение, все равно — в земледелии или мануфактуре? В том, что с помощью того

же количества труда производится большее количество продуктов или при меньшем количестве труда производится столько же или даже больше продуктов, чем прежде. Благодаря таким улучшениям фермеру нет надобности употреблять большее количество труда для приобретения сравнительно меньшего продукта. Ему нет надобности переходить к обработке земель низшего качества, и его последовательные вклады капитала в одну и ту же землю остаются одинаково производительными. Таким образом, в противоположность мнению г. Прудона, эти улучшения не только не поднимают ренты, но составляют, наоборот, временное препятствие к ее повышению.

Английские землевладельцы семнадцатого века настолько знали эту истину, что боролись против успехов земледелия, опасаясь уменьшения своих доходов. (Смотри Петти ¹⁰⁹, английского экономиста времен Карла II) ¹¹⁰.

V. Стачки и рабочие коалиции

«Никакое увеличение заработной платы не может вести ни к чему иному, кроме повышения цены хлеба, вина и проч., т. е. к тому же результату, как и недостаток в припасах. Что такое, в самом деле, заработная плата? Это стоимость производства хлеба и проч.; это полная цена всех вещей. Пойдем далее. Заработная плата есть пропорциональность элементов, составляющих богатство и каждый день производительно потребляемых массой рабочих. Поэтому удвоить заработную плату... значило бы выдать каждому производителю часть, превышающую доставленный им продукт, что само в себе заключает противоречие. Если же повышение захватит лишь небольшую часть отраслей промышленности, то оно вызовет всеобщее замешательство в обмене, одним словом дороговизну... Я утверждаю, что за стачками, вызвавшими увеличение заработной платы, не может не последовать всеобщего повышения цен; это так же верно, как дважды два — четыре» (Прудон, т. I, стр. 110 и 111).

Из всех этих положений мы не отрицаем только одного: что дважды два — четыре.

Во-первых, не может быть всеобщего вздорожания. Если цена всех предметов удваивается одновременно

с заработной платой, то от этого не происходит никакого изменения цен, а изменяются лишь выражения.

Во-вторых, общее повышение заработной платы никогда не может привести к более или менее общему вздорожанию товаров. В самом деле, если бы все отрасли промышленности употребляли одинаковое количество рабочих по отношению к своему основному капиталу (к применяемым орудиям труда), всеобщее повышение заработной платы повело бы ко всеобщему понижению прибыли, рыночные же цены товаров не потерпели бы никакого изменения.

Но так как отношение ручного труда к основному капиталу не во всех отраслях промышленности одинаково, то отрасли, употребляющие сравнительно больший основной капитал и меньшее число рабочих, принуждены будут раньше или позже понизить цену своих товаров. В противном случае, если бы цена их товаров не понизилась, то их прибыль поднялась бы выше общего уровня прибылей. Ведь машины не получают заработной платы. Поэтому общее повышение заработной платы было бы менее чувствительно для отраслей промышленности, употребляющих сравнительно с другими большее количество машин и меньшее число рабочих. Но повышение той или другой прибыли над общим уровнем, при постоянном стремлении конкуренции к их уравниванию, может быть только временным. Таким образом, помимо некоторых колебаний, общее повышение заработной платы повело бы не к общему повышению цен, как думает Прудон, а к частичному понижению, т. е. к удешевлению рыночных цен товаров, изготовляемых преимущественно при помощи машин *).

Повышение и понижение прибыли и заработной платы выражают лишь пропорцию, в которой капиталисты и рабочие участвуют в продукте рабочего дня, вовсе не влияя, в большинстве случаев, на цену продукта. Но чтобы «стажки, вызвавшие увеличение заработной платы, вели ко всеобщему увеличению цен и даже к большей дороговизне», —

* Во втором томе «Капитала» мы находим более точную формулировку этого положения: «При всеобщем повышении заработной платы — говорит Маркс (стр. 331) — цена товаров повышается в тех отраслях промышленности, в которых главное значение имеет переменный капитал, и падает в тех отраслях, где главную роль играет капитал постоянный». — П р и м е ч а н и е Г. В. П л е х а н о в а.

это одна из тех идей, которые могут зародиться лишь в мозгу непонятого поэта.

В Англии стачки постоянно служили поводом к изобретению и применению тех или других новых машин. Машины были, можно сказать, оружием капиталистов против возмущений квалифицированных рабочих. Self-acting mule (автоматический прядильный станок), величайшее изобретение новейшей промышленности, прогнал с поля битвы возмущившихся прядильщиков. И если бы коалиции и стачки приводили только к тому, что рабочим были бы противопоставлены механические изобретения, то и тогда они оказывали бы громадное влияние на развитие промышленности.

«Я читаю, — продолжает г. Прудон, — в статье г. Леона Фошэ... за сентябрь 1845 г., что с некоторого времени английские рабочие отвыкают от коалиций (прогресс, с которым их, конечно, можно только поздравить); при этом оказывается, что такое улучшение нравственности рабочих является, главным образом, следствием их экономического образования. Не от фабрикантов зависит заработная плата, воскликнул на митинге в Болтоне один прядильщик. Во время застоя хозяева выполняют, так сказать, только роль кнута в руках необходимости и должны быть им волей или неволей. Регулирующим принципом является отношение между спросом и предложением, а над ним хозяева не властны»... В добрый час, — восклицает г. Прудон, — вот, наконец, прекрасно выдрессированные, образцовые рабочие и проч., и пр. «Этой беды еще только недоставало Англии, но через пролив она не перейдет». (Т. I, стр. 261 и 262.)

Из всех английских городов именно в Болтоне¹¹¹ радикализм наиболее развит. Рабочие Болтона известны за самых ярых революционеров. Во время большой агитации против хлебных законов английские фабриканты не считали возможным бороться с землевладельцами, не выдвигая вперед рабочих. Но так как между рабочими и фабрикантами существует не меньшая противоположность интересов, чем между этими последними и землевладельцами, то фабриканты естественно должны были терпеть поражения на митингах рабочих. Что же делали фабриканты? Они организовывали показательные митинги, состоящие по большей части из мастеров, из небольшого числа преданных им рабочих

и из друзей торговли в собственном смысле этого слова. Когда затем настоящие рабочие пытались проникнуть на эти митинги,—как это было в Болтоне и Манчестере ¹¹²,—чтобы протестовать против таких поддельных демонстраций, им запрещали вход, под тем предлогом, что это были ticket-meetings, т. е. митинги, на которые допускаются лишь лица, снабженные входными билетами. Между тем, афиши на стенах объявляли о публичных митингах. Журналы фабрикантов давали напыщенные и подробные отчеты о речах, произносившихся на этих митингах. Нечего говорить, что все речи принадлежали мастерам. Лондонские газеты перепечатавали их с буквальной точностью. Г-н Прудон имел несчастье принять мастеров за настоящих рабочих и строжайшим образом запретил им переплывать канал.

Если в 1844—1845 годах стало меньше слышно о стачках, так это потому, что 1844—1845 года являются первыми годами процветания английской промышленности с 1837 года. И, тем не менее, ни один из профессиональных союзов ¹¹³ (trades-unions) не был распущен.

Послушаем теперь болтонских мастеров. По их мнению, фабриканты не имеют власти над заработной платой, потому что не от них зависит цена продуктов; а цена продукта не зависит от них потому, что они не имеют власти над мировым рынком. Наши ораторы утверждают, что по этой причине не следует устраивать коалиций с целью вырвать у хозяев увеличение заработной платы. Г-н Прудон, наоборот, запрещает коалиции из опасения, чтобы они не привели к повышению заработной платы, что вызвало бы всеобщую дороговизну. Нам нет надобности указывать, что в одном пункте между мастерами и г. Прудоном существует самое трогательное согласие: и он, и они думают, что повышение заработной платы равносильно повышению цены продуктов.

Но действительно ли досада г. Прудона вызывается опасением дороговизны? Нет. Он сердится на болтонских мастеров просто за то, что они определяют стоимость спросом и предложением и нимало не заботятся о конституированной стоимости, о стоимости, достигшей состояния конституированности, о конституировании стоимости, включая сюда постоянную обменяемость и все остальные пропорциональности отношений и отношения пропорцио-

нальности, с дополнением сверх всего этого еще провидения.

«Стачка рабочих противозаконна; это говорит не только уголовный кодекс, но также и экономическая система и необходимость установленного порядка... Свобода каждого отдельного рабочего располагать своей личностью и своими руками может быть терпима, но общество не может позволить рабочим прибегать, посредством коалиций, к насилию над монополией». (Т. I, стр. 235 и 237.)

Г-н Прудон старается выдать статью уголовного кодекса за всеобщий и необходимый результат отношений буржуазного производства.

В Англии коалиции ¹¹⁴ дозволены актом парламента, и именно современная экономическая система вынудила парламент издать такой закон. Когда в 1825 году, во время министерства Гескиссона ¹¹⁵, парламент должен был изменить законодательство, чтобы привести его в большее соответствие с порядком вещей, созданным свободной конкуренцией, он не мог не отменить и всех законов, запрещавших рабочие коалиции. Чем сильнее развиваются современная промышленность и конкуренция, тем больше является элементов, вызывающих и поддерживающих коалиции, а когда коалиции становятся экономическим фактом, с каждым днем приобретающим все большую и большую устойчивость, то они по необходимости становятся в скором времени фактом законным.

Поэтому соответствующая статья уголовного кодекса доказывает только, что во время Учредительного собрания и при Империи крупная промышленность и конкуренция не были еще достаточно развиты.

Экономисты и социалисты * единогласно осуждают коалиции. Разница заключается лишь в мотивировке приговора.

Экономисты говорят рабочим: «Не составляйте коалиций. Прибегая к ним, вы задерживаете правильный ход промышленности, мешаете фабрикантам удовлетворять заказчиков, вносите замешательство в торговлю и ускоряете введение машин, которые, делая бесполезной часть вашего

* То есть социалисты того времени: фурьеристы во Франции и последователи Оуэна ¹¹⁶ в Англии. — Ф. Э н г е л ь с.

труда, принуждают вас тем самым принимать еще более пониженную заработную плату. К тому же ваши усилия напрасны. Ваша заработная плата всегда будет определяться отношением между спросом на рабочие руки и их предложением; возмущение против вечных законов политической экономии так же смешно, как и опасно».

Социалисты говорят рабочим: «Не соединяйтесь в коалиции, так как, в конце концов, что же вы этим выиграете? Повышение заработной платы? Экономисты докажут вам с полной очевидностью, что, даже в случае успеха, за кратковременным выигрышем нескольких грошей последует новое и уже прочное падение заработной платы. Искусные счетчики высчитают вам, что пройдут целые годы, прежде чем увеличение заработной платы вознаградит вас хотя бы за издержки по организации и поддержке коалиций. Мы же, в качестве социалистов, скажем вам, что, даже помимо этого денежного вопроса, вы и при коалиции останетесь все такими же рабочими, а ваши хозяева останутся хозяевами. Итак, не соединяйтесь в коалиции, не занимайтесь политикой: ведь устраивать коалиции и значит заниматься политикой».

Экономисты хотят, чтобы рабочие оставались в обществе, каким оно сложилось в настоящее время и было записано и пропечатано экономистами в их учебниках.

Социалисты советуют оставить в покое старое общество, чтобы с тем большею легкостью войти в новое, подготовленное ими, социалистами, с такою предусмотрительностью.

Но, вопреки тем и другим, вопреки учебникам и утопиям, коалиции ни на минуту не переставали идти вперед и увеличиваться вместе с развитием и ростом современной промышленности. Можно даже сказать в настоящее время, что степень развития коалиций в данной стране с точностью указывает место, занимаемое ею в иерархии мирового рынка. Англия, где промышленность достигла наивысшей степени развития, имеет также самые обширные и наилучшим образом организованные коалиции.

Английские рабочие не остановились на частичных коалициях, временно возникавших ввиду стачки и исчезающих вместе с нею. Они создали постоянные союзы, trades-

unions, которые служат оплотом рабочих в их борьбе против предпринимателей. В настоящее время все эти местные профессиональные союзы объединены в Национальную ассоциацию профессиональных союзов (National Association of United Trade), насчитывающей до 80 000 членов и имеющей центральный комитет в Лондоне. Устройство стачек, коалиций, trades-unions шло одновременно с политической борьбой рабочих, составляющих в настоящее время, под именем чартистов¹¹⁷, большую политическую партию.

Первые попытки рабочих к объединению между собою всегда принимают форму коалиций.

Крупная промышленность скопляет в одном месте массу не известных друг другу людей. Конкуренция раз'единяет их интересы. Но охрана заработной платы от падения, — этот общий им всем и противоположный хозяйскому интерес, — соединяет рабочих на одной и той же мысли о сопротивлении, о коалиции. Таким образом, коалиция всегда имеет двойную цель: прекратить конкуренцию между рабочими, чтобы быть в состоянии общими силами конкурировать с капиталистом. Если первой целью сопротивления являлось лишь поддержание заработной платы, то потом, по мере объединения самих капиталистов на идее обуздания рабочих, отдельные коалиции этих последних формируются в группы, и, в противовес всегда объединенному капиталу, сохранение союза становится для них даже более необходимым, чем охрана заработной платы от падения. До какой степени это верно, показывает тот факт, что рабочие, к крайнему удивлению английских экономистов, жертвуют значительной частью своей заработной платы в пользу союзов, основанных, по мнению этих экономистов, лишь ради заработной платы. В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все необходимые элементы будущих битв. Дойдя до этой ступени, коалиция принимает политический характер.

Экономические условия превратили сперва массу на-родонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, по отношению к капиталу, масса является уже классом, но сама для себя она еще не

класс. В борьбе, намеченной нами лишь в некоторых ее фазисах, сплоченная масса конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба между классами есть борьба политическая.

В истории буржуазии мы должны различать два фазиса: в первом — она складывалась в класс под господством феодального порядка и абсолютной монархии; во втором, — уже образовавши из себя класс, — она низвергла феодализм и монархию, чтобы из старого общества сделать общество буржуазное. Первый из этих фазисов был длиннее второго и потребовал наибольших усилий. Он тоже начался с частичных коалиций против феодальных сеньеров.

Существует не мало исследований, изображающих различные исторические фазисы, пройденные буржуазией, начиная с городских общин до образования из нее самостоятельного класса.

Но когда приходится дать себе ясный отчет относительно стачек, коалиций и других форм, в которых пролетариат на наших глазах организуется как класс, то одних охватывает самый реальный страх, другие выказывают трансцендентальное презрение.

Существование угнетенного класса составляет жизненное условие каждого общества, основанного на антагонизме классов. Освобождение угнетенного класса необходимо подразумевает, следовательно, создание нового общества. Возможность этого освобождения угнетенного класса является лишь на той ступени развития, когда приобретенные уже производительные силы и существующие общественные отношения не могут более уживаться рядом. Изю всех орудий производства наибольшую производительную силу представляет сам революционный класс. Организация революционных элементов в класс предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества.

Значит ли это, что с падением старого общества наступит господство нового класса, выражающееся в новой политической власти? Нет.

Условие освобождения трудящегося класса есть уничтожение всех классов; так же точно, как условием освобожде-

ния третьего ¹¹⁸, буржуазного, сословия было уничтожение всех сословий*.

Идя по пути своего развития, трудящийся класс заменит старое гражданское общество ассоциацией, исключаяющей как классы с их антагонизмом, так и политическую власть в собственном смысле, так как политическая власть есть именно официальное выражение антагонизма классов в гражданском обществе.

А до тех пор антагонизм между пролетариатом и буржуазией останется классовой борьбой, которая, будучи доведена до высшей степени своего напряжения, является полную революцией. Да и удивительно ли, что общество, основанное на противоположности классов, приходит, как к последней развязке, к грубому противоречию, к физическому столкновению людей?

Не говорите, что социальное движение исключает политическое. Никогда не существовало политического движения, которое не было бы в то же время и социальным.

Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, социальные эволюции перестанут быть политическими революциями. До тех же пор, накануне каждого полного переустройства общества, последним словом социальной науки будет:

«Война или смерть; кровавая борьба или уничтожение. Такова неотразимая постановка вопроса» (Жорж Занд) ¹¹⁹

*) Слово «сословие» употребляется здесь в историческом смысле сословий феодального государства с определенными, ограниченными сословными привилегиями. Буржуазная революция уничтожила сословия вместе с их привилегиями. Буржуазное общество знает только классы. Поэтому тот, кто называет пролетариат «четвертым сословием», впадает в полнейшее противоречие с историей. — Ф. Э.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМО К. МАРКСА П. В. АННЕНКОВУ ¹²⁰

Брюссель, 23 декабря.— Rue d'Orléans, 42, Fbg. Namur.

Дорогой г. Анненков!

Вы уже давно имели бы от меня ответ на Ваше письмо от 1 ноября, если бы мой книгопродавец не задержал до прошлой недели присылку мне книги г. Прудона «Philosophie de la misère». Я пробежал ее в два дня, чтобы иметь возможность тотчас же сообщить Вам свое мнение. Так как я прочел книгу очень бегло, то я не в состоянии останавливаться на деталях, — я могу говорить только об общем впечатлении, произведенном ею на меня. Если бы Вы выразили желание, я мог бы более подробно разобрать ее в следующем письме.

Признаюсь откровенно, что, в общем, я нахожу эту книгу плохой — и очень плохой. Вы сами шутите в своем письме по поводу «уголка немецкой философии», которым г. Прудон щеголяет в этой бесформенной и претенциозной работе, но Вы полагаете, что его экономические построения не были отравлены ядом его философии. Я также далек от того, чтобы приписывать погрешности экономических построений г. Прудона — его философии. Г-н Прудон дает нам ложную критику политической экономии не потому, что он является обладателем смехотворной философии, — он преподносит нам смехотворную философию потому, что совершенно не понял современного общественного строя в его сцеплениях (*dans son engrenement*), употребляя термин, который г. Прудон заимствует у Фурье, как заимствует у него многое другое.

Почему г. Прудон говорит о боге, о всеобщем разуме, о безличном разуме человечества, который никогда не ошибается, который всегда самому себе равен, о котором нужно только составить себе правильное представление, чтобы оказаться обладателем истины? Почему прибегает он к пло-

хо усвоенному гегельянству, чтобы изображать из себя глупого мыслителя?

Он сам дает нам ключ к этой загадке. Г-н Прудон видит в истории известный ряд общественных эволюций; он полагает, что прогресс осуществляется в истории; он считает, наконец, что люди, взятые как индивидуумы, действуют бессознательно, что они не понимают своего собственного развития, т. е. что их общественное развитие кажется на первый взгляд явлением отличным, обособленным, независимым от их индивидуального развития. Он не в состоянии объяснить эти факты — и находит выход в гипотезе о проявляющем себя в истории всеобщем разуме. Нет ничего легче, как придумывать мистические причины, т. е. фразы, лишенные всякого смысла.

Но разве г. Прудон, сознавая, что не понимает исторического развития человечества, — а он сознается в этом, когда прибегает к громким словам «всеобщий разум», «бог» и т. п., — разве тем самым он не признается неизбежно и в том, что он не в состоянии разобраться и в процессе экономического развития?

Что такое общество, какова бы ни была его форма? — Продукт взаимодействия людей. Свободны ли люди в выборе той или другой формы общественного строя? — Ни в малейшей мере. Предположите известную степень развития производительных способностей (facultés) людей — и вы получите определенную форму обмена и потребления. Предположите известную стадию развития производства, обмена, потребления, — и вы получите определенную форму общественного устройства, определенную организацию семьи, сословий или классов, словом — определенную форму гражданского общества. Предположите данную форму гражданского общества, — и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества. Вот чего г. Прудон никогда не поймет, ибо он уверен, что делает великое дело, когда апеллирует от государства к гражданскому обществу, т. е. от официального выражения общества — к самому официальному обществу.

Нет надобности добавлять, что люди отнюдь не могут свободно распоряжаться своими производительными силами, которые являются базисом всей их исто-

рии, ибо всякая производительная сила есть сила уже завоеванная, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительные силы являются результатом действительной энергии людей, но сама эта энергия ограничена условиями, в которые люди поставлены уже завоеванными производительными силами, формой общественного устройства, существовавшей до них, которую они поэтому не создают и которая является продуктом деятельности предшествующего поколения. В силу того простого факта, что каждое последующее поколение получает в свое распоряжение производительные силы, которые завоеваны были предшествующим поколением и которые служат ему как бы сырым материалом для нового производства, — образуется преемственная связь в истории людей, образуется история человечества, которая тем полнее становится историей человечества, чем больше разрастаются производительные силы людей и, следовательно, их общественные отношения. Этим обуславливается необходимое следствие: общественная история людей является всегда, — сознают они это или нет, — лишь историей их индивидуального развития. Их материальные отношения образуют базу всех их отношений. Эти материальные отношения являются лишь необходимой формой, в которой осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность.

Г-н Прудон смешивает идеи и вещи. Люди никогда не отказываются от того, что уже добыли, но это вовсе не означает, что они никогда не отказываются от общественной формы, в которой завоеваны были известные производительные силы. Совсем наоборот. Чтобы не лишиться добытых результатов, чтобы не потерять плодов цивилизации, люди вынуждены, как только способ их общения (*commerce*) между собою перестает соответствовать уже завоеванным производительным силам, изменить все традиционные общественные формы. Я употребляю здесь слово «*commerce*» в самом общем смысле этого слова. в том же, в каком мы на немецком языке употребляем слово «*Verkehr*». Например: привилегии, цеховые и корпоративные учреждения, режим регламентации средних веков были общественными отношениями, которые одни только соответствовали тогда уже завоеванным производительным силам и предшествовавшему общественному строю, породившему эти учреждения. Под

охраной корпоративного режима и режима регламентации накопились капиталы, развилась морская торговля, основаны были колонии, и люди стали бы терять плоды своих усилий, если бы они пожелали сохранить формы, под охраною которых эти плоды созрели. Вот почему и прокатились два громовые удара — революции 1640 и 1688 годов. Все старые экономические формы, общественные отношения, им соответствовавшие, политический строй, бывший официальным выражением старого гражданского общества, были сломлены в Англии.

Таким образом, экономические формы, в рамках которых люди производят, потребляют, совершают обмен, являются переходящими и историческими. С завоеванием новых производительных способностей (*facultés*) люди меняют свой способ производства, а вместе со способом производства они меняют все экономические отношения, которые были лишь необходимыми отношениями этого определенного способа производства.

Этого-то г. Прудон не понял, а еще меньше он это доказал. Г-н Прудон, который не в состоянии вскрывать реальное движение истории, преподносит нам фантазмагорию, претендующую на то, чтобы прослыть фантазмагорией диалектической. Он не чувствует надобности говорить нам о XVII, XVIII или XIX веках, ибо его история протекает в туманной среде фантазии и витает высоко над временем и пространством. Словом, — это гегельянский хлам, это не история вообще, это не светская история, история людей, — а история священная, история идей. С его точки зрения человек — только орудие, которым идея, или вечный разум, пользуются для своего развития. Эволюции, о которых говорит г. Прудон, это — особото рода эволюции, протекающие в мистическом тумане абсолютной идеи. Попробуйте сорвать покров с его мистической фразеологии — и вы увидите, что г. Прудон описывает нам только распорядок, в котором экономические категории расположены внутри его головы. Мне не понадобится много усилий, чтобы Вам доказать, что это распорядок весьма беспорядочной головы.

Г-н Прудон начинает свою книгу диссертацией о стоимости — своем излюбленном коньке (*son dada*). На этот раз я не буду останавливаться на разборе этой диссертации.

Ряд экономических эволюций вечного разума открывается разделением труда. Для г. Прудона разделение труда — совсем простая вещь. Но разве кастовый строй не был известным видом разделения труда? Разве цеховой строй не был другим видом разделения труда? И разве разделение труда в мануфактурный период, который начинается в середине XVII века и заканчивается в Англии в последней части XVIII века, не отличалось радикально от разделения труда при крупной индустрии, индустрии новейшей?

Г-н Прудон так далек от истины, что пренебрегает даже тем, что обычно делают экономисты. В своих рассуждениях о разделении труда он даже не испытывает надобности касаться мирового рынка. А между тем, разве разделение труда в XIV и XV веках, когда еще не было колоний, когда Америка еще не существовала для Европы, когда с восточной Азией сносились лишь через посредство Константинополя, не должно было решительно во всех отношениях отличаться от разделения труда в XVII веке, когда существовали уже обширные колонии?

Но и это еще не все. Разве вся внутренняя организация народов, все их международные отношения являются чем-либо иным, как не выражением известного вида разделения труда? И не должны ли они изменяться вместе с изменением разделения труда?

Г-н Прудон так мало понял вопрос о разделении труда, что он даже не упоминает об отделении города от деревни, — отделение, которое в Германии, например, произошло с IX по XII век. И так как г. Прудон не знает ни происхождения этого отделения, ни хода его развития, то оно должно ему представляться извечно существующим. И на протяжении всей книги он рассуждает так, точно бы этому созданию определенного способа производства предстояло сохраниться на вечные времена. Все, что г. Прудон говорит о разделении труда, есть не больше как резюме, и к тому же весьма поверхностное, весьма неполное резюме того, что до него говорили Адам Смит и тысяча других.

Вторая эволюция — это машины. У г. Прудона внутренняя связь между разделением труда и машинами — совсем мистическая. Каждый вид разделения труда имел специфические орудия производства. Например, с середины XVII до середины XVIII века люди не все делали руками. Они

обладали инструментами, и инструментами очень сложными, как станки, корабли, рычаги и т. д., и т. д.

Поэтому нет ничего смешнее, как объяснять происхождение машин влиянием разделения труда вообще.

Отмечу еще мимоходом, что г. Прудон, так мало понимающий историческое происхождение машин, еще менее понял процесс их развития. Можно сказать, что до 1825 года — времени первого всеобщего кризиса — нужды потребления вообще возрастали быстрее, нежели производство, и что развитие машин властно обуславливалось расширявшимися нуждами рынка. После 1825 года изобретение и применение машин обуславливается лишь войною между хозяевами и рабочими. Это, впрочем, верно только по отношению к одной Англии. Что касается европейских народов, то их вынуждала применять машины конкуренция Англии как на их собственных рынках, так и на мировом рынке. Наконец, в Северной Америке введение машин вызывалось и конкуренцией других народов, и недостатком рабочих рук, т. е. несоответствием между количеством населения и промышленными потребностями Северной Америки. Из этих фактов Вы можете заключить, какую мудрую проницательность обнаруживает г. Прудон, когда он заклинает фантом конкуренции, которую он считает третьей эволюцией, антитезой машин!

Да и вообще, ведь это же поистине нелепость — возводить машину в экономическую категорию на-ряду с разделением труда, конкуренцией, кредитом и т. п.

Машина не в большей мере является экономической категорией, нежели бык, который тащит плуг. Современное применение машин есть одно из отношений нашего современного экономического строя, но способ эксплуатации машин есть нечто совершенно отличное от самих машин. Порох остается тем же порохом, употребляется ли он для того, чтобы нанести рану человеку, или для того, чтобы лечить причиненную ему рану.

Но г. Прудон превосходит самого себя, когда он раздувает в своей голове значение конкуренции, монополии, налога или общественного порядка, торгового баланса, кредита, собственности, выстраивая их в том порядке, в каком я их перечислил. Почти все кредитные учреждения были уже развиты в Англии в начале XVIII столетия, — следо-

вательно, до изобретения машин. Государственный кредит являлся лишь новым способом повышать налоги и покрывать, таким образом, новые потребности, вызывавшиеся приходом буржуазного класса к власти.

Наконец, собственность образует последнюю категорию в системе г. Прудона. В мире реальном, наоборот, разделение труда и все остальные категории г. Прудона суть лишь общественные отношения, образующие в совокупности то, что в настоящее время называется собственностью; вне этих отношений буржуазная собственность является только метафизической или юридической иллюзией. Собственность другой эпохи, феодальная собственность, развивается среди совсем других общественных отношений. Г-н Прудон, выставляя собственность как самостоятельное отношение, совершает нечто худшее, чем простую методологическую ошибку; он ясно показывает, что не уяснил себе связи, объединяющей все формы буржуазного производства, что он не понял исторического и переходящего характера форм производства в определенную эпоху. Г-н Прудон, не видящий в наших общественных учреждениях исторических продуктов, не принимающий ни их происхождения, ни процесса их развития, может подвергать их только догматической критике.

Поэтому-то г. Прудон и вынужден прибегнуть к фикции, чтобы объяснить их развитие. Он воображает, что разделение труда, кредит, машины и т. п. были изобретены к услугам его навязчивой идеи, идеи равенства. Его объяснение поистине чарующе-наивно. Эти вещи изобретены были для равенства, но, к сожалению, они повернулись против равенства. Все его рассуждение сводится к этому. Другими словами, он строит совершенно произвольное предположение, и, так как реальное развитие и его фикция противоречат друг другу на каждом шагу, он из этого заключает, что существует противоречие. Но при этом он скрывает, что противоречие существует лишь между его навязчивыми идеями и реальным движением.

Таким образом, г. Прудон, главным образом, вследствие недостаточности своих исторических познаний, не понял, что люди, развивая свои производительные способности (*facultés*), т. е. живя, создают между собою известные отношения и что формы этих отношений необходимо изме-

няются вместе с изменением и ростом этих производительных способностей. Он не заметил, что экономические категории суть лишь абстракции этих реальных отношений, что они лишь постольку являются истинами, поскольку эти отношения действительно существуют. Таким образом, он впадает в ошибку буржуазных экономистов, которые считают эти экономические категории вечными законами, а не законами историческими, каковые остаются законами лишь для известной стадии исторического развития, для определенной стадии развития производительных сил. Таким же образом, вместо того, чтобы рассматривать эти политико-экономические категории как абстракции реальных, преходящих, исторических общественных отношений, г. Прудон, переверачивая в своем мистическом воображении все построение в обратную сторону, видит в реальных отношениях лишь воплощение этих абстракций. И сами эти абстракции являются формулами, дремавшими в недрах бога-отца с начала сотворения мира.

Но тут добрый г. Прудон впадает в великий интеллектуальный транс. Если все эти экономические категории суть эманации сердца божия, если они — скрытая и вечная жизнь людей, то каким образом получается, во-первых, то, что существует развитие, и, во-вторых, то, что г. Прудон не консерватор? И он объясняет эти явные противоречия целой системой антагонизмов.

Для выяснения этой системы антагонизмов возьмем пример.

Монополия — вещь хорошая, ибо это — экономическая категория, следовательно — эманация бога. Конкуренция тоже хорошая вещь, ибо это также экономическая категория. Но что не хорошо, — это реальность монополии и реальность конкуренции. Что еще хуже, — это, что монополия и конкуренция взаимно друг друга пожирают. Как же нужно тут поступить? Так как обе эти вечные мысли бога друг другу противоречат, г. Прудону представляется очевидным, что у бога имеется и синтез этих двух мыслей, синтез, в котором зло монополии уравновешивается конкуренцией — и обратно. Борьба между обеими идеями приведет к тому, что они будут проявлять только свои хорошие стороны. Поэтому нужно вырвать у бога его скрытую мысль, затем применить ее в жизни — и все пойдет по-

хорошему; нужно путем откровения выявить синтетическую формулу, скрытую во тьме безличного разума человечества. И г. Прудон ни одной минуты не колеблется стать прорицателем.

Но обратите на минуту свой взор на реальную жизнь. В современной экономической жизни вы находите не только конкуренцию и монополию, но и их синтез, который представляет собой не формулу, а движение. Монополия порождает конкуренцию, конкуренция порождает монополию. Однако это уравнение не только не устраняет трудности современного положения, как воображают буржуазные экономисты, но создает положение более трудное и более запутанное. Так, изменяя базис, на котором строятся современные экономические отношения, уничтожая современный способ производства, вы уничтожаете не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их единство, их синтез, — движение, которое действительно уравнивает конкуренцию и монополию.

Теперь я Вам приведу пример диалектики г. Прудона.

Свобода и рабство образуют антагонизм. Мне нет надобности говорить ни о хороших, ни о дурных сторонах свободы. Что касается рабства, то мне не нужно говорить о его дурных сторонах. Единственная вещь, которую надлежит объяснить, это — хорошая сторона рабства. Речь идет не о косвенном рабстве, рабстве пролетария; речь идет о рабстве прямом, рабстве чернокожих в Суринаме, Бразилии, в южных областях Северной Америки.

Прямое рабство является основой современного нашего индустриализма в такой же мере, как машины, кредит и т. п. Без рабства — нет хлопка, без хлопка — нет современной индустрии. Рабство сделало колонии ценными, колонии вызвали мировую торговлю, а мировая торговля является необходимым условием крупной машинной индустрии. Поэтому до установления торговли неграми колонии давали Старому Свету весьма мало продуктов и оказывали очень слабое влияние на общее положение мира. Таким образом, рабство является чрезвычайно важной экономической категорией. Без рабства Северная Америка, самая прогрессивная страна, превратилась бы в страну патриархальную. Вычеркните только Северную Америку из карты народов — и вы получите анархию, полное падение совре-

менной торговли и современной цивилизации. А уничтожить рабство значило бы вычеркнуть Америку из карты народов. И так как рабство есть экономическая категория, то оно именно поэтому встречается с начала мира у всех народов. Современные народы сумели лишь замаскировать рабство у себя самих и открыто импортировать его в Новый Свет. Как же поступит наш добрый г. Прудон после этих размышлений о рабстве? Да он станет искать синтез свободы и рабства, подлинную золотую середину, иначе говоря — равновесие между рабством и свободой.

Г-н Прудон очень хорошо понял, что люди производят сукно, холст, шелковые материи. Велика, подумаете, заслуга понять так мало! Но чего г. Прудон не понял — это, что люди, в меру своих способностей, создают также общественные отношения, в которых они производят сукно и холст. Еще меньше г. Прудон понял то, что люди, которые создают общественные отношения в соответствии с их материальной производительностью, создают также идеи, категории, т. е. абстрактные, идеальные выражения этих самых общественных отношений. Таким образом, категории в такой же малой степени вечны, как и отношения, ими выражаемые. Они являются продуктами историческими и преходящими. Для г. Прудона, наоборот, первопричиной являются абстракции, категории. По его мнению, именно они, а не люди, творят историю. Абстракция, категория, взятая как таковая, т. е. отдельно от людей и их материальной деятельности, конечно бессмертна, несокрушима, бесстрастна; она — существо чистого разума, что означает лишь, что абстракция, взятая как таковая, абстрактна. Великолепная тавтология!

Следовательно, экономические отношения, рассматриваемые в форме категорий, являются для г. Прудона вечными формулами, не имеющими ни начала, ни развития.

Скажем другими словами: г. Прудон не утверждает прямо, что буржуазная жизнь представляется ему вечной истиной, но он это говорит косвенно, обожествляя категории, являющиеся в форме мысли выражением буржуазных отношений. Он принимает продукты буржуазного общества за существа спонтаннейшие, одаренные самостоятельной жизнью, вечные, как только они встают пред ним в виде категорий, в виде мысли. Он, следова-

тельно, не поднимается выше буржуазного горизонта. И так как он оперирует буржуазными идеями, предполагая их вечно истинными, то он ищет синтеза этих идей, их равновесия — и не замечает, что их современный способ уравнивать друг друга есть единственный возможный способ.

В действительности он поступает точно так же, как поступают все добрые буржуа. Все они говорят, что конкуренция, монополия и пр. в принципе, т. е. взятые как абстрактные идеи, представляют собою единственную основу жизни, но что на практике они оставляют желать лучшего. Все они хотя и желают конкуренции без пибельных последствий конкуренции. Все они жаждут невозможного, т. е. условий буржуазной жизни без неизбежных последствий этих условий. Все они одинаково не понимают, что буржуазная форма производства есть форма историческая и преходящая в такой же мере, как была форма феодальная. Эта ошибка происходит из того, что в их глазах человек-буржуа представляет собою единственную возможную основу всякого общества, из того, что они не представляют себе такого строя общества, при котором человек перестал бы быть буржуа.

Поэтому г. Прудон является по необходимости доктринером. Историческое движение, потрясающее современный мир, разрешается для него в проблеме открытия справедливого равновесия, синтеза двух буржуазных идей. Путем тонких и деликатных розысков ловкий малый вскрывает скрытую мысль бога, единство двух обособленных идей, являющихся обособленными только потому, что г. Прудон обособил их от практической жизни, от современного производства, которое представляет собою комбинацию реальностей, выражаемых этими идеями. На место великого исторического движения, зарождающегося на почве конфликта между уже завоеванными производительными силами людей и их общественными отношениями, переставшими соответствовать этим производительным силам; на место ужасающих битв, которые готовятся между различными классами каждой нации и между различными нациями; на место практического и насильственного действия масс, которое одно лишь в состоянии будет разрешить эти коллизии; на место этого обширного, длительного и сложного

движения г. Прудон ставит ребяческое (cacadauphin) движение своей собственной головы. И таким-то образом оказывается, что ученые, люди, способные похитить у бога его интимную мысль, творят историю. А черни народной остается лишь проводить в жизнь их откровения.

Вы понимаете теперь, почему г. Прудон такой решительный противник всякого политического движения. Решение современных проблем заключается для него не в общественной деятельности, а в диалектических крутовращениях его собственной головы. Именно потому, что для него категории являются движущими силами, нет надобности изменять практическую жизнь, чтобы изменить категории. Совсем наоборот. Нужно изменить категории — и следствием этого явится изменение реального общества.

В своем желании примирить противоречия г. Прудон даже не задается вопросом, не необходимо ли уничтожить самую основу этих противоречий. Он совсем напоминает того политического доктринера, который требует короля, палаты депутатов и палаты лордов как интегральных частей общественной жизни, как вечных категорий. Он ищет только новой формулы равновесия между этими органами власти (между тем как равновесие между ними заключается именно в современном движении, когда каждый из этих органов то является победителем над другими, то превращается в поработленного). Точно таким же образом и в XVIII столетии множество посредственных голов занято было отыскиванием формулы, которая установила бы равновесие между общественными сословиями, дворянством, королем, парламентами и т. п., а на следующий день не оказалось уже ни короля, ни парламентов, ни дворянства. Действительным равновесием между этими антагонизмами было ниспровержение всех общественных отношений, служивших основанием для этих феодальных созданий и для антагонизма между ними.

Так как г. Прудон ставит, с одной стороны, вечные идеи, категории чистого разума, а с другой — людей и их практическую жизнь, которая, как он утверждает, является применением этих категорий, то вы с самого начала наталкиваетесь у него на дуализм между жизнью и идеями, между душою и телом, — дуализм, который затем выплывает у него в разных формах. Вы видите теперь, что этот ан-

тагонизм есть лишь неспособность г. Прудона понять земное происхождение и земную историю категорий, им обозначаемых.

Мое письмо слишком растянулось уже, чтобы я мог еще останавливаться на омехотворных нападках г. Прудона на коммунизм. Вы согласитесь со мною пока, что человек, который не понял современного общественного строя, должен еще меньше понимать движение, стремящееся к его низвержению, как и литературные проявления этого революционного движения.

Единственный пункт, в котором я совершенно согласен с г. Прудонам, это — его отвращение к социалистической сентиментальности. Еще раньше него я вызвал много неприязни к себе тем, что высмеивал социализм овекий, сентиментальный, утопический. Но не тешит ли себя г. Прудон странными иллюзиями, когда противопоставляет свою сентиментальность мелкого буржуа, — я хочу сказать: свои декламации о семье, супружеской любви и всяких подобных банальностях, — социалистическому сентиментализму, который у Фурье, например, гораздо более глубок, чем претенциозные плоскости нашего доброго Прудона? Сам он настолько чувствует ничтожество своих аргументов, свою полную неспособность говорить об этих вещах, что, не помня себя, впадает в бешенство, предается восклицаниям, *iraе hominis proби* (гневу благородного человека), брызжет пеной, бранится, обвиняет, вопиет о позоре, о чуме, колотит себя в грудь и бахвалится перед богом и людьми, что не повинен в сих социалистических гнусностях. Он не борется, как критик, с социалистической сентиментальностью или с тем, что он считает сентиментальностью. Точно святой, точно папа, он отлучает бедных грешников и воспекает славу мелкой буржуазии и ее жалких любовных и патриархальных иллюзий домашнего очага. И отнюдь не случайно. Г-н Прудон с головы до ног — философ и экономист мелкой буржуазии. Мелкий буржуа в развитом обществе, в силу самого своего положения, становится, с одной стороны, социалистом, с другой — экономистом, другими словами — он ослеплен великолепием крупной буржуазии и симпатизирует страданиям народа. Он в одну и то же время и буржуа, и народ. В глубине души он чванится тем, что беспристрастен, что нашел истинное равновесие, которое имеет претензию

отличаться от золотой середины. Такой мелкий буржуа обожествляет противоречие, ибо в противоречии вся его сущность. Весь он — живое, действующее общественное противоречие. Он обязан обосновывать теорией то, чем он является на практике. И г. Прудону принадлежит заслуга быть научным истолкователем французской мелкой буржуазии, что является действительной заслугой, ибо мелкая буржуазия будет необходимой участницей всех подготовляющихся социальных революций.

Я желал бы послать Вам вместе с этим письмом и мою книгу о политической экономии, но до сих пор я не имел возможности издать эту работу и критику немецких философов и социалистов, о которой я Вам говорил в Брюсселе. Вы не поверите, на какие препятствия наталкивается в Германии такое издание, во-первых, со стороны полиции, во-вторых, со стороны книгоиздателей, которые сами являются заинтересованными представителями тех начал, на которые я нападаю. А что касается нашей собственной партии, то она не только бедна, но значительная фракция германской коммунистической партии недовольна мною за то, что я борюсь с ее утопиями и декламациями.

Ваш Карл Маркс.

P. S. Вы, пожалуй, спросите меня, почему я Вам пишу на плохом французском языке, вместо того, чтобы писать на хорошем немецком? Это потому, что дело идет о французском писателе.

Премного меня обяжете, не откладывая слишком долго своего ответа, дабы я знал, поняли ли Вы меня под этой оболочкой варварского французского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ И УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

(Составили Е. А. Гурвич и Н. Палатников)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹. П р у д о н, Пьер-Жозеф (1809—1865) — родился в Безансоне в семье крестьянина, работавшего на заводе. Он перепробовал несколько профессий: был наборщиком, одно время даже содержал небольшую типографию, был частным секретарем, приказчиком, пока не стал, наконец, профессиональным писателем. Он не получил систематического образования, знания свои развивал самоучкой. В 1840 г. вышла его известная книга «Что такое собственность?». В 1843—1844 гг. Прудон познакомился с Бакуниным, который стал его последователем, а также с Марксом. Дружба Прудона с Марксом продолжалась недолго. Когда Прудон выпустил свое сочинение «Экономические противоречия или философия нищеты», Маркс выступил с резкой критикой ее, под названием «Нищета философии». Во время революции 1848 г. Прудон был выбран от Парижа в Учр. собр. После 1848 г. Прудон был несколько раз приговорен к тюремному заключению за свои сочинения. Прудон — яркий представитель мелкобуржуазного социализма. В своей первой книге он дает всестороннюю критику понятия о собственности. Он требует равного вознаграждения за любой труд. Но в этой же книге он нападает на социализм и коммунизм. Прудон отрицал не собственность вообще, но лишь собственность крупной буржуазии. Его идеалом был мелкий собственник, не эксплуатирующий чужого труда, но и сам не подвергающийся эксплуатации. Прудон требовал, чтобы работникам был обеспечен продукт их труда, чтобы они могли работать, не подвергаясь эксплуатации, но без экспроприации буржуазной собственности, без насильственной революции, без обобществления производства. Впоследствии он выступил с планом обменного банка, присоединив к этому еще идею дарового кредита. Прудон думал, что если каждый работник будет получать кредит из народного банка, он будет в состоянии приобрести нужные ему орудия производства и сырье и обойтись без капиталиста. Таким образом, социальный вопрос будет разрешен мирным путем. Прудон считал свободную ассоциацию единственной справедливой и возможной формой общества. Все его планы были приспособлены к обществу мелких производителей, ремесленников и крестьян. В области политической Прудон относился отрицательно к государству и государственной власти и называл себя анархистом.

². «С о ц и а л - д е м о к р а т», — орган основанного 23 мая 1863 г. Лассалем всеобщего германского рабочего союза, начал

выходить в Берлине в декабре 1864 г. Редакторами его были Гофштетен и Швейцер. Среди сотрудников числились также Маркс и Энгельс. Когда в 1865 г. умер Прудон, Маркс по просьбе редакции «Социал-демократа» написал статью о Прудоне (приложена в настоящем издании). Но вскоре после этого Маркс и Энгельс публично отказались от сотрудничества в журнале по принципиальным соображениям, находя недопустимым заигрывание Швейцера с Бисмарком и прусским правительством.

³. Швейцер, Жан-Баптист (1833—1875) — политический деятель и литератор. Под влиянием Лассалья Ш. примкнул к рабочему движению. Был в 1867 г. избран президентом Всеобщего германского рабочего союза и на этом посту проявил склонность к заигрыванию с прусским правительством, в котором видел возможного союзника рабочего класса в борьбе с буржуазией. Впоследствии Ш. отошел от политической деятельности и посвятил себя литературе. Написал несколько романов и драм.

Большой популярностью пользовался переведенный и на русский язык роман «Люцинда, или капитал и труд».

⁴. Родбертус, Карл (1805—1875) — видный немецкий экономист, либеральный буржуазный деятель в период революции 1848 г., впоследствии националист и консерватор. В своих произведениях (из них главные: «Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen Zustände», 1842 г., и «Социальные письма к Кирхману») Р. дал глубокий анализ капиталистического хозяйства и обоснование государственного социализма. Р. полагал, что устранение социального неравенства должно происходить без насильственных переворотов, путем государственных преобразований. По своим теоретическим взглядам Р. был последователем Рикардо. Исходя из теории трудовой стоимости, Р. дал теорию прибавочной стоимости. Благодаря этому Р. может быть признан предшественником научного социализма, хотя в своих планах преобразования общества разделял идеи утопических социалистов.

⁵. Вейтлинг, Вильгельм (1808—1871) — немецкий коммунист. По профессии был портным и в качестве подмастерья отправился странствовать по Европе. В середине 30-х годов в Париже примкнул к коммунистам и стал изучать произведения великих французских утопистов. В 1838 г. написал памфлет «Человечество, как оно есть и каким должно быть», который тайно был напечатан и распространен среди немецких ремесленников. В некоторое время жил в Швейцарии, где выпустил свое «Евангелие бедного грешника», после чего был арестован. В 1848 г. основал в Берлине социалистическое издание «Избиратель», но уже в ноябре этого года был выслан из Пруссии и в 1849 г. окончательно переселился в Америку. Из других его сочинений надо еще упомянуть «Гарантии гармонии и свободы». Вейтлинг был сторонником насильственного социального переворота и был убежден, что он может быть произведен немедленно. Но он не считал насильственный революционный путь единственным

способом переустройства общества. Иногда ему казалось, что для этого достаточно нравственного просвещения рабочих масс. Вейтлинг не интересовался политическими вопросами, отвлекающими, по его мнению, трудящиеся массы от социалистического переустройства общества.

6. Рикардо, Давид (1772—1823) — величайший экономист начала XIX века. Его книга «Начала политической экономии», вышедшая в 1817 г., знаменует собою высшее развитие классической школы. Рикардо устранил противоречия в теории трудовой стоимости Смита и дал лучшую для своего времени формулировку теории стоимости и ренты. В своем учении о стоимости Рикардо развивал то положение, что в капиталистическом хозяйстве стоимость производимых продуктов определяется количеством труда, затрачиваемого на их производство. По сравнению с противоречивым учением Смита, по мнению которого закон стоимости не действует в капиталистическом хозяйстве, это был огромный шаг вперед. Но Рикардо не мог объяснить причины возникновения прибавочной стоимости, цен производства и равной нормы прибыли. Этого не могли сделать и его сторонники Джеймс Милль, Мак-Келлок и др. С 1830-х годов начался распад «рикардианской» школы. Буржуазные экономисты начали критиковать теорию трудовой стоимости Рикардо. Но, с другой стороны, эту теорию восприняли многие утопические социалисты, которые делали из нее революционные выводы о праве рабочего на полный продукт его труда. Дальнейшее развитие теория трудовой стоимости получила в системе Маркса.

Рикардо имеет также огромные заслуги в разработке теории ренты. Он первый дал научно-разработанную теорию дифференциальной ренты. Впоследствии Родбертус и Маркс исправили теорию ренты Рикардо и дополнили ее учением об абсолютной ренте.

7. Гопкинс, Томас — английский экономист послерикардовского периода, писавший по вопросу о распределении доходов. Повидимому, Маркс имеет в виду сочинение Гопкинса «Economic inquiries relative to the laws, which regulate rent, profit, wages and the value of money» (London, 1822). См. предисловие Ф. Энгельса ко 2-му немецкому изданию «Нищеты философии» и наше примечание к нему.

8. Томпсон, Вильям (1785—1833) — первая книга которого «Исследование о принципах распределения, наиболее способствующих человеческому счастью» вышла в 1824 г., один из наиболее ярких представителей послерикардовского социализма в Англии. Главную своей целью Т. ставил открытие и обоснование нового справедливого распределения продуктов. Исходя из теории трудовой стоимости Рикардо, Т. более последовательно развил учение о том, что труд рабочего создает прибавочную стоимость (additional value), которая присваивается капиталистом в виде прибыли.

⁹. Э д м о н д с — английский экономист послерикардовского периода, критиковавший капиталистический строй. Сочинение его «Practical, Moral and Political Economy» вышло в 1828 г. Особенно следует отметить пропеленное Эдмондсом резкое различие между трудовыми и нетрудовыми доходами.

¹⁰. Б р э й, Д. Ф. — жил в первой половине XIX столетия, был последователем Р. Оуэна. Подобно Томпсону делал социалистические выводы из теории стоимости Рикардо. В своем замечательном произведении «Бедствия рабочего класса и средства их исцеления» (1839) он доказывает, что все несправедливости вытекают из системы частной собственности, и поэтому необходимо полное ниспровержение существующего строя. Все люди должны работать и получать полный продукт своего труда.

¹¹. Г р е й, Джон (1798—1850) — экономист послерикардовского периода, критик капиталистического строя, автор проектов преобразования общества на началах новой организации обмена. В 1825 г. Г. выпустил брошюру «Заметки о человеческом счастье» в оуэновском духе. В ней Г. математически доказывает, что производительный, т. е. рабочий, класс получает только одну пятую часть продуктов своего труда, остальные же $\frac{4}{5}$ идут в карманы непроизводительного класса. В 1831 г. вышла его книга «Социальная система», в которой изложен следующий проект организации обмена на новых началах. Производство и распределение должны сохранить свой частный, индивидуалистический характер. Только готовые уже продукты должны обмениваться через посредство центральных кооперативных учреждений. Для этой цели устраивается Национальный банк, пользующийся исключительным правом выпускать бумажные деньги (приемные расписки). Кроме того, устраиваются товарные склады. Производители сдают свои изделия на склады, где они оцениваются. На сумму сданных ими товаров производители получают бумажные деньги (приемные расписки), на которые могут получить другие необходимые им хозяйственные блага. Таким образом количество обращающихся бумажных денег всегда соответствовало бы наличному запасу товаров, и производители всегда имели бы возможность обменивать свои товары на нужные и желательные им равноценные товары, не страдая от недостатка сбыта и не попадая в кабалу к крупным капиталистам.

Утопическая идея планомерной организации обмена, при сохранении неорганизованного частного производства, пользовалась в первой половине XIX столетия значительным успехом и повела к устройству целого ряда меновых банков. Попытки эти в большинстве случаев кончались быстрым банкротством банков (см. ниже примечания №№ 56 и 57).

¹². В а г н е р, Адольф (1835—1917) — немецкий экономист. Был одним из видных представителей катедер-социалистов. В. стоял во главе направления, именуемого «государственным социализмом», хотя направление это было очень далеко от социализма, а диктуемые им практические мероприятия ставили себе пря-

мой задачей борьбу с распространением социалистических идей среди рабочего класса. В 1881 г. вступил в христианско-социальную (антисемитскую) партию. Важнейшие его работы относятся к вопросам экономической политики (банковое дело, денежное обращение, кредит, железные дороги и пр.) и финансов. Кроме того, редактировал письма Лассалья к Родбертусу, а также литературное наследство Родбертуса, почитателем которого он был.

¹³. Термины «рабочая сила» и «труд» имеют в «Капитале» различный смысл. Рабочая сила — это способность рабочего к труду, продающаяся на рынке в качестве товара. Как товар рабочая сила имеет свою потребительную и меновую стоимость. Труд — это самый процесс потребления рабочей силы. Как процесс труд только создает стоимость, но сам стоимости не имеет. Разграничение этих двух понятий, впервые проведенное Марксом в «Капитале», имеет большое значение для марксовской экономической системы, так как на этом разграничении Маркс построил свою теорию прибавочной стоимости. В «Нищете философии» Маркс по примеру калссиков, употребляя еще термин «труд» там, где следовало бы говорить о «рабочей силе» (напр., он говорит о «покупке труда» и т. п.).

¹⁴. Годскин, Томас (1787—1869) — экономист послерикардского периода, критик капиталистического строя. Исходя из теории трудовой стоимости Рикардо, Г. содействовал разработке теории прибавочной стоимости. Его главные сочинения были написаны в период 1825—1832 г. Общественные идеалы Годскина сводились к замене капиталистического строя патриархальным хозяйством ремесленников и крестьян.

¹⁵. Менгер, Антон (1841—1906) — известный австрийский профессор права. В своих произведениях он уделил много внимания истории социалистических теорий. По своим социальным воззрениям — буржуазный радикал.

¹⁶. Сен-Симон, Анри (1760—1825) — один из наиболее замечательных представителей утопического социализма. Жизнь С. была полна приключений. Он участвовал в борьбе американских колоний за независимость. Во время Великой французской революции вернулся во Францию, но непосредственного участия в революции не принимал, ограничившись только отказом от графского титула. Основной целью С. было осуществление такого строя, при котором страдания низших классов были бы невозможны. В «Новом христианстве» цель общества излагается им как возможно быстрое улучшение участи наиболее бедного класса. С. не оставил законченного изложения своих взглядов. Об этом позаботились его ученики, в особенности Базар и Анфантэн. С. рисует картину преобразованного общества, во главе которого должны стоять знание и труд. Два класса должны руководить обществом: ученые — представители теоретической индустрии, и промышленники — представители практической индустрии. К индустриальному классу он причисляет не только промышлен-

ников, но и представителей труда (физического и умственного). До сих пор в истории человечества господствовала эксплуатация человека человеком. В будущем должна господствовать всеобщая ассоциация; каждому по его способности, каждой способности по ее делам. В будущем обществе человек не эксплуатирует человека, но люди, соединившись вместе, эксплуатируют природу. Верховным собственником при новом строе явится государственная власть. При помощи единого правительственного банка она будет приводить в соответствие производство с потреблением. Важнейшими произведениями С.-Симона считаются: «Введение в научные труды XIX в.», «Промышленность», «Промышленная система», «Катехизис промышленников», «Письма женевского обитателя к своим современникам», «Новое христианство», «Парабола».

¹⁷. Ф у р ь е, Шарль (1772—1837) — знаменитый представитель утопического социализма, был сыном купца. Согласно желанию отца он должен был заняться торговлей и поступил в приказчики. Но торговля всю жизнь вызывала в нем только отвращение. В 1808 г. он написал свое первое большое сочинение «Теория четырех движений», в котором в основных чертах изложена его теория социализма. Ф. дал блестящую критику капиталистического строя и яркую картину будущего общества, основанного на гармонии всех человеческих стремлений и интересов. В капитализме Ф. возмущался главным образом его бессмысленностью, расточением сил и средств, вызываемым существованием отдельных частных хозяйств и их взаимной конкуренцией. Устранить бедствия капитализма можно только путем организации коллективистического хозяйства. С этой целью известное число людей (1500—2000) соединяются в союз или ассоциацию, «фалангу» (общество где они живут, Ф. назвал «фаланстером»). Туда входят люди самых различных профессий, способностей и наклонностей, соединенные между собой по однородным группам. Чтобы привлечь в свой фаланстер капиталистов и талантливых людей, Ф. предлагает им особые премии за капитал, искусство или талант. Фаланга является единым хозяйством, и в ней отсутствует эксплуатация человека человеком; отсутствует также заработная плата, как напоминание о системе наемного рабства. Все продукты, назначенные для потребления фаланги, делятся между секциями (союзы групп) и группами, причем на долю труда приходится $\frac{6}{12}$ всего продукта, на долю капитала $\frac{4}{12}$ и на долю таланта — $\frac{2}{12}$. Экономическая деятельность фаланги должна вестись в крупном масштабе и быть направлена главным образом на сельское хозяйство.

¹⁸. Ф е й е р б а х, Людвиг (1804—1872) — известный немецкий философ, вышедший из гегельянской школы, материалист. Ф. считал что мышление определяется чувственным созерцанием. причем объектом чувств является то, что существует вне нас и независимо от нас, а с другой стороны, существует только то, что может быть объектом чувств. Исходя из этих воззрений, Ф. приходит к убеждению, что объектами религиозных представле-

ний являются призраки. Не бог создал человек по образу и подобию своему, а человек бога. Происхождение религии определяется известными историческими и психологическими условиями, а ее разгадка таится в антропологии и физиологии человека. Таким образом Ф. приходит к атеизму. Философские идеи Фейербаха послужили переходной ступенью от классического немецкого идеализма к диалектическому материализму.

¹⁹. Гегель, Георг-Фридрих (1770—1831) — знаменитый философ, виднейший представитель классического немецкого идеализма. Философская система Гегеля покоится на признании «абсолютного духа», являющегося сущностью всего существующего. В своем бесконечном развитии «абсолютный дух» проходит различные ступени, каждая из которых представляет собою то или другое логическое, естественное или общественное явление. Ступенями развития «абсолютного духа» являются между прочим и государство, и религия, и философия. Идеалистическая система Гегеля тесно связана с его диалектическим методом, по которому развитие форм бытия совпадает с развитием форм мышления. Влияние Гегеля было особенно сильно до 40-х годов прошлого века, когда началось разложение гегельянской школы. Ортодоксальные гегельянцы оставались на христианско-мистической позиции, тогда как левые гегельянцы критиковали богословскую концепцию христианства и переходили к атеизму, хотя не могли освободиться от идеализма. Материалистическая критика христианства была дана Фейербахом. Диалектический метод мышления, который у Гегеля носил еще идеалистический характер, был впоследствии воспринят и исправлен Марксом, творцом теории диалектического материализма. По Марксу диалектика присуща не только мышлению, но прежде всего бытию, т. е. природе и обществу. Гегелевская идеалистическая диалектика понятий становится у Маркса материалистической диалектикой бытия. Этим самым диалектика Гегеля, по выражению Маркса, поставлена на ноги и приняла единственно научную форму.

²⁰. Мальтус, Томас-Роберт (1766—1834) — известный английский экономист. Большую известность приобрел своей книгой «Опыт о принципе народонаселения», появившейся в 1798 г. В этой книге М. доказывает, что причина нищеты лежит не в недостатках социального строя, как говорили социалисты, а в естественном противоречии между безграничным стремлением людей к размножению и ограниченном ростом средств существования. Народонаселение имеет тенденцию возрастать в геометрической прогрессии (1, 2, 4, 8, 16...) средства же существования возрастают в арифметической прогрессии (1, 2, 3, 4...). Из своей теории Мальтус делал целый ряд выводов. Бедные не могут жаловаться на свою нищету, так как она является результатом слишком быстрого их размножения; бедные люди могут улучшить свое положение только воздержанием от ранних браков (так называемая теория мальтузианства).

²¹. Кант, Иммануил (1724—1804) — первый представитель так называемого классического немецкого идеализма (философия Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля — первая половина XIX века). В молодых годах Кант испытал сильное влияние Ньютона: так, в «Естественной истории и теории неба» (1755) он, исходя из принципов Ньютона, объяснял естественное происхождение солнечной системы из звездной туманности («Канто-лапласовская теория мироздания»). Сочинения Ж.-Ж. Руссо привели его к деизму и радикальным для полуфеодальной Пруссии воззрениям. К. Маркс назвал систему Канта «германской теорией французской революции». Неудовлетворенность формально-логическим мышлением привела Канта к необходимости построения логики на иных началах. Диалектическое решение формального принципа противоречия нашло выражение в нескольких произведениях Канта. Однако он не дошел до обособования и формулировки диалектического метода в целом (Гегель); его философия — трансцендентальный (относящийся к сознанию) идеализм. Сознание, по учению Канта, до всякого опыта обладает чистыми формами созерцания (пространство и время) и рассудка (единство, множество, существование, причинность и т. д.). Эти «априорные» (доопытные) формы делают возможным самый опыт. В опыте мы имеем дело лишь с явлениями: вещи же, как они существуют сами по себе («вещи в себе»), абсолютно непознаваемы.

²². Античные, феодальные и буржуазные имущественные отношения.

Маркс отличает три общественных формации, основанных на разделении классов. Первая формация, античное общество, покоилась на рабском труде, характеризовалась отношениями непосредственного и неограниченного господства и подчинения между высшими классами и низшими (рабы), причем орудия и средства производства были сосредоточены исключительно в руках высших классов.

Вторая формация, феодальное общество, основывалась на крепостном труде. Авторитарные отношения между феодалом и крепостными также покоились на непосредственном господстве и подчинении. Феодал был собственником земли, на которой жили крестьяне. Крепостные могли владеть орудиями производства и частью продуктов своего труда. Феодальное общество характеризуется мелким крестьянским хозяйством, с одной стороны, и ремесленным трудом — с другой. Разложение феодального общества привело к образованию третьей формации, буржуазного общества. Последнее основано на наемном труде, характеризуется частной собственностью и монополизацией средств и орудий производства в руках класса капиталистов. Маркс, кроме того, отличал еще азиатское общество, предшествовавшее классовым формациям. Это общество характеризовалось общинною собственностью на землю. Его отличительная особенность — это неизменность способов производства, обусловившая застой этой формации. На основе разложения азиатского общества впоследствии выросли античный либо феодальный общественный строй.

²³ Бриссе, Жан-Пьер (1754—1793) — один из деятелей французской революции. При старом режиме был посажен в Бастилию за памфлет против королевской власти. Потом отправился в Америку, где в качестве представителя «Общества друзей негров» вел пропаганду против рабства. В 1789 г. вернулся во Францию, где играл видную роль в революции и был членом Конвента. Вместе с другими жирондистами был обвинен в измене республике и в 1793 г. казнен. Из его сочинений большое значение имеет «Философские исследования о праве собственности и о краже»; он еще до 1789 г. высказал знаменитое положение: «собственность есть кража», которое впоследствии было повторено Прудоном.

²⁴ Грюн, Карл (1817—1887) — немецкий публицист. Благодаря участию в революционном движении принужден был оставить Германию и в 1844 г. поселился в Париже, где близко сошелся с Прудоном. В 1848 г. вернулся в Германию, был избран в прусское национальное собрание, где примкнул к крайней левой. В 1849 г. после роспуска второй прусской палаты был заключен в тюрьму за сочувствие пфальцскому восстанию. В сороковых годах Грюн играл крупную роль в жизни немецкой интеллигенции. Г. был одним из главных представителей «истинного социализма», проповедывавшего, что Германия может прямо перейти к социализму, минуя капитализм. Критику «истинного социализма» Маркс дал в «Немецкой идеологии» и в «Манифесте коммунистической партии».

²⁵ Кантовские «антиномии» и гегелевские «противоречия». — Антиномиями Кант называет неразрешимые противоречия, в которые впадает человеческая мысль при попытке разрешения метафизических проблем, вроде вопросов о конечности мира, о бессмертии души и т. д. Противоречие — это по Гегелю основной движущий принцип развития. Гегель считает, что мир развивается в противоречиях. В отличие от кантовских антимоний гегелевские противоречия познаваемы.

²⁶ Кабэ, Этьен (1788—1856) — французский социалист-утопист. Его главное сочинение «Путешествие в Икарию» (1839) послужило основой для агитации за создание коммунистического общества по типу «Икарии». Кабэ дважды делал попытку создать коммунистические колонии в Америке, но обе попытки потерпели крах.

²⁷ Дюнуайе, Шарль (1786—1862) — французский экономист, сторонник экономического либерализма. Был противником вмешательства государства в хозяйственную жизнь и резко критиковал социалистические учения, по его мнению, посягающие на свободу индивидуума.

²⁸ Гельвеций, Клод-Анриан (1715—1771) — один из наиболее ярких представителей французского материализма

XVIII века. Первая его книга «О разуме» была запрещена во Франции, но была переведена в Англии, Германии, Италии. Вторая книга Г. «О человеке» вышла уже после его смерти. Деятельность разума, по Гельвецию, сводится к суждению, т. е. сравнению наших ощущений. Польза — единственное мерило оценки идей и поступков. Добродетель есть желание блага ближнего; предметом добродетели является общественное благо. Честность — это привычка к полезным для общества поступкам. Единственный способ сделать людей добродетельными — связать их личный интерес с общественным интересом.

²⁹. Тьер, Луи-Адольф (1797—1877) — известный французский политический деятель и историк. Убежденный монархист и реакционер, Тьер в отдельные периоды, как, например, во время революции 1848 г., выдавал себя за республиканца. Но все же он сам принимал деятельное участие в подавлении республики, как позже подавил Парижскую коммуну. Против Прудона Тьер написал книгу «Du droit de propriété».

³⁰. Бастиа, Фредерик (1801—1850) — французский экономист. Б. был представителем манчестерской школы (сторонников свободной торговли) во Франции. Его статьи в защиту свободы торговли собраны в книге «Экономические софизмы» (1845). В 1848 г. он выступил против социализма. К этому времени относится целый ряд его памфлетов, между прочим «Даровой кредит», в котором он полемизирует с Прудоном относительно справедливости процента на капитал. Б. стремится доказать, что право частной собственности прогрессивно и демократично. В своем главном сочинении «Экономические гармонии» Б. отрицает положение об антагонизме экономических интересов капиталистов и рабочих. Б. утверждает, что экономические интересы, предоставленные самим себе, стремятся к гармонии, ко все большему перевесу общественного блага, что все зло происходит от стеснения свободы конкуренции. Б. — наиболее яркий представитель вульгарной политической экономии во Франции.

³¹. Петр I (Великий) (1672—1725) — самый выдающийся из русских царей, известный как крупный государственный реформатор, проводивший свои реформы с исключительной жестокостью.

³². Луи Бонапарт (1808—1873) — племянник Наполеона I, «маленький Наполеон», как его назвал Виктор Гюго. В царствование Луи-Филиппа он два раза пытался высадиться на севере Франции и провозгласить себя императором, но оба раза неудачно. Во второй раз он был арестован и посажен в тюрьму, откуда ему удалось бежать. В тюрьме он написал книгу, в которой объявил себя другом рабочих и бедных классов. Во время революции 1848 г. крестьянство, помнившее, что Наполеон I закричал за крестьянством землю, видело в Луи Бонапарте своего героя. Он был избран депутатом в Национальное собрание, а затем огромным большинством голосов — президентом респуб-

ки. 2 декабря 1851 г. он совершил государственный переворот, распустил Законодательное собрание и провозгласил себя императором под именем Наполеона III. Во время франко-прусской войны 1870 г. он сдался в плен пруссакам со всей своей армией. В Париже была провозглашена республика. После заключения мира Л. Н. был освобожден из немецкого плена и отправился в Англию, где умер в 1873 г.

^{33.} Руссо, Жан-Жак (1712—1778) — известный французский мыслитель XVIII века. Руссо вышел из семьи ремесленника и был самоучкой. Он много странствовал и приобрел большую известность своими литературными произведениями, направленными против феодального общества, как и против неравенства вообще. Наиболее знаменитое сочинение Р. «Общественный договор» вышло в 1762 г. Взгляды Руссо оказали огромное влияние на политическую мысль Европы XVIII века, особенно же его учение о необходимости полной демократизации государственного строя (так называемое учение об общественном договоре и народном суверенитете). Руссо был идеологом радикально настроенной мелкобуржуазной части третьего сословия.

^{34.} Ленгэ, Симон-Никола-Анри (1736—1794) — франц. писатель. Сначала был сторонником философии просвещения и другом энциклопедистов, но потом резко разошелся с ними. При старом порядке попал в Бастилию и перенес изгнание, вернулся при революции, выступил защитником короля и был казнен в 1794 г. Л. был полон всяческих противоречий. Он защищал рабство и азиатский деспотизм, громил теории энциклопедистов, но вместе с тем был одним из самых последовательных социалистов XVIII в. Его социалистические идеи разбросаны в «Теории гражданских законов», «Ответе современным ученым» и т. д. У Л. было ясное представление о прибавочной стоимости. «Рабочие не имеют доли в том изобилии, — говорит он, — источником которого является их собственный труд, — богатство как будто оказывает им милость, принимая подарки, которые они ему подносят».

^{35.} Разумер, Фридрих-Людвиг-Георг (1781—1873) — немецкий историк. Известный его труд «История Гогенштауфенов» проникнут благоговением пред блестящею эпохю немецкого средневековья. Вообще труды его дают главным образом изложение фактов, без критического их освещения.

^{36.} Наполеон I (1769—1821) — знаменитый французский император. В эпоху Великой французской революции Н. выдвинулся из рядов кадрового офицерства французской армии. В эпоху революции он был близок к якобинцам и получил широкую популярность своими военными успехами при защите республики. Впоследствии он перешел на сторону термидорианцев, поддерживал директорию, а после египетского похода вернулся в Париж и 18 брюмера 1799 г. произвел переворот, давший ему пост первого консула республики. Через 3 года он сделался по-

жизненным консулом, а в 1804 г. был провозглашен императором французов. После многочисленных победоносных войн Н. потерпел поражение в войне против коалиции европейских держав во главе с Англией и в 1815 г. был окончательно низложен с престола.

⁸⁷. Вольтер, Франсуа-Мари-Аруэ де (1694—1778) — французский философ, историк и драматург, оказавший огромное влияние на общественную мысль предреволюционной Франции. В. рано испытал на себе весь гнет «старого порядка», неоднократно сидел в Бастилии за свои стихотворения и много раз вынужден был укрываться от преследования властей. В 1751 г. В., по приглашению прусского короля Фридриха II, поехал в Берлин, но вскоре уехал оттуда и поселился в Швейцарии, около границы Франции, в Фернее. Здесь он становится философом, публицистом, общественным деятелем, сотрудничает в Энциклопедии, пишет множество популярных брошюр, памфлетов, научных трактатов. В одних он распространяет новое «евангелие разума», в других требует реформы администрации и суда, проповедует идеи веротерпимости. В. выступает на защиту всех жертв фанатизма и произвола, страдающих под гнетом «старого порядка». Ферней становится центром агитации против религиозных и общественных предрассудков, местом паломничества. После смерти Людовика XV В. приехал в 1778 г. в Париж, где ему были устроены восторженные овации. В том же году он умер. В. был сторонником «просвещенной» монархии, опирающейся на интеллигенцию, на философов. В. резко выступал против привилегий дворянства и духовенства, на которых держался старый порядок, и требовал раскрепощения крестьян. Однако под влиянием В. имел в виду только равенство перед законом, а не социальное равенство; он разделял общество на две группы, на «образованных и богатых» и на тех, которые, «ничего не имея», обязаны на них «работать». Он был противником всеобщего образования, ибо «если народ начнет рассуждать, все погибло». Отрицая церковь и католицизм, В. вместе с тем доказывал существование бога и утверждал, что если бы его не существовало, его надо было бы выдумать. Он считал религию необходимой для «обуздания» народа.

⁸⁸. Двойственная природа товара, отчасти известная уже классикам, была подробно выяснена Марксом. Каждый товар представляет собою, с одной стороны, потребительную стоимость, удовлетворяющую те или иные потребности людей. Этим свойством продукт человеческого труда обладал во все исторические эпохи, и независимо от общественной формы хозяйства. В товарном хозяйстве продукт труда, являясь в своей натуральной форме потребительной стоимостью, обладает, кроме того, еще чисто-общественным свойством, а именно он представляет собою стоимость и в этом отношении равен всякому другому продукту труда.

⁸⁹. Смит, Адам (1723—1790) — знаменитый экономист. В 1776 г. издал «Исследование о богатстве народов», доставившее

ему мировую славу и открывшее новую эпоху в истории экономической мысли. Экономические взгляды Смита, хотя и не свободные от внутренних противоречий, легли в основу целого направления в политической экономии, известного под именем классической школы. Как идеолог прогрессивной для того времени промышленной буржуазии С. доказывал, что свободное развитие капиталистического хозяйства обеспечивает наилучшее удовлетворение интересов всех членов общества. Смит дал лучший для своего времени анализ явлений капиталистического хозяйства (теории стоимости, заработной платы, капитала, прибыли и т. д.). Особенно большое значение в истории экономической мысли сыграла формулированная Смитом теория трудовой стоимости, впоследствии освобожденная от внутренних противоречий и развитая дальше Рикардо и Марксом.

⁴⁰. Сисмонди, Жан-Шарль Сисмонд де (1773—1842) — швейцарский экономист, выступавший с критикой классической школы. В своих работах (из них главная — «Новые начала политической экономии» — вышла в 1819 г.) Сисмонди объявил себя защитником крестьян и ремесленников, разоряемых развитием капиталистического хозяйства. Исторической заслугой Сисмонди является его постановка вопроса о теории рынков и кризисов, сделанная им в полемике против классиков. В противовес классикам, которые отрицали возможность появления общих кризисов перепроизводства, Сисмонди доказывал, что кризисы являются необходимым спутником капитализма.

⁴¹. Лодердаль, Джемс-Мейгланд (1759—1839) — английский государственный деятель и экономист. В своих экономических работах он выступал как критик Адама Смита.

⁴². Голландская ост-индская компания — была основана в 1602 г., сосредоточила в своих руках всю торговлю пряностями, вывозимыми из колониальных стран в Европу. Опасаясь конкуренции со стороны Англии, голландцы решили истребить все плантации Молуккских островов, а население превратить в рабство. Для нужд своей торговли компания оставила плантации только на островах Банда и на Тидоре. Но так как и урожай этих островов оказывался достаточно обильным для того, чтобы угрожать падением цен на пряности, то голландцы сжигали значительные количества привозимых из колоний пряностей, чтобы вызвать повышение их цен.

⁴³. Уставы средневековых цехов (см. примечание 74) — строго ограничивали хозяйственную деятельность мастеров — членов цеха. Уставы запрещали мастеру содержать больше определенного числа подмастерьев и учеников; также запрещалось расширение размеров производства. Эти меры должны были предупредить возможность избыточного предложения товаров на рынке и устранить конкуренцию. С точки зрения процесса экономического развития они были глубоко реакционны, так как тормозили дифференциацию и укрупнение производства.

⁴⁴. А н д е р с о н, Адам (1692—1765) — автор известного труда по истории торговли в Англии.

⁴⁵. Ш т о р х, Генри-Фридрих (1766—1835) — экономист элочи разложения классической школы, был близок по своим взглядам к Сэю (см. примечание 46), считается основателем русско-германской школы в политической экономии. Написал ряд работ по экономике и статистике России.

⁴⁶. С э й, Жан-Батист (1767—1832) — французский экономист. Основатель так называемой «вульгарной» школы политической экономии, выступавшей апологетом капиталистического строя. Сэй критиковал теорию трудовой стоимости классиков (Смита и Рикардо) и считал, что стоимость создается трудом, природой и капиталом. Несмотря на посредственность теоретических работ Сэя, они оказали большое влияние на буржуазные школы политической экономии.

⁴⁷. Д р о з, Жозеф (1773—1850) — французский историк, писавший также по вопросам философии и экономии. Его «Политическая экономия» вышла в 1829 г.

⁴⁸. Б л а н к и, Жером-Адольф (1798—1854) — французский экономист, которого не следует смешивать с его братом, известным революционером и социалистом, Луи Бланки. Адольф Бланки был профессором политической экономии в Париже. Особой известностью пользовалась его «История политической экономии», впервые вышедшая в 1838 г.

⁴⁹. Р о с с и, Пеллегрини-Луиджи (1787—1848) — итальянский государственный деятель, профессор уголовного права и политической экономии. В 1815 г. Росси бежал из Италии, принимал участие в государственной жизни Франции и Швейцарии, а затем в революции 1848 г. в Италии.

По своим экономическим взглядам Росси примыкал к классической школе.

⁵⁰. Л а с с а л ь, Фердинанд (1825—1864) — знаменитый немецкий социалист, один из основателей немецкой социал-демократии. Лассаль, ведя решительную борьбу с либералами, державшими под своим влиянием рабочих, толкнул своей энергичной агитацией последних к организации самостоятельного Всегерманского рабочего союза. Таковой и был создан в 1863 г. под пожизненным председательством Лассалья. В области теории социализма и программы политической деятельности Лассаль, хотя и считал себя учеником Маркса и Энгельса, однако значительно отклонялся от их мировоззрения. Лассаль оставил после себя целый ряд крупных научных трудов и печатных речей. В 1857 г. вышел его двухтомный труд — «Философия Гераклита Темного». В 1861 г. появилось его больше философско-правовое исследование — «Система приобретенных прав». В начале 1864 г. Лассаль издал и свое экономическое сочинение, направленное против

буржуазного либерализма, под названием — «Бастия-Шульце». Из речей, сыгравших в свое время большую роль и до сих пор не потерявших своего научного и литературного достоинства, необходимо отметить «Сущность конституции» и «Программу работников». После смерти Лассаля его приверженцы, лассальянцы, слились с эйзенхакими-марксистами на съезде в Готе в 1875 году, образовав единую германскую социал-демократическую партию.

⁶¹. Цены промышленных и земледельческих продуктов, — Рикардо считал, что при капитализме происходит постоянное падение стоимости промышленных изделий и постоянное повышение стоимости сельскохозяйственных продуктов. Этой точки зрения придерживался в «Нищете философии» и Маркс. Впоследствии Маркс от этой мысли отказался. В III томе «Капитала» Маркс развивает ту мысль, что при развитии техники в области земледелия стоимость сельскохозяйственных продуктов также уменьшается.

⁶². Стоимость определяется минимумом необходимого рабочего времени — эта формулировка, встречающаяся в «Нищете философии», была в «Капитале» изменена Марксом в том смысле, что стоимость определяется средним общественно-необходимым рабочим временем.

⁶³. Буагильбер, Пьер (1646—1714) — франц. экономист. По своим теоретическим воззрениям он является предшественником физиократов, подвергал резкой критике меркантилизм. Он протестовал против отождествления денег и богатства. Источником богатства он считал в первую очередь земледелие, которое поэтому и должно пользоваться особым покровительством государства.

⁶⁴. Аткинсон, Вильям — английский экономист, родившийся в начале XIX столетия. Он выступал противником классической школы, указывая на то, что она не сумела разрешить вопроса о народонаселении, что она не понимала преимущества внутренней торговли перед внешней. Главное его сочинение — «Основы политической экономии» (1840).

⁶⁵. Десятичасовой билль. — В первый период развития крупной промышленности в Англии широко распространена была неограниченная эксплуатация рабочих; женщины и дети работали иногда непрерывно день и ночь, пока не падали от усталости. Государство принуждено было принять меры для обуздания этой ужасной эксплуатации. Но меры эти были недостаточны, и их вскоре стали обходить. В начале XIX столетия под руководством нескольких филантропов образовалась лига, требовавшая законодательного ограничения рабочего дня 10 часами. Агитацию за 10-часовой день усиленно поддерживали землевладельцы, которые в то время вели резкую борьбу с промышленною буржуазией. Благодаря поддержке землевладельцев билль о 10-часовом рабочем дне был в 1847 г. принят парламентом.

Билль этот ограничивал рабочее время подростков моложе 18 лет и женщин 10 часами. Но так как женщины, подростки и дети составляли большую часть работавших на фабриках рабочих, то результатом этого было то, что фабрики вообще могли работать только 10 часов. Билль при всех его недостатках и неполном проведении в жизнь сыграл огромную роль в поднятии физического и культурного уровня английских рабочих.

⁵⁶. Меновые банки и базары для обмена. — В 1830 г. в Лондоне был организован один из первых меновых базаров, принадлежащих Британской ассоциации по распространению кооперативных знаний. На этот базар приносились изделия свыше сорока промышленных объединений Лондона, и обмен производился в натуральной форме. Но наибольшее развитие и распространение этот опыт получил в 1832 г. В сентябре этого года был открыт «Национальный базар для справедливого обмена продуктов труда», привлекший большое сочувствие, главным образом в среде английских ремесленников. Идейным вдохновителем этого дела был известный социалист-утопист Роберт Оуэн, возглавлявший отделение Национального базара в Бирмингеме. Главные правила «справедливого» базара были следующие: на базар приносились различные продукты, а их собственникам Правление выдавало квитанции с обозначением определенного количества часов, т. е. «трудовые деньги». Держатели этих бумажных знаков могли производить ими все необходимые расплаты, но обязательными к приему эти «деньги» не были. Вскоре оказалось, что Национальный базар терпит убытки и что количество выпущенных бумажных знаков превышает наличные запасы продуктов. Этот дефицит был приписан плохому руководству Правления. Но и новое Правление, выбранное в июле 1833 г., впало в такое же бедственное положение. В июне 1834 г., когда выяснилось, что все собранные средства израсходованы и что накопились большие долги, Национальный базар окончательно обанкротился. Но утописты и тогда считали, что причиной банкротства явилось неумелое ведение дела.

⁵⁷. Меновой банк в Париже. — В январе 1849 г. Прудон приступил к организации в Париже Народного банка, который ставил своей целью предоставление бесплатного кредита и улучшение всей системы обращения. Согласно уставу Народный банк производил не только операции финансового (злогового, вкладные), но также и операции непосредственного обмена. Для этой цели при Народном банке на правах его отдела был организован «Главный синдикат производства и потребления» (Syndicat général de la production et de la consommation). Через этот отдел производители должны были сообщать об имеющихся готовых продуктах промышленности и земледелия и предоставлять потребителям установленный бесплатный кредит. Чтобы обслуживать обмен между участниками банка, выпускались специальные «бонь обращения», обязательные для них к приему. Основной капитал составлялся из 5 франковых акций на общую сумму 15 млн. франков. «Народный банк» успел привлечь много сочувствующих, но развернуть свои операции ему

не удалось. Судебный процесс Прудона, его арест и изгнание прервали организацию банка.

⁵⁸. Ф и л и п п I (1052—1108)—французский король, прибегавший к порче монеты для обогащения казны. Порча монеты была широко распространенным явлением в средние века и в начале нового времени. Короли надеялись таким путем увеличить богатство казны. Но на деле порча монеты приводила к вздорожанию товаров и ухудшению условий денежного обращения.

⁵⁹. Рикардо придерживался количественной теории денег, согласно которой стоимость денежной единицы определяется количеством выпущенных денег. В «Нищете философии» Маркс еще полностью разделяет эти взгляды Рикардо. Но в «К критике политической экономии» Маркс от количественной теории отказался, признав значение количественного момента только для бумажных денег.

⁶⁰. Л ю д о в и к XIV (1643—1715) — был королем Франции 54 года. Его время названо Вольтером «веком Людовика XIV». Это была эпоха небывалого военного могущества и хозяйственного развития Франции. Людовику XIV приписывается известная фраза: «государство — это я».

⁶¹. С е н и о р, Вильям-Нассу (1790—1864) — английский экономист эпохи разложения классической школы, апологет капитализма. С. старался доказать справедливость и законность прибыли с точки зрения общественных интересов, создал теорию «воздержания», как основания прибыли. Согласно этой теории капиталист может дать двоякое направление накопленному имуществу: или затратить на свои личные потребности или пустить в хозяйственный оборот. В последнем случае он «воздерживается» от их использования для своих личных нужд и за это «воздержание» должен получить награду в виде прибыли. С. выступал против сокращения рабочего дня, доказывая, что вся прибыль капиталиста получается им от последнего часа труда рабочих, и поэтому сокращение рабочего дня хотя бы на один час лишит капиталиста всей его прибыли. См. Маркс, «Капитал», т. I, глава 7, § 3.

⁶². М и л л ь, Джон Стюарт (1806—1873) — известный философ и экономист, сын экономиста Джемса Милля. В области философии самым замечательным произведением Милля является его «Система логики». Из экономических работ Милля самая крупная — «Основания политической экономии» (1848 г.). Как экономист М. является учеником и продолжателем Рикардо, но он находился также под сильным влиянием французских социалистов, с одной стороны, и вульгарных экономистов, — с другой. В основных теоретических вопросах М. верен своим учителям Рикардо и Мальтусу и дает лишь систематическое изложение учений своих предшественников, внося мало нового. Главное от-

личие М. от классиков заключается в критическом отношении его к капитализму. Считая, что введение социализма может быть лишь делом отдаленного будущего, М. предлагал, для устранения наиболее вопиющих зол капиталистического хозяйства, ввести ряд социальных реформ, между прочим, национализацию крупной земельной собственности, с переходом земельной ренты в руки государства.

⁶³. Т у к, Томас (1774—1856) — английский экономист и статистик. Главные труды Тука: «История цен» (1838—1857) и несколько сочинений по денежному обращению. В последних Т. выступает противником банковского акта Роберта Пила 1844 г., регулировавшего эмиссионные операции Английского банка согласно так наз. *surgency principle*, Т., наоборот, отстаивает так наз. *banking principle*. Сущность теории Т. заключается в том, что при сохранении разменности банковских билетов банк не может выпустить больше билетов, чем требуется для товарного обращения, так что количество выпущенных банковских билетов не оказывает никакого влияния на товарные цены; увеличение их количества не повышает цен и не вызывает падения вексельного курса и отлива драгоценных металлов за границу, как утверждают представители *currency principle*. Учение Тука о денежном обращении и связи его с движением товарных цен было использовано Марксом в его теории денег. См. Маркс, «Капитал», т. III, отдел 5, особенно глава 28.

⁶⁴. К у п е р, Томас (1759—1840) — американский экономист. Родился в Лондоне, но вследствие сочувствия французской революции принужден был эмигрировать в 1793 г. в Америку, где принимал активное участие в политической жизни. К. был сторонником свободы торговли. Главные его сочинения: «*Lectures on the Elements of Political Economy*» (1826) и «*Manual of Political Economy*» (1834). В этих книгах он излагал учение Смита и Рикардо.

⁶⁵. С а д л е р, Михаил Томас (1780—1835) — английский экономист. Выступил против теории Мальтуса о народонаселении, выпустил книгу «*The law of population*» (1830). Принимал активное участие в агитации против детского труда, был председателем комиссии, назначенной для расследования этого вопроса. Принимал также активное участие в проведении первых английских фабричных законов, ограничивших эксплуатацию рабочих.

⁶⁶. П р о м е т е й — герой греческого мифа. Он, по преданию, похитил, вопреки запрещению Зевса, с неба огонь и передал его людям. За это он был прикован к горам Кавказа, пока его не освободил Гераклес. По другим версиям П. не только создал культуру, но и сотворил людей.

Миф о Прометее послужил темой для многих поэтов (Эсхил, Гете, Байрон, Шелли), которые видели в нем прообраз освободителя человечества.

^{67.} Людовик XV (1715—1774) — французский король. В его время Франция переживала период военного и экономического упадка. Людовику XV приписывается известная фраза: «после меня — хоть потоп».

^{68.} Кенэ, Франсуа (1694—1774) — по образованию медик, служил врачом при дворе Людовика XV. Знаменитый экономист дореволюционной Франции, создатель физиократической школы и один из основателей политической экономики как науки. Согласно учению физиократов источником богатства нации является земледелие, и только земледельческий труд признается «производительным», так как он доставляет, благодаря содействию сил природы, «чистый продукт», т. е. избыток сверх затраченных издержек производства. Учение физиократов явилось реакцией против учения меркантилистов, признававших источником богатства нации внешнюю торговлю.

Бессмертной заслугой Кенэ является его гениальная попытка представить весь общественный процесс производства, обращения, распределения и потребления, как единое целое. Эту идею Кенэ графически изобразил в «Экономической таблице» (1758 г.) в виде таблицы, показывающей движение продуктов и денег между общественными классами.

^{69.} Бодо, аббат (1730—1792) — французский экономист, сторонник физиократов. Главным своим трудом, называющимся «Первое введение в экономическую философию», Бодо завоевал себе почетное место среди учеников Кенэ. Бодо также написал «Объяснение экономической таблицы» Кенэ.

^{70.} Логос («слово») — богословский термин, которым обозначается посредник между божеством и миром. Воплощением логоса для христианина является Христос. В отличие от богословов древние философы называли «логосом» то материю, то разум, то объединение двух начал, в зависимости от того, какого направления данный философ придерживался.

^{71.} Рабство в Северной Америке. — В XVI и XVII веках, когда в Америке образовались первые европейские поселения, эта богатая и малолюдная страна представляла благоприятную почву для развития рабства. Нужда в рабочей силе удовлетворялась посредством ввоза рабов-негров из Африки. В этот период работорговлей занимались самые передовые нации Европы: англичане, французы, голландцы и датчане. Рабство было распространено во всех частях и штатах Америки.

Движение против рабства началось в Северной Америке в конце XVIII века, когда все с большей силой начало обнаруживаться, что рабский труд является препятствием для развития капиталистической промышленности. В северных штатах Северной Америки рабство было отменено в 1807 г. Но в южных штатах, где производство табака, сахара и хлопка основывалось на массовом рабском труде, рабство сохранилось. Вопрос об отмене рабства был предметом постоянной политической борьбы между

промышленным севером и земледельческим югом. В 1861 г. эта борьба превратилась в открытую войну, кончившуюся победой Севера в 1865 г. В этом году были официально отменены работорговля и система рабского труда во всех штатах Северной Америки.

⁷² Вильнев-Баржемон, Альбан де (1784—1850) — французский экономист. Критиковал английскую классическую экономию и в своих экономических работах проводил точку зрения католической церкви. Сочинения его: «Христианская политическая экономия» (1834) и «История политической экономии» (1841).

⁷³ Феодализм — общественный строй, господствовавший в Европе на протяжении почти тысячелетия, приблизительно с начала средних веков до XV века. Его характерные признаки: натуральное хозяйство, крепостной труд и крупное землевладение феодалов. Раннее феодальное общество знало лишь два класса: феодалов, находящихся между собой в ленной (личной, основанной на награждении землей) зависимости, и крестьян, находящихся в крепостной зависимости от первых. Но, по мере развития разделения труда и обмена, ремесло отделяется от земледелия, и образуются элементы нового класса: ремесленники и купцы. Расширение международного обмена, начавшееся после открытия Америки (конец XV в.), привело к усилению торгового капитала и к открытой борьбе городской торговой, а впоследствии промышленной буржуазии против привилегий и произвола феодалов, тормозивших дальнейшее развитие производительных сил. Разложение феодальной системы сопровождалось упорной классовой борьбой и закончилось рядом революционных переворотов: английская революция в XVII веке, Великая французская — в конце XVIII. В центральной Европе (Германия, Австрия, Италия) остатки феодализма сохранились до XIX в. и были сметены революцией 1848 г. В России остатки феодализма были уничтожены только революцией 1917 года.

⁷⁴ Корпорации, гильдии и цехи, — так в разных странах назывались объединения мастеров-ремесленников, создавшиеся в феодальные времена в целях защиты монополии ремесла. Впоследствии этими терминами обозначались объединения разного характера. Цехами назывались организации ремесленников, гильдиями — организации купцов, а корпорация — означала объединение в более общем смысле.

Возникновение цехов относят к IX веку, но наибольшего развития цехи достигли в XIV веке и позднее. Это были замкнутые организации, построенные по профессиональному признаку, члены которых работали на заказ или на рынок на условиях, установленных всем объединением. Каждый цех имел свой устав, которым определялся круг его деятельности, права и обязанности его членов и правила зачисления в мастера (мастером назывался член цеха). Эти правила были довольно строгие и изменялись в зависимости от условий рынка: когда конкуренция усиливалась

или уменьшался спрос, цех затруднял зачисление в мастера, и, наоборот, при лучшем спросе — зачисление облегчалось. Наиболее общими требованиями для зачисления в цех были: прохождение стажа ученичества от 3 до 7 лет (Германия, Англия), усовершенствование в ремесле путем работы в разных городах (Германия); экзамен и пробная работа (см. примечание 92) и наличие денежных средств для оборудования своей мастерской. Неудовлетворявшие этим требованиям оставались на положении наемных рабочих, так наз. подмастерьев, которые позднее создали отдельные союзы для защиты своих материальных интересов. Цеховая организация распалась по мере того, как торговый капитал внедрился в промышленность. Окончательная законодательная ликвидация цехов завершилась лишь в XIX веке (см. также примечание 43).

Гильдии, как купеческие организации, возникли в XI веке. Эти объединения первоначально создавались с целью организации самозащиты от нападений во время путешествий купцов и при перевозке товаров. Позднее купеческие гильдии занимались регулированием спроса и предложения, получением торговых привилегий в разных местностях и соблюдением намеченных монопольных цен. Эти гильдейские привилегии сильно препятствовали развитию внутренней торговли и по мере развития промышленного капитализма были повсеместно уничтожены.

⁷⁵. Л е м о н т э й, Пьер-Эдуард (1762—1826) — французский писатель, член законодательного собрания в 1791—1792 гг. и французской академии наук. Писал по вопросам экономики и истории.

⁷⁶. Ф е р г ю с с о н, Адам (1723—1818) — шотландский историк и философ-моралист. Известность доставил ему его труд «Опыт истории гражданского общества». Книга эта является исследованием развития человеческого общества. Ф., труд которого вышел раньше «Богатства народов» Смита, уже ясно изложил учение о разделении труда. Рассуждения Фергюссона о положительном и отрицательном влиянии разделения труда повлияли на развитие взглядов Ад. Смита.

⁷⁷. К а н т о в с к и й п а р а л о г и з м. — Кант определяет паралогизм как умозаключение, которое по форме является ложным, а по содержанию оно может быть либо ложным, либо истинным.

⁷⁸. М а н у ф а к т у р а — в обиходе этим словом называется фабричное заведение, в котором производятся текстильные изделия, т. е. обработка волокнистых веществ. Отсюда под мануфактурной промышленностью часто понимают текстильное производство. В буквальном смысле мануфактура означает ручное производство, от латинского manus — рука, facere — делать. В экономической науке мануфактурной промышленностью называется способ производства, возникший в Англии приблизительно в XV веке и распространенный в Европе почти до конца XVIII,

до начала промышленного переворота. Мануфактурный способ производства был вызван разложением феодального хозяйства, накоплением капиталов и развитием торговли и новых морских связей с Индией и Америкой. Мануфактура служила переходной ступенью от ремесленного труда и кустарной промышленности к фабричному машинному производству. В отличие от фабрики, работающей при помощи машин, мануфактуры представляли собою более или менее крупные промышленные предприятия, основанные на ручном труде, с широко проведенным техническим разделением труда.

⁷⁹. Открытие Америки Колумбом в 1492 г. внесло крупнейшие изменения в хозяйственную жизнь Европы. Вызванные этим открытием изменения торговых путей и образование океанской торговли привели к расширению связей между странами Европы и других частей света. В Европе, кроме того, началось быстрое увеличение запасов золота и серебра, привозимых из Америки. В XVI веке количество европейских запасов благородных металлов возросло в 3—4 раза по сравнению с XV в. В XVII в. стоимость добытого золота и серебра составляла 26 миллиардов марок вместо 2 миллиардов в конце XV в. При этом на долю Америки в середине XVI в. приходилась $\frac{1}{4}$, а в XVII в. — $\frac{5}{8}$ всей добычи. Это переполнение Европы благородными металлами, не сопровождавшееся достаточным увеличением товарных масс, вызвало колоссальное повышение уровня товарных цен. В XVI в. цены на хлеб повысились на 200%, а на другие товары — на 500—600%. Революция цен, как именуется этот процесс в истории, оказала разрушительное влияние на феодальное хозяйство. С одной стороны, она содействовала накоплению денежных капиталов в руках немногих, с другой — привела к обнищанию значительных масс крестьян и ремесленников. Таким образом, открытие Америки, связанное с расширением мировой торговли и революцией цен, ускорило подготовку предпосылок для развития промышленного капитализма.

⁸⁰. Открытие морского пути в Индию было совершено португальским мореплавателем Васко-де-Гама в 1498 г. Для хозяйственной жизни Европы это открытие имело такое же революционизирующее значение, как и открытие Америки. Морской путь в Индию (вокруг мыса Доброй Надежды), менее продолжительный и более удобный, нежели сухопутный, дал сильный толчок развитию морского транспорта и привел к большому перевороту в области международного торгового обмена. Торговля вышла за узкие пределы внутренних морей и приобрела океанский характер. Развитие международного обмена, в частности колониальной торговли, содействовало усилению торгового капитала.

⁸¹. Колониальная система сложилась в XVII в., когда европейские государства превратили остальные колонии Америки, Азии и Африки в источники накопления капиталов. Это накопление достигалось посредством покровительства отече-

ственной промышленности, путем монопольного права вывоза сырья из колоний и монопольного права ввоза туда изделий отечественного производства.

⁸². Бродяжничество в XV—XVI в. было вызвано разложением феодального хозяйства и упадком ремесла. Крестьяне, освобожденные от крепостной зависимости, часто изгонялись помещиками из своих насиженных мест и толпами переходили из города в город, постепенно отучаясь от производительного труда. С другой стороны, по мере усиления роли скупщика увеличивалось обнищание ремесленников, особенно подмастерьев. Так создавалась армия бродяг, лишенных крова и занятий. Городские самоуправления устраивали для бродяг смирительные и рабочие дома, т. е. мастерские с принудительным трудом. Бродяги, отказавшиеся от принудительных работ, подвергались жестоким наказаниям, вплоть до смертной казни.

⁸³. Голландия в XVI и XVII вв. была одним из наиболее передовых государств Европы. В ее руках была сосредоточена торговля с Индией, Америкой и государствами Балтийского и Средиземного морей. Голландию называли «банкиром Европы», «фрагтовщиком Европы» и т. п. Маркс характеризовал Голландию, как образцовую капиталистическую нацию Европы XVII в. Голландии принадлежало первенство не только в отношении торговли, но и в отношении производства. Голландская мануфактура служила примером, по которому развивалось мануфактурное производство в других странах. Это относилось в частности к технической стороне производства.

⁸⁴. Машина возникла на основе ремесленного и мануфактурного разделения труда. В своем развитом виде машина состоит из трех частей: двигательного, передаточного и исполнительного механизмов. Двигательный механизм производит двигательную силу, которой приводится в движение вся машина. Передаточный механизм регулирует и передает движение на исполнительные механизмы. «Исполнительный механизм — это такой механизм, который, получив соответствующее движение, совершает своими орудиями те самые операции, которые раньше рабочий совершал подобными же орудиями» (Маркс). Машинны получили широкое распространение в промышленности со времени известной промышленной революции конца XVIII столетия. Только по мере распространения машин крупная фабричная промышленность успешно вытесняла более отсталые формы промышленности (ремесло, кустарную промышленность, мануфактуры).

⁸⁵. Б а б б е д ж, Чарльз (1792—1871) — был профессором математики в Кембридже. Занимался, кроме математики и механики, также экономическими вопросами, преимущественно вопросами о разделении труда в мануфактуре и применении машин. Главное его экономическое сочинение «On the economy of machinery and manufactures» (1832) неоднократно цитируется Марксом.

⁸⁶. Прядильщик в Англии и ткач в Индии. — Маркс имеет в виду период конца XVIII и первой четверти XIX в., когда прядильный станок уже занимал господствующее положение в текстильной промышленности, а ткацкий станок был еще мало усовершенствован и не сумел еще вытеснить ремесленный труд. В этот период хлопок привозился из Индии в Англию, там машинным способом перерабатывался в пряжу, а пряжа затем ввозилась обратно в Индию, где ткачи-ремесленники кустарным способом изготавливали из нее ткани. Это положение продолжалось до 30-х годов, когда механический ткацкий станок вытеснил труд индийских ткачей-кустарей. В I т. «Капитала» Маркс приводит известные слова индийского генерал-губернатора относительно результатов этой победы: «индийские равнины белеют костями павших ткачей».

⁸⁷. Детский труд широко применялся в XVIII и начале XIX столетий, в первоначальную эпоху развития машинного производства. В некоторых странах (Англия, Германия) дети начинали работать с 4—5 лет, причем к работе вынуждались не только воспитанники детских домов, но и все дети бедноты. Детский труд поощрялся правительством, церковью и филантропами. В Германии и Австрии правительство выдавало премию владельцам мануфактур за каждого мальчика и девочку, работавших на мануфактуре. Городские самоуправления обязывались отнимать детей от родителей и следить за тем, чтобы дети не покидали мануфактуры. На мануфактурах дети содержались в тяжелых условиях в специальных домах, работая по 13—14 часов в сутки. Несмотря на многочисленные законы, изданные для регулирования детского труда, фактическое регулирование началось лишь в 1833 г., когда были твердо установлены минимальный возраст рабочего подростка (9 лет) и длина рабочего дня (8 часов). Для подростков в возрасте 13—18 лет рабочий день был установлен в 12 ч.

⁸⁸. У а й т (Wyatt), Джон (1700—1766) — английский изобретатель, усовершенствовавший в 1735 г. прядильную машину. Не смешивать с другим знаменитым английским изобретателем Джемсом Уаттом (Watt), изобретшим в 1769 г. паровую машину.

⁸⁹. А р к р а й т, Ричард (1732—1792). — Сначала был цирюльником, а затем занялся механикой. В 1768 г. А. построил прядильную машину, в которую ввел ряд усовершенствований. Вскоре после этого он основал собственную фабрику в Ноттингеме, а затем в Кромфорде с водяным двигателем.

⁹⁰. Г е р к у л е с — наиболее популярный герой греческой мифологии, совершивший, по преданию, целый ряд подвигов, требовавших сверхчеловеческой силы.

⁹¹ Ю р, Андрей (1778—1857) — профессор химии Глазговского университета, много писавший по вопросам химии, геологии и технологии. В экономической литературе он известен как автор

«Философии мануфактуры», впервые вышедшей на английском языке в 1835 г. В этом произведении Юр особенно восхваляет машинную технику и крупную промышленность.

⁹². Ш е д е в р — от французского *chef d'oeuvre*, т. е. образцовое произведение. В XV—XVI вв. этим словом называли пробную работу, которую подмастерье должен был представить для перевода в мастера и для зачисления в соответствующий цех (см. примечание 74). Это требование практиковалось главным образом во Франции и в Германии.

⁹³. К о л ь б е р, Жан-Батист (1619—1683), знаменитый министр французского короля Людовика XIV, яркий представитель меркантилистической политики поощрения промышленности и торговли мерами государственной власти. Особенно содействовал Кольбер насаждению мануфактур, предоставлял владельцам их различные льготы, но вместе с тем подчинял промышленность строгой правительственной регламентации, ограничивая и стесняя свободную конкуренцию.

⁹⁴. Г а р в е й, Вильям (1576—1657) — знаменитый английский врач, положивший начало современной физиологии. Наиболее крупной заслугой Гарвея является сделанное им описание кровообращения в человеческом организме.

⁹⁵. С т ю а р т, Джемс (1712—1780) — запоздалый меркантилист, известен своей теорией издержек производства и теорией денег. Его главное произведение «Исследование о принципах политической экономии» вышло в 1767 г.

⁹⁶. В и л ь г е л ь м О р а н с к и й (1650—1702) — король Англии после революции 1688 г. При Вильгельме Оранском партия вигов, защищавшая интересы буржуазии против земледельцев, пользовалась громадным влиянием на государственные дела. Английский парламент, избравший В. О. на королевский престол, сильно ограничил прерогативы королевской власти в пользу парламента.

⁹⁷. «Человек с сорока экю» — так в известной сатире Вольтера называется бедный трудолюбивый крестьянин, доход которого равняется только 40 экю.

⁹⁸. *Horror vacui* (лат.) — боязнь пустоты.

⁹⁹. Происхождение капиталистической ренты относится к тому периоду, когда в земледелие начал проникать капитализм. При капиталистическом земледелии сельскохозяйственное предприятие организуется особым классом фермеров-капиталистов при помощи наемных рабочих на земле, арендованной у землевладельцев. В феодальную эпоху арендатор земли обычно обрабатывал ее силами своей семьи без найма чужой рабочей силы. Его доход составлял как бы его заработную

плату, а уплачивавшаяся им арендная плата составляла феодальную ренту землевладельца и поглощала весь прибавочный продукт. Эту феодальную ренту необходимо отличать от капиталистической ренты, которая образуется с переходом фермера к найму чужой рабочей силы. В этом случае фермерский класс становится капиталистическим классом в земледелии. Его доход имеет своим источником прибавочный труд рабочих и составляет капиталистическую прибыль. Землевладелец же получает в виде ренты лишь излишек над ценой производства в земледелии, т. е. над издержками производства плюс средняя прибыль фермера. Капиталистическая рента составляет только одну часть всей прибавочной стоимости, произведенной трудом наемных рабочих (так как другая часть ее составляет прибыль фермера), в отличие от феодальной ренты, поглощавшей весь или почти весь прибавочный продукт, производимый трудом арендатора-крестьянина (см. примечания 103 и 104).

¹⁰⁰. Теория ренты Рикардо дает анализ только дифференциальной ренты. Последняя представляет собою разницу между индивидуальной и общественно-необходимой стоимостью земледельческих продуктов, возникающую вследствие различий в плодородии почвы или в расстоянии отдельных участков земли от рынка сбыта, либо вследствие разной степени интенсивности сельского хозяйства. По мнению Рикардо, дифференциальная рента достается целиком землевладельцу. Несмотря на значительные ошибки, допущенные Рикардо (отрицание абсолютной ренты, теория падающей производительности почвы), его теория дифференциальной ренты признается экономистами почти всех направлений. Значительные изменения в эту теорию были внесены Марксом, который дал, кроме того, теоретическое обоснование абсолютной ренты.

¹⁰¹. *Deus ex machina* (лат.) — буквально значит: бог из машины, по смыслу: вдруг, по мановению волшебного жезла. Драматурги древности часто заканчивали свои трагедии при помощи неожиданного вмешательства богов, внезапно спускавшихся в особой машине.

¹⁰². *Колон* — так в Римской империи III—VI вв. назывался земледелец, прикрепленный к земле. Это была своеобразная форма крепостной зависимости, при которой земледелец имел некоторые права личной свободы.

¹⁰³. Капиталистическая рента в Ирландии в первой половине XIX века не существовала, так как ирландское фермерство носило еще не капиталистический характер, а полуфеодальный. Ирландский фермер был арендатором земли, которую он сам обрабатывал, не нанимая посторонней рабочей силы. Поэтому его доход был не прибылью, а как бы его заработной платой; доход же землевладельца был излишком над заработной платой, а не над промышленной прибылью, и, следовательно, не являлся капиталистической рентой. Это положе-

ние изменилось с развитием капитализма в земледелии, при котором на место феодального арендатора стал фермер — капиталист (см. примечание 99).

^{104.} Капиталистическое земледелие в Англии и Германии — развивалось по мере того, как феодальный фермер вытеснялся предпринимателем капиталистического типа в земледелии, т. е. фермером, применяющим наемный труд. В Англии этот процесс начался еще в XIV веке и закончился в XVIII. В Германии капиталистическое фермерство стало развиваться лишь с конца XVIII в. (см. примечания 99 и 103).

^{105.} Маркс не указывает, имеет ли он здесь в виду Джемса Милля или его сына Джона-Стюарта Милля (о последнем см. примечание 62). И Д. Милль и Д.-С. Милль были сторонниками налога на ренту. Повидимому, Маркс имеет здесь в виду Джемса Милля, который писал раньше и в своем сочинении «Элементы политической экономии» (1821 г.) высказался в пользу налога на прирост ренты.

Джемс Милль (1773—1836) был другом и последователем Рикардо, одним из наиболее ярких представителей рикардианской школы. Написал также большую работу «История Индии» (1818).

^{106.} Ш е р б ю л ь е, Антуан-Элиус (1797—1869) — швейцарский экономист, находившийся под влиянием Сисмонди и критиковавший капиталистический строй. Сочинения Ш. подвергнуты Марксом анализу в III томе «Теории прибавочной стоимости».

^{107.} Г и л ь д и ч, Рихард — автор нескольких сочинений («Aristocratic taxation», 2-ed. 1842; «The income tax», 1843), содержащих резкую критику английской системы финансового обложения, которое, по мнению Гильдича, защищает интересы землевладельцев и ложится всюю своею тяжестью на классы населения, занятые в промышленности.

^{108.} Кампания (местность в древней Италии), Сицилия и Палестина. — В древности это были цветущие страны, отличавшиеся богатой растительностью, благоприятным климатом и густым населением.

^{109.} Петти, Вильям (1623—1687) — известный английский экономист, принимал также деятельное участие в государственной жизни Англии, нажил миллионное состояние и получил звание пэра. В истории политической экономии известен как родоначальник теории трудовой стоимости и один из основателей политической экономии.

Главные сочинения П.: «Трактат о налогах», издан в 1662 г., «Политический обзор или Анатомия Ирландии» — 1672 г. и «Политическая арифметика» — впервые появилась после смерти Петти, в 1690 г.

¹¹⁰. Карл II (1630—1685) — английский король, сын Карла I, казненного в 1649 году. Вступление на английский престол Карла II в 1660 году означало конец первой английской революции и начало реставрации. Начиная с его царствования, в Англии вводится конституционное правление.

¹¹¹. Болтон — крупный фабричный город в Ланкашире, в Англии, с железоделательной и текстильной промышленностью.

¹¹². Манчестер — крупный фабричный город в Англии, центр текстильной промышленности.

¹¹³. Тред-юнионы — так называются в Англии профессиональные союзы рабочих, имеющие целью поддержание или улучшение условий существования их членов. Тред-юнионы до 1824 г. в Англии считались незаконными (см. примечание 114).

¹¹⁴. Акт о коалициях 1825 г. отменил прежние запрещения деятельности тред-юнионов, разрешил устройство собраний рабочих для выработки общих условий труда, для заключения отдельных соглашений, которыми регулировались высота заработной платы и продолжительность рабочего дня в отдельных предприятиях. Несмотря на то, что акт 1825 г. запрещал принудительное введение этих соглашений и не признавал их обязательного характера ни для одной из заинтересованных сторон, он все же открыл возможность для широкого развития английского профессионального движения (см. примечание 113).

¹¹⁵. Гескиссон, Вильям (1771—1830) — английский политический деятель, участвовавший в различных вигских министерствах и проводивший ряд мер, которыми началась эра свободной торговой политики в Англии.

¹¹⁶. Оуэн, Роберт (1771—1858) — английский утопист-коммунист, которого Маркс и Энгельс причисляли к «великим утопистам». Сын ремесленника, Оуэн с малых лет был приказчиком и вскоре благодаря своей старательности, честности и способности выдвинулся и сделался управляющим хлопчатобумажной фабрики в Нью-Ланарке. Там он стал проводить свои первые опыты изменения обстановки, окружающей рабочего, и улучшения его положения. В короткое время Нью-Ланарк превратился в образцовый, цветущий поселок, где жило здоровое рабочее население, производительность труда значительно поднялась, и даже прибыли увеличились. Нью-ланарский опыт стал знаменит во всем мире, а сам Оуэн сделался популярнейшим человеком. Однако на этом Оуэн не остановился. Он начал кампанию за вмешательство государства во взаимоотношения между рабочими и предпринимателями, и ему принадлежит заслуга первого проповедника идеи «рабочего законодательства». С тех пор буржуазия стала косо поглядывать на Оуэна, и неприязнь к нему

стала особенно сильной, когда Оуэн объявил себя противником лицемерной религии и буржуазного брака и сторонником коммунизма. В 1826 г. Оуэн пытался устроить коммунистическую колонию в Америке, под названием «Новая Германия», вложив в этот опыт почти все свое состояние. Опыт не удался, так как колония не могла устоять среди окружающих ее капиталистических отношений. Несмотря, однако, на эту неудачу, Оуэн не пал духом и продолжал в Англии свою проповедь; он обратился теперь к пропаганде идеи кооперативных товариществ, «рабочих базаров», где можно было бы получать продукты не за деньги, а за «трудовые квитанции», и примкнул всецело к рабочему движению, переживавшему под'ем в связи с развитием чартизма. Высказываясь против революционных методов борьбы, Оуэн стоял за организацию всех английских рабочих в великое профессиональное объединение союзов. Ученики Оуэна принимали непосредственное участие в борьбе чартистов, но принадлежали к умеренному или «мирному» крылу.

Наиболее известной книгой, написанной Оуэном, считается его «Образование человеческого характера», где он развивает идеи английских и французских материалистов-философов XVIII века.

¹¹⁷. Ч а р т и з м — революционное социально-политическое движение британского пролетариата во второй четверти XIX века. Непосредственной целью его были завоевания всеобщего избирательного права и переход политической власти в руки рабочего класса. Период его возникновения относится к 1830-м годам. Практическую организованную форму оно получило в 1836 — 1842 гг., с 1849 г. оно начало замирать и в 1857 г. совершенно исчезло.

¹¹⁸. Третье сословие означало во Франции с конца средних веков до 1789 г. всю нацию, за исключением двух привилегированных сословий: дворянства и духовенства. Официально все население Франции до революции 1789 г. делилось на три сословия: духовенство, дворянство и третье сословие. Третье сословие не было однородною массой, а включало в себя буржуазию, интеллигенцию, крестьянство, ремесленников и наемных рабочих. Великая революция 1789 г. уничтожила деление нации на сословия и установила равенство всех граждан перед законом. Но уничтожение сословий лишь расчистило почву для более резкого выявления противоречий интересов различных общественных классов, в первую очередь буржуазии и пролетариата, которые раньше входили оба в состав третьего сословия.

¹¹⁹. З а н д, Жорж (1804—1876) — литературный псевдоним знаменитой французской писательницы Авроры Дюдеван. Она была поборницей эмансипации женщины, играла видную роль в передовом литературном движении Франции, прониклась идеями сенсимонизма и прогрессивными философскими идеями, принимала участие в революции 1848 г. во Франции. Написала

много романов, в которых проводила главным образом идеи свободы чувства, эмансипации женщин и протеста против семейного угнетения женщины. Почти все ее романы были переведены на русский язык и пользовались большой популярностью. Цитата, приводимая Марксом, взята из повести «Ян Жишка».

¹²⁰. А н н е н к о в, П. В. (1812—1887) — русский писатель, много ездивший по Европе и встречавшийся с виднейшими коммунистами Запада первой половины XIX века. Известный пушкиновед. В своих воспоминаниях описывает свои встречи с Марксом и Энгельсом.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Андерсон, 38.
Анненков, 19, 169.
Аркрайт, 134.
Аткинсон, 66.
- Фаббедж, 132.
Бастиа, 27.
Бернштейн, 3.
Бланки, 50.
Бодо, 101.
Бонапарт Луи, 28, 29.
Бриссо, 22.
Брэй, 5, 11, 16, 18, 68—69, 71—74, 76.
Буагильбер, 66, 86—87.
- Вагнер Ад., 10.
Вейтлинг, 4.
Вильгельм Оранский, 145.
Вильнев-Баржемон, 116.
Вольтер, 29, 81.
- Гарвей, 142.
Гегель, 20—21, 100—101, 103—105, 108, 110.
Гельвеций, 26.
Геркулес, 134.
Гескиссон, 161.
Гильдич (Hilditch), 153.
Годскин, 19.
Гопкинс, 19, 68.
Грюн Карл, 23.
- Дроз, 50.
Дюнуае, 26, 60.
- Жорж Занд, 165.
Засулич В., 91.
- Кабэ, 26.
Кант, 21, 23, 126.
Карл II, 157.
Каутский, 3, 25.
Кенэ, 100.
Керар, 35.
Кольбер, 140.
Констансио, 36, 45.
Купер, 88.
- Лаванс Лажанти де, 35.
Лассаль, 51.
Лафарг, 3.
Лемонтэй, 124, 137.
Ленгэ Николай, 28.
Лодердаль, 35—36, 48, 93.
Людовик XIV, 86.
Людовик XV, 100.
- Мальтус, 21.
Марсетт, 19.
Менгер Антон, 19.
Милль Джемс, 153.
Милль Джон-Стюарт, 87, 153.
- Наполеон, 29, 153.
- Оуэн, 161,
- Петр Великий, 28.
Петти Вильям, 157.

Плеханов, 24, 158.
Прометей, 95—98.

Раумер, 28.

Рикардо, 4—8, 18, 25, 33, 36,
44—50, 54—55, 63—64, 67—68,
85—86, 93, 100, 119, 147—152.

Родбертус, 4—6, 9—18.

Росси, 50, 143.

Руссо, 28—29.

Рязанов, 45.

Садлер, 89.

Сениор, 87.

С.-Симон, 20.

Сисмонди, 35—36, 64, 66, 125.

Смит Адам, 33, 43, 44, 46, 55, 80,
119, 123, 124, 132, 134, 135,
145, 173.

Стюэрт Джемс, 145.

Сэй Ж.-Б., 36, 44, 56, 85, 123,
124.

Томпсон Вильям, 5, 19, 68.

Тук, 87.

Тьер, 27.

Уайт, 134.

Фейербах, 20.

Фергюссон, 124, 125.

Филипп I, 82, 83.

Фошэ Леон, 159.

Фурье, 20, 169, 181.

Швейцер, 3.

Шербюлье, 153.

Шторх, 40.

Эвелинг Элеонора, 3.

Эдмондс, 5, 68.

Энгельс, 47, 50, 62, 63, 77, 108,
138, 161, 165.

Юр, 134, 136.

К. Маркс --- ИШЕТА ФИРСУФНИ